63.3(2)5
К 563

И.Д.Ковальченко
Т.Л.Моисеенко
Н.Б.Селунская

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

63.3(2)5
К563

И.Д.Ковальченко
Т.Л.Моисеенко
Н.Б.Селунская

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

(Источники и методы исследования)

С1028730
м97

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1988

ББК 63.3(2)5
К 55

Авторы:

И. Д. Ковальченко (глава 2 совместно с Н. Б. Селунской, глава 3, заключение);
Т. Л. Моисеенко (главы 1, 4);
Н. Б. Селунская (введение, глава 2 совместно с И. Д. Ковальченко, глава 5)

Рецензенты: профессор Л. В. Милов, профессор В. Г. Тюкавкин

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б.
К 55 Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма: (источники и методы исследования). М.: МГУ, 1988. 224 с.
ISBN 5—211—00035—8

В монографии поставлены актуальные источниковедческие и методологические проблемы изучения истории крестьянства России эпохи капитализма, подведены итоги конкретного исторического исследования характера и особенностей социального расслоения крестьянства, производственно-экономического строя крестьянского хозяйства. Рассматриваются комплексы массовых статистических источников по истории крестьянского хозяйства, новейшие математические методы типологии и анализа структуры крестьянских хозяйств Европейской России в целом и отдельных регионов.

Для специалистов-историков, преподавателей, научных работников.

К $\frac{0503000000—040}{077(02)—88}$ 35—88

ББК 63.3(2)5

ISBN 5—211—00035—8

© Издательство Московского университета, 1988 г.

Волгоградская областная

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Исследование крестьянского хозяйства в системе аграрных отношений России эпохи капитализма — одна из центральных проблем советской историографии на всем протяжении ее развития. Вместе с тем, как отмечается в новейших работах по истории крестьянства, «несмотря на бесспорные успехи нескольких поколений советских историков в изучении российской дореволюционной деревни в разных аспектах ее сложной истории, к настоящему времени неясных вопросов едва ли осталось меньше, если не стало больше»[1]. Актуальность дальнейшего изучения крестьянского хозяйства дореволюционной России определяется его местом в системе аграрных отношений России эпохи капитализма, сложностью и исторической значимостью процессов, связанных с вызреванием социально-экономических предпосылок буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций. Принципиальное значение для исследования имеет справедливое заключение о том, что «пока, наверное, три четверти работ советских историков было направлено на изучение роли пережитков феодализма, на изучение противоречий первого рода, а исследование чисто капиталистических противоречий отстает...». Такое состояние историографии заставляет сделать вывод о недостатках и пробелах в исследовании процесса социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской революции в аграрном строе России, развития двух путей буржуазной аграрной эволюции, необходимости «шире раскрыть ленинское положение о развитии противоречия уже капиталистического характера»[2].

Общественно-политическая и историческая значимость изучения крестьянского хозяйства как ведущего компонента аграрного строя дореволюционной России связана с необходимостью борьбы советской историографии с различными буржуазными фальсификациями истории дореволюционной российской деревни.

Буржуазные концепции Великой Октябрьской революции, истории социалистического преобразования сельского хозяйства нашей страны тесно связаны с изучением истории аграрного строя дореволюционной России. Абсолютизируя специфику аграрной эволюции России эпохи капитализма, буржуазные исследователи стремятся превратить российскую деревню кануна социалистической революции в удобный объект доказательства ее «случайности» и отсутствия социально-экономических предпосылок Октябрьской революции в аграрном строе России. Только в конце 70-х — 80-е

годы XX в. в англо-американской историографии появилось много работ, посвященных основным экономическим и социально-политическим вопросам аграрной истории дореволюционной России, претендующих на создание концепций аграрного развития России, истории общины и крестьянства [3]. Одну из таких концепций «уникальности, своеобразия, отсталости России» можно оценить с точки зрения ее методологической основы как субъективистскую интерпретацию аграрной эволюции России, суть которой сводится к показу «специфических особенностей культуры». Причины и факторы, определяющие характер «аграрной эволюции» России, американские историки усматривают в умонастроениях, поведении и поступках отдельных личностей, элиты. Традиция подобной интерпретации аграрного строя России восходит к работам Дж. Робинсона [4]. Его книги и по нынешний день признают классическими в современной буржуазной историографии.

Концепция «уникальности», «своеобразия» имеет своим конкретно-историческим итогом отрицание процесса развития капитализма в аграрном строе России и вообще прогресса в экономике российской деревни, утверждение, что якобы «модернизация прошла стороной от крестьянского населения, не изменила природу крестьянства и аграрной экономики» из-за неспособности российского крестьянства к модернизации вследствие специфических особенностей его культуры: невежества, приверженности к традициям, патриархальности, религиозности. Основное содержание аграрной истории России представляется в соответствии с данной концепцией как «рост культурного сепаратизма между крестьянством и дворянством, которое подвергалось успешной «вестернизации», состоявшей в имитации западных стандартов и ценностей» [5].

В последние годы в связи с появлением в буржуазной англо-американской историографии работ по аграрной истории России, основанных на привлечении массового статистического материала и использовании методик статистического анализа [6], произошло известное корректирование концепции «модернизации» аграрного строя России.

«Модернизация» трактуется как разновидность и составная часть глобального процесса, как повторение опыта западного мира, как процесс «подтягивания» до уровня развитых западных буржуазных стран отсталых обществ. Такое толкование процесса «модернизации» служит задаче моделирования истории всех стран мира по образцу высокоразвитых капиталистических государств. При известном различии буржуазных концепций развития аграрного строя России их сближает общая исходная позиция — отрицание объективной закономерности социалистической революции в России, отсутствие социально-экономических предпосылок ее победы, которое мотивируется именно отсталостью аграрного строя, крестьянского хозяйства.

Политическая тенденциозность и классовая направленность буржуазных концепций сущности аграрного строя России эпохи

капитализма особенно ярко выступают в работах о российском крестьянстве.

Стремление доказать неспособность крестьянства России к классовой борьбе, отсутствие предпосылок социалистической революции в деревне и процесса расслоения российской деревни конца XIX — начала XX в. объединяет буржуазных исследователей различных течений.

В буржуазной историографии продолжает активно развиваться идея особого крестьянского «образа жизни» (way of Life), своеобразия его культуры» с присущими ему чертами «консерватизма и монархизма».

Изучение крестьянской русской поземельной общины начала XX в., социальной структуры российской деревни в современной буржуазной англо-американской историографии характеризуется появлением работ, претендующих на «новый методологический подход» к анализу названной проблемы. Если традиционные буржуазные концепции аграрного строя России генетически связаны с русской либерально-буржуазной историографией («теорией контраста» П. Н. Милюкова, концепциями «легальных марксистов» и прежде всего Б. П. Струве), то в качестве «нового методологического подхода» современная зарубежная русистика преподносит оживление народнических и неонароднических концепций аграрного строя России с целью доказательства отсутствия развития капитализма в российской деревне.

Не решаясь отрицать существование капитализма в России в начале XX в., Т. Шанин расчленяет систему ее общественных социально-экономических отношений, сложившихся в этот период, ограничивая действие капиталистических закономерностей «городским космосом». Сельское хозяйство России он представляет как «традиционное семейное натуральное хозяйство крестьян с островками модернизированных поместий».

«Новый» методологический подход к изучению социальной структуры российской деревни заявлен как концепция «циклической мобильности» крестьянства, которая противопоставлена марксистско-ленинскому анализу буржуазного разложения крестьянства и классовой борьбы в деревне.

«Русское крестьянство, — пишет Шанин, — представляет собой специфическую структуру в смысле классовых характеристик, основных элементарных взаимосвязей социальных институтов и типичных форм сознания». Поэтому, по мнению Т. Шанина, невозможно переносить «урбанистские модели» на деревню, то есть вести анализ социальных изменений в деревне под воздействием развития промышленного капитализма. В социальной структуре деревни, утверждает он, «отсутствует деление общины на качественно отличные, противостоящие друг другу группы рабочих и предпринимателей», а значит, и «потенциальные классовые противоречия» [7].

Отрицание воздействия закономерностей товарного производства и капитализма на крестьянское хозяйство приводит буржуазную историографию к извращению характера эволюции крестьян-

ского хозяйства, его роли в аграрном строе и классовой борьбе в дореволюционной российской деревне.

Общественно-политическая и научная актуальность изучения крестьянского хозяйства в системе аграрных отношений дореволюционной России особенно отчетливо проявляется, если обратиться к истории разработки методологии и конкретно-исторического исследования этих проблем в советской историографии.

●

Борьба за утверждение ленинской концепции развития аграрного капитализма в России обусловила первоочередное внимание советских историков к теоретико-методологическим проблемам изучения аграрного строя России эпохи капитализма, предопределила обобщающий характер работ по проблемам аграрной истории России в первый период развития советской исторической науки [8]. Исследования С. М. Дубровского, А. В. Шестакова, П. И. Лященко, А. Гайстера были направлены против народнических концепций, на доказательство капиталистического характера аграрной эволюции России [9]. При бесспорной историографической ценности работы этих авторов отличаются и несовершенством, неизбежным в тех условиях. Еще недостаточное освоение ленинского научно-теоретического наследия и узкая документальная основа исследований повлияли на степень конкретно-исторической разработки отдельных сторон аграрного строя России эпохи капитализма.

Следующий историографический этап исследования аграрного строя России эпохи капитализма (30-е — конец 50-х годов XIX в.) [10] характеризуется наряду с сохранением общего подхода [11] началом изучения отдельных сторон [12], определенных этапов процесса аграрной эволюции России (специальному исследованию подверглась в основном проблема столыпинской аграрной реформы [13]), сопровождавшегося углубленной разработкой документальной основы исследования. К этому времени относятся и первые шаги в научной координации работы историков-аграрников. Так, в 1949 г. академиком Б. Д. Грековым была основана Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР при Институте истории АН СССР. Комиссия активно участвует в издании сборников трудов историков-аграрников «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР...».

Наметившиеся тенденции в изучении аграрного строя России эпохи капитализма получили дальнейшее развитие в историографии последующего десятилетия, что, в частности, отразилось на научно-организационном уровне конкретно-исторической разработки проблем аграрной истории. В 1958 г. начинает работу межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, объединивший историков-аграрников 7 союзных республик. Труды этих симпозиумов публикуются в «Ежегодниках по аграрной истории Восточной Европы». Научные исследования аграрного строя России получили большой размах наряду с фундаментальными обобщающими исследованиями аграрного развития России конца XIX — начала XX в. [14]. В 60-е годы появились работы, нацеленные на изучение аграрного строя отдельных крупных регионов — Белоруссии, Киргизии, Азербайджана, Туркестана [15].

Намного вперед продвинулось изучение белорусской деревни с появлением работы К. И. Шабуни «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг.» [16]. В этой книге обобщен огромный конкретно-исторический материал, раскрывающий предпосылки буржуазно-демократической революции в условиях Белоруссии, истоки подъема крестьянского движения, его направления, характер и размах в годы первой русской революции. В 60-е годы продолжаются исследования по истории аграрных отношений в Закарпатье, Сибири и на Урале [17]. Одновременно расширяется проблематика конкретно-исторических исследований аграрного строя России эпохи капитализма. Уже с конца 50-х годов XX в. объектами пристального внимания советских историков-аграрников становятся отдельные стороны аграрных отношений России эпохи капитализма, прежде всего эволюции крестьянского и помещичьего хозяйства, землевладения, землепользования и др. [18]. Расширение проблематики исследований сопровождалось новыми углубленными разработками в области источниковедения аграрного строя России, его отдельных элементов [19].

Конкретно-историческое изучение аграрного строя России эпохи капитализма обусловило необходимость более глубокого осмысления ленинского теоретического наследия [20]. Поэтому в центре внимания историков-аграрников постоянно находится освоение марксистско-ленинского учения по аграрно-крестьянскому вопросу. Здесь особо следует отметить цикл сборников, выпущенных к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина [21], обобщающую работу П. Н. Першина [22], серию статей, посвященных ленинскому анализу аграрного строя России эпохи капитализма [23], обобщающую двухтомную работу С. П. Трапезникова [24].

Внимание советской историографии к вопросам теории и методологии изучения аграрного строя России вообще и крестьянского хозяйства в частности проявилось в этот период в проведении научно-теоретических дискуссий по кардинальным проблемам аграрной истории.

Так, в дискуссии 1960 г. отчетливо обнаружились расхождения в оценке характера аграрного строя России начала XX в. [25]. Одни исследователи признавали преобладание в сельскохозяйственном производстве полукрепостнических и вообще докапиталистических форм хозяйства, но считали, что как направление развития аграрный капитализм победил, хотя капиталистические отношения вплоть до 1917 г. не стали господствующими. В конечном итоге сторонники этой точки зрения вынуждены были говорить о полукрепостническом характере аграрного строя России [26]. Однако такой подход к оценке аграрного строя как бы выводит этот строй из-под воздействия объективных исторических закономерностей

капиталистической формации, определявших развитие России. Декларативное признание этих закономерностей не меняет сути дела.

Сторонники концепции о том, что в сельскохозяйственном производстве преобладали собственно капиталистические отношения, допускали просчет иного рода [27]. Они по существу не учитывали, что аграрный капитализм может развиваться в различных формах и в зависимости от них развитие капиталистических отношений может быть опутано множеством всякого рода пережитков, тормозящих буржуазно-аграрную эволюцию и неблагоприятно сказывающихся на положении непосредственных производителей.

Еще одним кардинальным вопросом теоретических дискуссий является вопрос о типе буржуазной аграрной эволюции России в XIX — начале XX в. Характеризуя путь, или тип, буржуазной аграрной эволюции России, С. М. Дубровский, например, высказывал мнение, что в своем реальном выражении этот тип эволюции был буржуазно-консервативным, помещичьим («прусским»). Что же касается буржуазно-демократического («американского») пути аграрной эволюции, то он якобы был лишь возможностью, за которую вело борьбу крестьянство [28]. Л. М. Горюшкин, И. Д. Ковальченко и другие исследователи утверждают, что эта тенденция была исторической реальностью, а необоснованность первой точки зрения видят в смешении условий, допускающих развитие по буржуазно-демократическому пути, с условиями, при которых такой путь аграрной эволюции мог победить [29].

Интерес советской историографии к изучению социально-экономической структуры российской деревни эпохи капитализма, к анализу различных укладов в крестьянском и помещичьем хозяйствах привел к постановке вопроса о принципах и критериях выделения этих укладов, определении их удельного веса в социально-экономическом строе деревни в XIX — начале XX в.

Большинство советских историков исходят из того, что при оценке сущности социально-экономического строя необходимо прежде всего раскрытие его целостной, качественной определенности. Она может быть выявлена путем выделения ведущих, определяющих это качество отношений, то есть производственных отношений господствующего формационного уклада. Некоторые историки все же полагают, что социально-экономический строй вообще и аграрный строй в частности может представлять простое сочетание и переплетение различных укладов, сосуществующих на равных основаниях. Подобный подход справедливо был подвергнут критике при обсуждении проблем многоукладности российской экономики (в период империализма) на научной сессии 1969 г. в Свердловске. При таком подходе отрицается определяющее влияние капиталистического уклада, его воздействие на другие уклады, выдвигается утверждение о преобладании в аграрном строе России эпохи империализма полукрепостнических отношений [30].

Разработка политико-экономической типизации крестьянского хозяйства вылилась в дискуссию (1960—1963 гг.) о мелкотоварном укладе, когда был поставлен вопрос, какие крестьянские хозяйства могут считаться товаропроизводящими [31].

В целом анализ состояния историографии 50—60-х годов показывает, что изучение аграрного строя и крестьянского хозяйства России эпохи капитализма заметно продвинулось вперед. Это — значительное расширение проблематики, внимание к различным элементам аграрного строя, исследование характера и особенностей аграрных отношений в различных регионах России на основе дальнейшего освоения ленинского наследия и привлечения широкого круга источников.

В начале 70-х годов советская историография аграрного строя России вступает в новую фазу [32]: в это время выходят обобщающие работы, в которых аграрные отношения рассматривают в связи с общим анализом экономической истории отдельных национальных районов (Молдавии, Латвии, Украины, Армении) [33]. В монографии Л. И. Липинского подробно показаны характерные для Белоруссии множества разрядов, из которых состояло крестьянство, а также расширен круг источников, что для Белоруссии имеет особое значение из-за отсутствия статистики [34].

В 70-х — первой половине 80-х годов значительно усилилась разработка аграрной истории в отдельных регионах: в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии [35]. Число публикаций по этим районам вдвое превышает число исследований по Европейской России и Сибири [36]. Развернулась большая научно-исследовательская работа объединений историков-аграрников и по другим регионам, опубликованы сборники трудов по аграрной истории северных областей, Центра и Северо-Запада РСФСР [37].

Интенсивно изучалась история развития аграрного сектора экономики и крестьянства на материалах автономных республик Европейской России [38]. Крестьянству многонационального Среднего Поволжья посвящена работа Ю. И. Смыкова. Она основана на большом разнообразном материале [39].

Из исследований локального характера особо следует выделить монографию Д. И. Будаева по истории смоленской деревни [40], где основательно изучены условия крестьянской реформы и результаты ее осуществления, развитие крестьянского хозяйства, неземледельческие занятия крестьян, социальная структура деревни, классовая борьба крестьян. Работа эта выходит за рамки локального исследования, так как в ней затронуты вопросы изучения аграрного строя России в целом, а также спорные вопросы, не решенные в ходе названных дискуссий.

Наиболее фундаментальной работой о реформе 1861 г. и ее осуществлении, вышедшей в рассматриваемый период, является монография Б. Г. Литвака [41]. Эта монография представляет интерес не только как конкретно-историческое, но и методологическое исследование проблем, связанных с реформой 1861 г. Б. Г. Литвак разработал наиболее обстоятельную в советской историографии методику обработки и анализа уставных грамот — основного массового источника, характеризующего положение крестьян накануне реформы и после ее проведения.

Одной из кардинальных, активно исследуемых сторон изучения аграрного строя является анализ производительных сил и товарности сельскохозяйственного производства [42].

Конкретно-историческое изучение путей и форм буржуазной аграрной эволюции России получило значительное развитие в капитальной монографии Л. М. Горюшкина «Аграрные отношения в Сибири периода империализма» [43].

Всестороннему изучению подверглось крестьянское хозяйство Европейской России в двух монографиях А. М. Анфимова [44]. На основе привлечения широкого круга разнообразных источников в этих книгах рассмотрены различные стороны экономики крестьянского хозяйства, затрагиваются и вопросы крестьянского движения 1880—1904 гг. Работы А. М. Анфимова как бы завершают цикл исследований 70-х — начала 80-х годов.

Современный этап изучения аграрного строя дореволюционной России характеризуется сближением точек зрения историков-аграрников по вопросу о роли капиталистических отношений в социально-экономическом развитии российской дореволюционной деревни.

Отличительной чертой историографии 70—80-х годов по аграрной истории является разработка конкретной методологии исследования сложных процессов исторического развития российской дореволюционной деревни. Эти достижения советской историографии обусловлены более глубоким усвоением ленинского теоретического наследия.

Примером освоения ленинского наследия на современном этапе развития исторической науки является, на наш взгляд, работа В. Г. Тюкавкина и Э. М. Щагина «В. И. Ленин о трех российских революциях».

Опыт конкретно-исторического изучения путей и форм развития аграрного капитализма на основе обобщения и освоения обширных, но разрозненных комплексов статистических материалов связан с исследованием социальной структуры крестьянства Прибалтики и Азербайджана [45].

Центральным пунктом конкретно-методологических разработок выступают принципы и требования системного подхода и анализа. Системный подход к анализу аграрных отношений, к выявлению взаимодействия различных элементов структуры аграрных отношений в определенные исторические периоды отличает фундаментальные исследования академика Н. М. Дружинина, посвященные анализу процессов, протекающих в экономике русской деревни в пореформенное 20-летие [46]. Показывая органическую взаимосвязь экономических и социальных процессов в русской деревне, Н. М. Дружинин выявил их воздействие на социально-политический кризис и возникновение революционной ситуации 1879—1881 гг. [47]. Этими исследованиями восполнен пробел в изучении переломного этапа истории аграрных отношений России, а также благодаря им разработаны конкретно-методологические принципы изучения аграрного строя и его отдельных элементов.

Исследованию процесса утверждения новой капиталистической формации в промышленности и аграрном строе России посвящена монография П. Г. Рындзюнского, в которой дан анализ аграрного строя как элемента системы общественных отношений России эпохи капитализма. Эти исследования социально-экономических процессов в пореформенном крестьянском и помещичьем хозяйствах имеют методологическое значение для дальнейшего конкретно-исторического изучения истории аграрных отношений России эпохи капитализма [48].

Методологические принципы раскрытия единства закономерностей развития капитализма в конкретно-исторической специфике их проявления в социально-экономическом строе российской деревни и в крестьянском хозяйстве показаны и в другой монографии П. Г. Рындзюнского; во второй половине XIX в. основу различий в уровне развития деревни и города составляют различные стадии капитализма. «По выходе из феодально-крепостнической системы деревня России делалась средоточием мелкобуржуазного уклада, в то время как крупные города, как правило, были центрами фабрично-заводской промышленности и их общественно-экономический облик определялся социальными отношениями, свойственными зрелому капитализму» [49]. Одной из задач исследования П. Г. Рындзюнского является конкретный показ мелкобуржуазного уклада как элемента общей системы капитализма и его подчиненного значения в ней.

Большое значение в раскрытии буржуазной аграрной эволюции вообще, и крестьянского хозяйства в частности, имело изучение процесса формирования капиталистического аграрного рынка [50]. Поскольку рынок был средоточием проявления закономерностей, присущих товарно-капиталистическому производству, постольку его состояние обобщенно характеризует уровень развития аграрного капитализма. Глубина связи крестьянского хозяйства с рынком и степень его подчиненности господствующим на нем законам могут быть выявлены при наличии необходимых данных и непосредственно [51].

Системный подход и системный анализ в изучении аграрного строя потребовали применения математических методов, ЭВМ и моделирования изучаемых явлений и процессов. С 70-х годов эти методы исследования находят все более широкое применение в изучении аграрного развития России в период капитализма [52]. Без новых методов в настоящее время фактически невозможно изучение массовых социально-экономических явлений и процессов.

Применение новых методов исследования привело к появлению специальных источниковедческих исследований. Так, в монографии Б. Г. Литвака об источниковедении массовой документации значительное место уделено изучению материалов вотчинного делопроизводства, губернаторских отчетов, массовой первичной документации органов крестьянского самоуправления — договоров и сделок, приговоров сельских и волостных сходов, правлений

и судов [53]. Вопросам источниковедческого анализа и методики обработки массовых статистических данных источников об аграрном строе России эпохи капитализма посвящены и многие другие исследования [54].

Таким образом, на современном этапе конкретно-исторического изучения истории дореволюционной российской деревни на первый план выдвигаются дальнейшее развитие методологии и методов исследования путей и форм развития аграрного капитализма в различных сферах аграрных отношений, исследования во всей полноте процесса вызревания предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции в аграрном строе России. Одним из существенных явлений в социально-экономической истории дореволюционной российской деревни было развитие капитализма в крестьянском хозяйстве и утверждение в деревне буржуазной социальной структуры, то есть разложение старого, феодального крестьянства и формирование новых, буржуазных социальных слоев и классов.

Раскрытие масштаба и глубины, закономерностей и особенностей этого сложного процесса — одна из основных задач советских историков. Многое в этом направлении уже сделано, однако всестороннее и фундаментальное изучение развития капитализма в деревне еще только разворачивается. Поэтому в решении стоящих здесь задач наряду с углубленным теоретико-методологическим анализом особое значение приобретают широкое вовлечение в научный оборот массовых источников о крестьянстве и совершенствование методов их обработки и анализа. Решение этих проблем было главной задачей при исследовании социально-экономического строя крестьянского хозяйства России эпохи капитализма.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

[1] Анфимов А. Н. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881—1904 гг. М., 1980. С. 3.

[2] Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Ленин о трех российских революциях. М., 1984. С. 5—7.

[3] Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society. Russia 1910—1925. Oxford, 1972; idem. The Peasant Dream: Russia 1905—1907//Culture, Ideology and Politics. L., 1982; The Politics of Rural Russia 1905—1914. Ed. by L. Haimson. Indiana Univ. Press, 1979; Gregory Paul R. Russian National Income 1885—1913. Cambridge, 1982; Atkinson D. The End of Russian Land Commune 1905—1930. Stanford, 1983.

[4] Robinson G. Rural Russia Under Old Regime. N. Y., 1932; idem. Landlord—Peasant World and Prologue to the Peasant Revolution of 1917. N. Y., 1949; Emancipation of Russian Serfs. Ed. by T. Emmons. Stanford, 1970.

[5] The Peasant of the Nineteenth Century Russia. Stanford. Univ. Press Stanford California, 1968. Подробнее см.: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б. Американские историки о русском крестьянстве//История СССР. 1971. № 5.

[6] Shanin T. The Awkward Class; Gregory Paul R. Op. cit.

[7] Shanin T. The Awkward Class. P. 174.

[8] Подробнее об этом см.: Тарновский К. Н. Проблемы аграрной истории России в советской историографии (1917 г. — начало 30-х гг.) // ИЗ. Т. 78. М., 1965.

[9] См.: Дубровский С. М. Очерки русской революции: сельское хозяйство. 1-е изд. М., 1922; 2-е изд. М., 1923; он же. Столыпинская аграрная реформа. М., 1927; Шестаков А. В. Капитализация сельского хозяйства: (От реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. М.—Л., 1925; он же. История русского народного хозяйства. М., 1927; Гайстер А. Сельское хозяйство капиталистической России: (От реформы 1861 г. до революции 1905 г.). М., 1927.

[10] Подробный обзор литературы см.: Тарновский К. Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии: (Конец 30-х — первая половина 50-х годов XX в.) // ИЗ. Т. 83. М., 1969.

[11] Среди общих работ следует указать продолжающиеся исследования: Лященко П. И. История народного хозяйства. М.—Л., 1930; он же. История народного хозяйства СССР. М., 1939.

[12] См.: Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России периода капитализма. 1860—1914. М., 1951.

[13] См.: Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941; Антонова С. И. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменение в составе рабочего класса. 1906—1913: (По материалам Московской губернии). М., 1951; Шапкарин А. В. Столыпинская аграрная реформа. М., 1954.

[14] См.: Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1962; Першин П. Н. Аграрная революция в России: Историко-экономическое исследование. В 2-х кн. М., 1966. Кн. I. От реформы к революции.

[15] См.: Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1963; Исмаилов М. А. Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX — в начале XX в. Баку, 1964; Юлдашев А. М. Аграрные отношения в Туркестане: (Конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1969.

[16] См.: Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962.

[17] См.: Коломиец И. Р. Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX столетия. Томск, 1961—1962. Т. 1, 2; Горюшкин Л. М. Историографические проблемы аграрного капитализма в Сибири в конце XIX — начале XX в. // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1965; он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: (Конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1967; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Легошин Л. И. Историография аграрного вопроса на Урале в пореформенный период // История СССР. 1969. № 1.

[18] См.: Анфимов А. М. Частновладельческое лесное хозяйство в России конца XIX — начала XX в. // ИЗ. Т. 63. М., 1958; он же. Продовольственные долги как показатель экономического положения крестьянства дореволюционной России: (*Конец XIX — начало XX в.*) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Сб. 4; он же. Земельная аренда в России в начале XX в. М., 1961; он же. Карловское имение Мекленбург-Стрелицких в конце XIX — начале XX в. // Там же. Сб. 5. М., 1962; он же. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901—1912) // ЕАИВЕ 1963 г. Вильнюс, 1964; Иванов Л. М. Распределение землевладения на Украине накануне революции 1905—1907 гг. // ИЗ. Т. 60. М., 1957; он же. О капиталистической и отработочной системах в сельском хозяйстве помещиков на Украине в конце XIX в. // Вопросы истории сельского хозяйства крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; Козин М. И. Капиталистическая эволюция сельского хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX в. // ЕАИВЕ 1959 г. М., 1961; Мицарик Л. П. Системы помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых (1900—1913 гг.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5; она же. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX — начала XX в. // ЕАИВЕ 1964 г. Кишинев, 1966; Будаев Д. И. Разложение крестьянства Смоленской губернии в пореформенный период // ЕАИВЕ

1963 г. Вильнюс, 1964; он же. Соотношение капиталистической и отработочной систем в земледельческом хозяйстве помещика Барышникова Дорогобужского уезда Смоленской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // ЕАИВЕ 1964 г. Кишинев, 1966; Гуменюк Е. Н. Шляхетский фольварк как сельскохозяйственное предприятие в начале 1870-х годов в Галиции // ЕАИВЕ 1966 г. Таллин, 1972.

[19] Достаточно указать работы, специально посвященные источниковедческим проблемам исследования, начало которым положено статьями: Анфимов А. М. «Свод по России» как источник для изучения помещичьего хозяйства XX в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 8; Минарик Л. П. Обзор материалов по истории помещичьего хозяйства в эпоху империализма (1900—1917 гг.) // Там же. Т. 10. она же. «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX в. // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964; Мулявичус Л. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в Ровенской губернии в начале 70-х годов XIX в. // ЕАИВЕ 1966 г. Таллин, 1972; и др.

[20] См.: Яцунский В. К. Приемы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории // История СССР. 1960. № 2. Буганов В. И. Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» // Проблемы источниковедения, т. 10.

[21] В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; см. также библиографический указатель: Шейнина Т. И., Красносельская Н. В., Виноградова О. Н. Труды В. И. Ленина по аграрному вопросу. / Под ред. Г. М. Лоза. М., 1970.

[22] См.: Першин П. Н. Ленинская теория по аграрному вопросу — важный вклад в развитие науки. М., 1970.

[23] См.: Анфимов А. М. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России // ВИ. 1965. № 7; Рындзюнский П. Г. Сравнительно-исторические приемы В. И. Ленина при изучении развития капитализма в России // История СССР. 1969. № 3; Ковальченко И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // ВИ. 1970. № 3.

[24] См.: Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. 1-е изд. М., 1967. Т. 1, 2; 2-е изд. М., 1974. Т. 1, 2.

[25] Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

[26] См.: Анфимов А. М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // ИЗ. Т. 65. М., 1959; он же. В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России начала XX в. // Особенности аграрного строя России в период империализма... В монографии, вышедшей позднее этих статей, А. М. Анфимов указывает на ошибочность тезиса о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской деревне. См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской части России 1881—1904. М., 1980. С. 7.

[27] См.: Дубровский С. М. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и классовой борьбе в деревне в период империализма // Особенности аграрного строя России в период империализма...

[28] См.: Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

[29] См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971; Горюшкин Л. М. Развитие капитализма вширь и характер аграрно-капиталистической эволюции в России периода империализма // История СССР. 1974. № 2.

[30] См.: Гефтер М. Я. Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России: Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972; Рындзюнский П. Г. О мелкотоварном укладе в России XIX века // История СССР. 1961. № 1; Ковальченко И. Д. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века // История СССР. 1962. № 1.

[31] См.: Анфимов А. М. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2.

[32] Характеристика разработки проблем аграрной истории в 70-е годы XX в. содержится в историографических обзорах: Ковальченко И. Д. Изучение истории России периода капитализма (XIX — начало XX в.) // Развитие советской исторической науки, 1970—1974. М., 1975; Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. Итоги и задачи изучения аграрной истории России в современной советской историографии // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии: Материалы XVI сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Кишинев, 1976 г. Кишинев, 1977; Анфимов А. М., Соловьева А. М. Изучение социально-экономической истории пореформенной России // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период. М., 1978; Анфимов А. М., Осипова Т. В. Историографические итоги и задачи изучения истории российского крестьянства периода империализма // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978; и др.

[33] См.: Гросул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии, 1861—1900. Кишинев, 1972; Очерки экономической истории Латвии, 1860—1900 / Под ред. М. И. Козина. Рига, 1972; Очерки экономической истории Украинской ССР. Киев, 1973. Т. 1, 2; Хандкарян М. А. Из истории аграрных отношений Восточной Армении: (Конец XIX — начало XX в.). Ереван, 1974.

[34] См.: Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.). Минск, 1971.

[35] См.: Чиджавадзе Н. Ш. Из истории земледельческого быта в Аджарии. Тбилиси, 1971; Набиев Г. Э. Аграрные отношения во владельческой деревне Азербайджана во второй половине XIX — начале XX в. Баку, 1971; Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972; Бесленеев А. Д., Шаманов И. М. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области (вторая половина XIX в.). Черкесск, 1972; Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период, 1861—1900. Махачкала, 1972; Сарыбаев К. Аграрный вопрос в Каракалпакии (конец XIX — начало XX в.). Нукус, 1972.

[36] См.: Анфимов А. М., Соловьева А. М. Указ. соч. С. 49.

[37] Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970—1973. Вып. 2—4; Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972.

[38] См.: Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972; Патрушев А. С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974 и др.

[39] См.: Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60—90-е годы XIX в. Казань, 1973.

[40] См.: Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX веков: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972.

[41] См.: Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г.: Черноземный центр, 1861—1895. М. 1972.

[42] См.: Горюшкин Л. М. О социальных результатах применения сельскохозяйственных машин в Сибири в начале XX в. // Бахрушинские чтения, 1973 г. Новосибирск, 1973. Вып. 2. Вопросы истории Сибири досоветского периода; Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974; Ратушняк В. Н. Материально-производственная база земледельческих хозяйств Кубанской области в конце XIX — начале XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. М., 1974. Сб. 8; он же. Товарное производство в сельском хозяйстве

Кубанской области в конце XIX — начале XX в.: Дис... канд. экон. наук. М., 1974; Миронов Б. Н. Движение хлебных цен в России в 1801—1914 гг. // ВИ. 1975. № 2; Пронин В. И. Динамика уровня земледельческого производства Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // История СССР. 1977. № 4.

[43] См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1976.

[44] Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России...; он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881—1904. М., 1984.

[45] Розенберг Т. О социальном расслоении крестьянства в Южной Эстонии в конце XIX века. Таллин, 1980; Грава И. К. Статистические обследования крестьянских хозяйств Лифляндской губернии 1913—1914 гг. как исторический источник для изучения социальной структуры крестьянства. Автореф... канд. дис. М., 1982; Ниедре О. Социальная структура крестьянства Прибалтики: (В первые десятилетия XX века). Рига, 1986; Раджзаде И. Р. Буржуазная эволюция государственной деревни Азербайджана. Баку, 1986.

[46] См.: Дружинин Н. М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г.: (По данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.) // ИЗ. Т. 89. М., 1972; он же. Влияние аграрных реформ 1860-х годов на экономику русской деревни // История СССР. 1975. № 5, 6.

[47] См.: Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг. М., 1978. В 1980 г. эта монография была удостоена Ленинской премии.

[48] См.: Рындзюнский П. Г. Экономический строй крестьянского надельного хозяйства России в пореформенный период // ВИ. 1971. № 11; он же. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм: (К вопросу взаимоотношений укладов в капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России: Проблемы многоукладности. Свердловск, 1973; он же. Утверждение капитализма в России. 1850—1880-е годы. М., 1978.

[49] Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 12.

[50] См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в.: (Опыт количественного анализа). М., 1974.

[51] См.: Ковальченко И. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века: (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5.

[52] См.: Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX — XX вв.: (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1; они же. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков: (Опыт многомерного анализа) // История СССР. 1981. № 1; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России эпохи капитализма. М., 1982; Обожда В. А. К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XIX века // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Моисеенко Т. Л. Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XIX века // История СССР. 1979. № 4.

[53] См.: Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979.

[54] Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979; Будаев Д. И. Из опыта обработки массовых источников // Источниковедение отечественной истории, 1976. М., 1977; и др.

С 10 28750

Часть первая

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Глава 1

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Формирование корпуса источников о крестьянстве и крестьянском хозяйстве в период капитализма имело свои особенности. В пореформенную эпоху резко возросло общее число письменных документов, появились новые типы и виды источников о крестьянском хозяйстве. Население России в начале XX в. увеличилось по сравнению с концом XVIII в. почти в 4,5 раза [1]. Такой рост народонаселения, естественно, не мог не отразиться на расширении объема документации, функционирующей в обществе.

Однако еще более существенной причиной возрастания количества и видового разнообразия исторических источников по мере перехода от одной социально-экономической формации к другой является расширение основы господствующего класса по сравнению с основой, на которую опирался класс, господствующий до него. Чем ближе к современности, тем шире круг исторически действующих групп и классов, тем обширнее и многообразнее документация, фиксирующая эти действия или образующаяся в результате этих действий [2].

Особенностью социально-экономического развития России в пореформенный период было громадное ускорение общественного развития, вовлечение в него миллионов людей. «...После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [3]. С вступлением России в эпоху капитализма возросла потребность в информации, адекватно отражающей процессы социально-экономического развития страны. Общество нуждалось в точных и достоверных сведениях о различных элементах хозяйственного механизма для выработки экономической и социальной политики, в том числе и в области аграрных отношений. В это время формируется система постоянного статистического учета как особое направление деятельности государственного аппарата. В 1863 г. при Министерстве внутренних дел были учреждены Центральный статистический комитет (ЦСК) и Статистический совет. Статистические работы проводили также отдельные департаменты, отделы министерств и ведомств, земства и научные общества. На рубеже 70—80-х годов XIX в. в фондах различных учреждений начинают интенсивно накапливаться массовые сведения об аграрном развитии страны, появляются новые их разновидности по сравнению с феодальной эпохой. С этого времени стремительно расширяется объем и ус-

ложняется структура корпуса источников о крестьянском хозяйстве России.

Сегодня историки располагают огромным комплексом материалов по истории крестьянства эпохи капитализма. Основное ядро его составляют массовые статистические источники, содержащие разнообразные количественные характеристики социально-экономического развития пореформенной деревни. В данной главе рассмотрены основные разновидности массовых статистических источников о крестьянском хозяйстве, степень их источниковедческой изученности и использования в исследовательской практике, а также очерчены возможные пути повышения их информативной отдачи. Прежде всего мы стремились показать эффективность извлечения из источников «скрытой», непосредственно не выраженной информации с помощью совершенствования традиционных для историков приемов исследования и в особенности путем применения новейших математических методов обработки и анализа массовых источников. Эта задача рассматривается главным образом на материалах сельскохозяйственных и земских переписей, а также бюджетных обследований крестьянства, то есть тех источников, которые содержат наиболее полную и разностороннюю характеристику крестьянского хозяйства. Нам представляется, что предложенные методики могут быть использованы при изучении различных аспектов истории крестьянства, способствуя постановке и решению новых исследовательских задач. Однако, естественно, что использованные методы обработки и анализа первичных и сводных материалов о крестьянском хозяйстве периода капитализма далеко не исчерпывают имеющиеся в этом отношении возможности.

В пореформенной России не было единой системы статистического учета: наряду с ЦСК сбором сведений о крестьянском хозяйстве занимались другие правительственные учреждения и общественные организации.

В конце XIX — начале XX в. в России существовало три основных способа сбора статистических сведений: экспедиционный, сбор данных с помощью сельской администрации и полиции, практиковавшийся в ЦСК, а также корреспондентский, с помощью которого собирали сведения текущей статистики земства и Департамент земледелия.

Разобщенность статистического учета предопределила появление нескольких комплексов статистических сведений по истории крестьянского хозяйства, которые различаются по характеру сведений и масштабам описания крестьянского хозяйства — от его комплексной характеристики в сельскохозяйственных и земских переписях и бюджетных обследованиях до дифференцированного описания его отдельных сторон в урожайной статистике, военно-конских переписях и др. Условия формирования источников обусловили также существенные различия в приемах и методах сбора данных, а следовательно, и их точности, достоверности и информационной ценности для современных исследователей.

Огромный фонд статистических источников о крестьянском хозяйстве эпохи капитализма представлен в основном двумя комплексами материалов: государственной статистикой, прежде всего данными Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, сведениями других правительственных учреждений и ведомств (Министерства финансов, Департамента земледелия, Ветеринарного управления и др.), а также статистикой местных органов самоуправления, представительных и общественных организаций. Именно эти комплексы массовых статистических данных о крестьянском хозяйстве пореформенной России и будут преимущественно находиться в центре нашего исследования.

Делопроизводственная документация о крестьянстве, требующая специального источниковедческого изучения, а также разработки иных методов обработки и анализа этих данных, в настоящей главе не рассматривается.

§ 1. Материалы правительственной статистики о крестьянском хозяйстве

Основное место среди обширного и разнородного комплекса материалов правительственной статистики, характеризующей разнообразные стороны сельскохозяйственного производства пореформенной России, занимают издания Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Этот огромный по объему и чрезвычайно сложный по структуре корпус источников, сосредоточенный преимущественно в многотомной публикации «Статистика Российской империи», распадается в основном на две группы материалов. В первую группу входит основная статистика, то есть единовременные обследования различных элементов аграрного строя, содержащие наряду с другими данными и сведения о крестьянском хозяйстве — земельные и сельскохозяйственные переписи, перепись населения 1897 г. и др. К ним тесно примыкают материалы специальных комитетов и комиссий, созданных для изучения тех или иных сторон жизни пореформенной деревни, например, Комиссии 16 ноября 1901 г. и др. Вторую группу составляет текущая статистика, то есть регулярно собиравшиеся и периодически публиковавшиеся в изданиях ЦСК типа «Временник ЦСК», «Урожай... года» сведения о важнейших наиболее изменчивых сторонах сельскохозяйственного производства — посевах и урожаях, численности рабочего и продуктивного скота и др.

С момента реорганизации Центрального статистического комитета в 1863 г. работы по изучению сельского хозяйства приобрели более или менее систематический характер и велись преимущественно по трем основным направлениям: изучение поземельной собственности; определение численности и поголовья скота; учет валовых сборов хлебов и их урожайности.

Ценные сведения о крестьянском землевладении содержат публикации переписей поземельной собственности. По первоначаль-

ному плану такие переписи должны были проводить через каждые 5 лет, но на практике были организованы всего 3 специальные земельные переписи — в 1877, 1887 и 1905 гг.; кроме того, еще одна земельная перепись прошла в составе сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Как правило, организацией сбора сведений земельных переписей и их первоначальной проверкой занимались чины местной полиции. Они фиксировали фамилию, сословие или звание землевладельца и размеры принадлежавшей ему земли, для крестьянских обществ отмечали число дворов и число душ, а также способы пользования пахотной землей (общинный или подворный) и др. Опросные листки заполняли: на крестьянские хозяйства волостные правления, на частновладельческие земли землевладельцы или арендаторы, а на земли государства и удельного ведомства те учреждения, в ведении которых они находились. Опросные листки сверяли со сведениями окладных книг уездных земских управ и передавали в губернские статистические комитеты, которые осуществляли окончательную проверку материалов и составляли списки населенных мест и землевладений по уездам.

Наиболее существенным препятствием к статистической точности этих сведений была неупорядоченность земельного учета на местах. Зачастую ни сами владельцы, ни волостные правления, ни казенные палаты й земства не знали точного количества имеющейся в данной местности земли. Нередко сведения различных ведомств невозможно было сравнивать, а иногда они отличались заведомой неполнотой.

К недостаткам переписей следует отнести также ненадежность контроля за сбором данных. Средством такого контроля были земские окладные книги и документы фискального назначения, но в них изменения в сфере земельных отношений зачастую либо вовсе не вносили, либо фиксировали несвоевременно. Чины местной полиции, не имевшие специальной подготовки, недостаточно квалифицированно справлялись с обязанностями по сбору статистических материалов.

Окончательная разработка и публикация материалов земельных переписей в ЦСК, как правило, растягивалась на несколько лет. Результаты первой переписи 1877 г., охватившей 49 губерний Европейской России (перепись не коснулась Области Войска Донского и Измаильского уезда Бессарабской губернии, отошедших к России в 1878 г.), издавались с 1880 по 1886 г.[4]. В 1886 г. вышел также сводный том, включающий, помимо итогов переписи 1877 г. поправки и дополнения к ее данным, обнаружившиеся в 1881 г. при проведении нового дополнительного обследования распределения земли по угодьям[5]. Кроме того, по материалам переписи 1877 г. ЦСК подготовил еще публикации либо по отдельным районам, либо об отдельных сторонах земельных отношений. Наибольший интерес среди них представляет издание «Волости и важнейшие селения Европейской России», которое включает статистические таблицы о волостных территориях и распределении в них по-

земельной собственности, а также поуездные списки селений[6]. Публикация материалов второй земельной переписи, которую проводили в 1887 г. по значительно сокращенной программе (сведения не поступили по Области Войска Донского, а по Астраханской, Лифляндской и Пензенской губерниям материал оказался столь недоброкачественным, что его решили не печатать), началась лишь в 1892 г. и продолжалась 17 лет[7]. Материалы третьей земельной переписи 1905 г., охватившей все 50 губерний Европейской России, были изданы в 1906—1907 гг.[8].

В публикациях земельных переписей в табличной форме содержатся губернские сведения об общем количестве земельной собственности с распределением ее по угодьям и главным категориям владельцев. Здесь, как правило, выделяются владения частных собственников, надельные земли (собственность крестьянских общин), земли государства, учреждений и церкви. Первая категория сведений подразделяется на данные о личной частной собственности и собственности крестьянских обществ и товариществ. В свою очередь сведения о личном землевладении распределяются по сословиям владельцев и размерам земельных участков.

Надельные земли подразделяются на земли бывших владельческих, бывших государственных и бывших удельных крестьян, колонистов, казаков с выделением земель в общинном и подворном владении. Для каждого уезда и разряда крестьян приводится число дворов, общее количество земли и размеры надела на крестьянский двор (до 5 десятин, от 5 до 10 и свыше 10 десятин). Первая и третья переписи дают также распределение личного землевладения по сословиям владельцев и размерам земельных участков. В связи с растянутыми сроками публикации второй переписи ЦСК ограничился разработкой общих сведений о поземельной собственности с распределением земли по угодьям и категориям владельцев, не давая группировку владений по размерам.

В целом широта охвата территории России, одновременность описания землевладения по всем районам ее Европейской части, сравнимость материалов обследований, в первую очередь переписей 1877 и 1905 гг. по различным категориям и группам владельцев, делают материалы земельных переписей ценнейшим источником для изучения размещения, динамики и структуры крестьянского землевладения в конце XIX — начале XX в.

Большой интерес для изучения эволюции землевладения в пореформенную эпоху представляют также «Материалы по статистике движения землевладения в России», издававшиеся Министерством финансов[9]. Этот источник отражает посословное движение земельной собственности, в том числе и крестьянской, путем ее купли-продажи с 1863 по 1910 г. Если земельные переписи позволяют воссоздать картину распределения земельной собственности на определенные даты, то сведения «Материалов» воспроизводят процесс перераспределения земли в динамике. Вычисленные по единой методике по каждой губернии более чем за полвека, «Материалы» характеризуют земельные цены, количество сделок

(продаж и покупок), размеры проданных и купленных участков. «Материалы» представляют уникальный в своем роде источник для изучения процесса мобилизации земельной собственности России.

Наиболее полным с точки зрения территориального охвата и наиболее разнообразным по характеру сведений массовым источником по истории крестьянства являются переписи 1916 и 1917 гг. Первая Всероссийская сельскохозяйственная перепись проходила летом 1916 г. Она охватила 77 губерний и областей Европейской и Азиатской России, не вовлеченных в военные действия.

В отличие от предыдущих переписей сбором материала занимались не чины местной полиции, а земские учреждения; там, где не было земств, сведения собирали уполномоченные Особого совещания по продовольственному делу (в Европейской части России) и местные переселенческие организации (в Азиатской части). Привлечение к организации переписи земских статистических учреждений с их огромным опытом обследования крестьянского хозяйства во многом обеспечило ее успех и высокий уровень.

Задачи переписи 1916 г. сводились главным образом к выявлению состояния земледелия и скотоводства в условиях продовольственного кризиса, вызванного мировой войной. Перепись учитывала крестьянские и частновладельческие хозяйства. Основными критериями их разграничения служили данные о найме рабочей силы и размерах посевов. Как правило, те хозяйства, которые использовали исключительно или частично только свой труд, считались крестьянскими, а хозяйства, где применяли наемный труд, и все хозяйства свыше 50 десятин относились к частновладельческим. Программа переписи предусматривала несколько этапов сбора сведений о крестьянском хозяйстве. В ходе сплошного обследования крестьянских хозяйств фиксировались сведения о размерах пашни (надельной, купчей и арендованной), численности населения (сюда включали также сведения о наемных рабочих), численности скота и размерах посевов по культурам на надельных, купчих, арендованных землях и другие данные. Путем выборочного описания 5% и 2% крестьянских дворов собирали сведения о скоте, посевах, приходах и расходах основных продовольственных продуктов и фуража в 1915 и 1916 гг. С целью оценить влияние войны на крестьянское хозяйство собирали также дополнительные выборочные сведения о скоте и посевах. Однако повсеместно такой учет организовать не удалось.

Достоверность собранных материалов проверяли путем выборочных повторных обследований. Они показали, что расхождения показателей о численности населения, рабочего и крупного рогатого скота оказались незначительными, несколько большими они были по мелкому скоту и наиболее существенными по размерам посевов. В целом перепись 1916 г. содержит достаточно достоверные, а по относительным показателям вполне надежные данные о крестьянском хозяйстве.

Быстро менявшаяся историческая обстановка, обострение нуж-

ды в продовольствии и усиление борьбы крестьянства за землю потребовали дополнительных сведений о состоянии сельского хозяйства и положении в деревне. В 1917 г. была проведена новая, теперь уже земельная и сельскохозяйственная перепись. Кроме сведений о населении, скоте и посевах, фиксировавшихся в переписи 1916 г., перепись 1917 г. предусматривала сбор подробных данных о землевладении (по видам угодий и сословно-юридическим категориям — надельные, купчие, хуторские, отрубные и др.), а также о найме рабочей силы, «промыслах» крестьянства и сельскохозяйственном инвентаре. В целом по содержанию перепись 1917 г. значительно превосходила перепись 1916 г. Однако по охвату объектов учета (крестьянских хозяйств) она оказалась менее полной, так как аграрные волнения, потрясавшие Россию, помешали описать все крестьянские дворы. Неполнота сведений 1917 г. затрудняет сопоставление итоговых абсолютных показателей двух переписей. Отдельные показатели не сравнимы из-за разного понимания единиц учета. Например, в 1916 г. к наемным рабочим относили лишь тех лиц, которые проживали или собирались прожить в описываемом хозяйстве не менее 30 дней, а в 1917 г. все рабочие были отнесены к категории наемных.

Разработку первичных материалов переписей осуществляли на местах. В 1916—1917 гг. вышли в свет предварительные поуездные, погубернские и порайонные (по группам губерний) сведения о населении, скоте, посевах в хозяйствах крестьян и частных владельцев[10]. Недостатком этого издания является отсутствие в нем показателей по 1915 г., что не дает возможности изучать воздействие войны на крестьянское хозяйство.

Сводные материалы переписи 1917 г. были опубликованы в изданиях ЦСУ в 1921 и 1923 гг. В первое издание вошли сведения по 52 губерниям и областям России о населении, найме рабочей силы, «промыслах», землевладении по угодьям, посевах по культурам, скоте, сельскохозяйственном инвентаре в крестьянских и частновладельческих хозяйствах[11]. Второе поуездное издание материалов переписи охватило 57 губерний и областей. Однако ни сводные, ни местные публикации материалов переписей 1916 и 1917 гг. далеко не исчерпали всех собранных сведений о крестьянском хозяйстве, содержащихся в первичных материалах — опросных бланках и сводках местных переписных учреждений. Так, например, из 194 показателей подворных карточек в первую публикацию результатов переписи 1917 г. включены 106 показателей, а во втором издании только 62 показателя. Поэтому для всестороннего исследования необходимы поиски подворных карточек и местных сводок (или их дубликатов), хранившихся в губернских учреждениях различных городов России.

Таким образом, сведения переписей 1916 и 1917 гг. о крестьянском хозяйстве в наиболее полном по территориальному охвату объеме имеются в сводных публикациях на поуездном и погубернском уровне[12], а более подробные данные содержатся в местных публикациях, а также в виде первичных необработанных мате-

риалов в местных архивах. Весь этот богатейший комплекс материалов о крестьянском хозяйстве накануне Великой Октябрьской революции в той или иной мере доступен исследователям.

Ценным источником для изучения общей численности крестьянства и применении в крестьянском хозяйстве наемного труда является первая и единственная в дореволюционной России всеобщая перепись населения, проводившаяся 28 января 1897 г. Ее целью был учет основных категорий населения: наличного, оседлого (постоянного) и приписного. В ходе переписи фиксировались сведения о всех жителях империи независимо от пола, возраста, национальности: имя, отчество и фамилия (или прозвище), семейное состояние (холост, женат, вдов, разведен), отношение к главе хозяйства (родственник, свойственник, приемыш, жилец, прислуга, работник), пол, возраст, состояние или сословие, вероисповедание, место рождения, приписки и постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие (основное или побочное) и др. Перепись учитывала число хозяйств, где применяли наемных рабочих и прислугу, а также лиц, занятых работой по найму. Но если число хозяев, использовавших труд наемных рабочих (с указанием их числа), учитывали достаточно точно, то численность работавших по найму оказалась значительно заниженной. При определении занятия к наемным рабочим относили лишь тех, для кого работа по найму была единственным или основным родом деятельности. В сельском хозяйстве, где контингент временных наемных рабочих был особенно велик, это правило привело к весьма существенному занижению степени применения наемного труда. Вместе с тем перепись 1897 г. дает достаточно надежные сведения о региональном распределении постоянных наемных рабочих в сельском хозяйстве. Ценность этого источника состоит также в одновременности сбора данных и охвате всей территории России.

Результаты переписи опубликованы в виде общеимперской сводки [13], а также в 89 выпусках (119 тетрадях) по отдельным губерниям, областям и 4 городам и острову Сахалину [14].

В дальнейшем сначала Министерство внутренних дел, а затем и Министерство финансов издавали специальные подборки сведений о лицах наемного труда [15].

Еще одну группу материалов о крестьянстве и крестьянском хозяйстве пореформенной России составляют данные специально учрежденных комиссий. С материалами переписей их сближает сходство приемов сбора сведений (в основном через сельскую администрацию и местную полицию), единовременный характер данных, охват значительной территории России и др.

Ценные сведения о состоянии крестьянского хозяйства в средне-черноземных губерниях содержатся в материалах Комиссии 16 ноября 1901 г., обычно именующейся в литературе Комиссией Центра. Она была создана для изучения состояния сельскохозяйственного производства в средне-черноземных губерниях Европейской России [16].

Современники в целом невысоко оценивали точность и полноту данных Комиссии 1901 г., основывавшихся на некачественных первичных материалах. И действительно, данные Комиссии Центра о площади земель неточны (в этом легко убедиться, если сравнить их с материалами земельной переписи 1877 г.), здесь отсутствуют сведения о надельных, монастырских и удельных землях. В то же время известного доверия заслуживают собранные Комиссией данные о числе крестьян, занятых земледельческими заработками.

Обширный комплекс сведений о бывших помещичьих крестьянах собран ЦСК в начале 80-х годов XIX в. в связи с намечавшимся понижением выкупных платежей этих крестьян. В публикациях материалов ЦСК, охватывающих 39 губерний, содержатся поуездные показатели о числе дворов, ревизских и наличных душ мужского пола и работников, площади надельной земли с распределением по угодьям, арендуемых крестьянами частновладельческих землях с распределением по угодьям, обеспеченности крестьянства скотом, об окладе выкупных платежей и размерах их понижения, о ценах на землю и арендной плате и др. [17]; но подобные публикации далеко не исчерпывают всего богатства собранных сведений. Многие существенные показатели крестьянского хозяйства остались зафиксированными лишь в первичных и подготовительных материалах, которые сохранились в архивном фонде ЦСК в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) СССР, а также, по всей видимости, в местных архивах в фондах земских управ.

Вторую группу материалов Центрального статистического комитета составляет текущая статистика сельскохозяйственного производства, включающая данные о населении, урожайности и посевных площадях под основными сельскохозяйственными культурами, состоянии животноводства, обеспеченности сельского хозяйства орудиями и машинами и др.

Организация сбора таких сведений в основных чертах определилась не сразу. Во второй половине XIX — начале XX в. учет населения в России проводили с помощью административно-полицейских исчислений, заменивших ревизии XVIII — первой половины XIX в. ЦСК ежегодно определял примерную численность населения, исходя из данных о естественном движении населения и частичного учета его переселений из одной губернии в другую [18]. Основным организационно-методологическим пороком текущего учета населения того времени можно считать отсутствие надежных первичных источников. Исходными данными о численности и составе населения России служили отчеты губернаторов, в которых число жителей определялось на основании донесений исправников и приставов, текущих полицейских списков населения, а также метрических книг. Наименьшей точностью и полнотой отличались сведения о численности населения окраин России и лиц неправославного вероисповедания — мусульман, раскольников и др. После 1897 г. за исходную основу исчислений текущего учета населения принимались показатели Всеобщей переписи населения.

Однако, поскольку ведущей отраслью сельского хозяйства было земледелие, главное внимание уделялось «урожайной статистике», то есть сбору данных о посевах и сборах хлебов и картофеля. Единственным источником, содержащим сведения о посевах и сборах хлебов до 80-х годов XIX в. по всем категориям земледельцев, в том числе и крестьян, являются губернаторские отчеты[19]. Представители сельской администрации и местной полиции выясняли общие размеры посевов озимых и яровых культур в четвертях, затем на основании пробных умолотов определяли высоту урожайности в «самах», а потом устанавливали объемы валового сбора хлебов. Такой принцип сбора данных, не требовавший учета посевных площадей, не позволял определить производительность земледелия по отношению к единице площади.

Впервые в России учет посевных площадей под отдельными культурами ЦСК проводил в 1881 г. на основе данных опросных бланков, рассылавшихся в сельские общества, а также арендаторам и владельцам имений[20]. Ответы на бланки поступили в ЦСК в 1882 г., а разработка их сведений была завершена в 1883 г. Поступившие в ЦСК сведения проверяли путем сравнения с материалами земельной переписи 1877 г. Этими данными ЦСК пользовался 7 лет — с 1883 по 1889 г. В 1887 г. были собраны новые сведения о площадях посевов, использовавшиеся ЦСК при исчислении сборов хлебов в 1890 и 1891 гг. С 1893 г. данные о численности сельского населения и размерах посевов стали собирать ежегодно; их публиковали в изданиях по урожайной статистике наряду со сведениями об урожайности и общих сборах различных культур. Свод данных о посевных площадях по 50 губерниям Европейской России за 9 лет (1881, 1887, 1893—1899 гг.) опубликованы во «Временнике ЦСК» (1901. № 48). С 1901 г. стали ежегодно издаваться «Предварительные сведения о площадях посевов зерновых хлебов и других важнейших полевых растений» (Спб., соответствующий год). До 1903 г. включительно при сборе сведений о посевных площадях под различными культурами ЦСК выделял две основные категории посевов: на землях надельных и частновладельческих. К частновладельческим относились все земли, кроме надельных, в том числе и те, которые были куплены целыми сельскими обществами, а также находились в аренде у крестьян. Иначе говоря, земля как объект владения фактически отождествлялась с землей как объектом хозяйства.

С 1904 г. размеры посевов под культурами стали выявлять раздельно по землям надельным, прикупленным целыми сельскими обществами, арендованным крестьянами у частных владельцев, и частновладельческим. С этого времени усложнилась система сбора сведений. После окончания яровых посевов старосты собирали необходимые показатели на сельском сходе или опрашивали хозяев дворов. Волостные старшины сводили все эти сведения и направляли их в ЦСК. Несомненными достоинствами новой системы сбора данных можно считать их сплошной массовый характер, а также разграничение понятий о земле как объекте владения и

хозяйства. Однако при сводке сведений такой принцип не применяли: во всех публикациях сохранено старое деление посевных площадей на надельные и частновладельческие. Вследствие подобного обобщения материалы ЦСК искажают картину соотношения крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве России эпохи капитализма[21].

Параллельно с учетом посевных площадей под различными культурами происходил сбор данных об их высеве и урожайности на единицу площади, поступавших через сеть корреспондентов. В Европейской России сбором таких сведений занималось до 100 тыс. человек. В каждую волость первоначально направляли по 6, а затем по 12 бланков (половина для крестьян, половина для частных владельцев); заполнив бланки, корреспонденты высылали их через местные органы в ЦСК. Отбор хозяйств рекомендовали производить таким образом, чтобы среди них были представлены по два крупных, средних и мелких хозяйства. С 1883 г. стали ежегодно публиковать данные урожайной статистики[22], которые первоначально представляли 49 губерний Европейской России, а к 1907 г. сбор таких сведений охватил всю страну[23]. Серия этих публикаций включает наиболее полный набор сведений по урожайной статистике за 1883—1915 гг.: данные о высеве и урожайности отдельных культур по губерниям и уездам в целом, а также раздельно для надельных и частновладельческих земель; с 1893 г. есть сведения и о размерах посевных площадей и числе сельских жителей. Общие публикации материалов по сельскому хозяйству[24], а также специальные издания ЦСК[25] содержат погодные сводки урожайности статистики за те или иные периоды времени.

В дореволюционной России не было ни одной общей переписи скота. Первоначально сведения о поголовье скота у крестьян собирали через местную полицию наряду с другими данными для ежегодных губернаторских отчетов. Материалы о поголовье скота включали в губернаторские отчеты в виде поуездных сводок[26]. Отдельные нерегулярные сведения о животноводстве учитывали в 1864, 1870, 1883 и 1888 гг. Однако все возрастающая потребность в точных данных, в особенности с введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности, побудила ЦСК организовать новую систему учета поголовья скота, и прежде всего лошадей. С 1882 г. стали более или менее регулярно проводить военно-конские переписи, имевшие своей целью полный учет поголовья лошадей[27], а с начала XX в. была введена новая система сбора сведений о численности продуктивного скота.

Такие переписи содержат погубернские и поуездные сведения о численности лошадей по возрастным группам у разных категорий владельцев (у крестьян в сельских обществах, частных землевладельцев в уездах и городских жителей), а также о распределении владельцев, в том числе и крестьян, по обеспеченности лошадьми (безлошадные, с одной, двумя, тремя и более лошадьми). Система сбора сведений военно-конских переписей (обход всех

дворов и владений, а затем общий сбор лошадей для осмотра) обеспечивала довольно высокую степень их достоверности. Основным недостатком подобных переписей была длительность их проведения. Учет лошадей на основной территории страны проходил, как правило, в течение 2—3 лет, поэтому сведения о численности лошадей на всей территории России можно получить, только объединяя данные переписей за несколько лет, например, за 1888 и 1891 гг., 1896 и 1899—1900 гг., 1900 и 1906 гг. К тому же переписи включали разное число губерний, и ни одна перепись не была полной. Лишь в 1912 г. последняя перепись была проведена одновременно в 78 губерниях, то есть охватила почти всю территорию России[28].

В 1900 г. ЦСК через волостные правления и уездную полицию были собраны и опубликованы сведения о количестве рабочего и продуктивного скота в Европейской России, на Северном Кавказе, в Степном крае и Сибири[29]. В дальнейшем подобные сведения стали регулярно собирать тем же способом и публиковать в изданиях по урожайной статистике[30], а с 1904 г. в «Ежегоднике России» (с 1911 г. в «Статистическом ежегоднике России»). Там же дана сводка этих данных за 1901—1911 гг.

Для выявления состояния технической оснащенности сельского хозяйства ЦСК в 1910 г. собрал традиционными для него методами (через волостные правления и местную полицию) сведения об обеспеченности крестьянского и частновладельческого хозяйств орудиями и машинами практически на всей территории России, за исключением отдельных районов Сибири и Средней Азии[31]. Помимо абсолютной численности всех орудий в губерниях и уездах, в публикации этих данных приводятся также относительные показатели обеспеченности орудиями крестьян и частных владельцев: число орудий на хозяйство и на десятину пашни, число хозяев на орудие. В целом сведения 1910 г. достаточно надежны для сравнительного анализа различий между регионами, крестьянскими и частновладельческими хозяйствами, но, подобно другим материалам ЦСК, по-видимому, несколько занижают абсолютную численность орудий и машин в крестьянском и частновладельческом хозяйствах.

Еще одну группу текущей статистики сельскохозяйственного производства представляют документы различных министерств и ведомств.

Одновременно с ЦСК с 1881 г. сведения об урожайной статистике через сеть добровольных корреспондентов стал собирать Департамент земледелия и сельской промышленности (в 1894 г. он преобразован в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) Министерства земледелия и государственных имуществ.

В отличие от корреспондентской сети ЦСК число корреспондентов Министерства земледелия было значительно меньше, а их распределение по территории России неравномерное. Так, в 1881 г. сведения по 49 губерниям Европейской части страны поступили

всего от 1242 корреспондентов. В дальнейшем их число постепенно возрастало и в 1913 г. превысило 7,5 тыс.[32].

Сведения Министерства земледелия поступали 6 раз в год и публиковались в изданиях «18..-й год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев»[33]. Эти публикации охватывают период с 1881 по 1915 г.; они содержат систематические погубернские и поуездные данные об урожайности и густоте высева различных культур на надельных и частновладельческих землях, ценах на продукты сельского хозяйства, скот и рабочие руки, сведения об эпизоотиях и климате на территории Европейской России. Данные урожайной статистики по другим районам страны менее полны; их стали собирать лишь в начале XX в.

Основной недостаток сведений Министерства земледелия состоит в том, что они не учитывают размеры посевных площадей (даны только величины урожайности отдельных сельскохозяйственных культур с единицы площади); это не позволяет определять размеры сбора хлебов. К тому же пропуски некоторых показателей в донесениях корреспондентов зачастую восполняли сведениями ЦСК, что не может не снижать общую достоверность, однотипность и сравнимость собранных материалов.

В 1895—1896 гг. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия по инициативе Вольного экономического общества собрал через своих корреспондентов сведения о сельскохозяйственных орудиях и машинах (число их донесений колебалось от 2,6 до 3,4 тыс.). Материалы об орудиях вспашки, боронования и ухода за посевами изданы в описательной форме по губерниям, областям и по всей стране, а сведения об орудиях уборки, молотьбы и очистки зерна оказались неполными и не вошли в публикацию[34].

С 1863 г. статистические данные о численности скота стало собирать Ветеринарное управление МВД. С 1908 г. эти материалы публиковали в сборнике «Состояние скотоводства в России», где содержатся сведения о поголовье скота с 1864 г. Сбор сведений осуществляли тем же путем, что и в ходе подготовки губернаторских отчетов, то есть через представителей местной администрации и полиции. Современниками общепризнано, что все эти материалы неточны и значительно преуменьшают поголовье скота, особенно мелкого.

§ 2. Земско-статистические обследования крестьянского хозяйства

Земская статистика занимает центральное место среди статистических материалов местных органов самоуправления, представительных и общественных организаций. Это — один из наиболее ценных источников по аграрной истории России эпохи капитализма. Огромный комплекс земской статистики включает несколько сотен томов сплошных данных о крестьянском и помещичьем хозяйствах[35] на большей части территории Европейской России, а

также значительный по объему, но до конца не выявленный и практически не введенный в научный оборот массив первичных архивных материалов. В состав комплекса материалов земской статистики входят 3 группы источников.

1. Основная статистика — единовременные подворные переписи крестьянских хозяйств, проводившиеся экспедиционным путем.

2. Текущая статистика — регулярные сообщения местных корреспондентов о наиболее изменчивых чертах сельского хозяйства.

3. Эпизодические обследования отдельных сторон крестьянского хозяйства (промыслов, аренды и др.), а также бюджетные исследования.

Основное место в комплексе земской статистики по объему и содержанию материала занимают подворные переписи. Их проводили с 1880 по 1914 г. в 311 уездах 35 губерний Европейской России, причем в 58 уездах переписи проходили дважды, а в 17 уездах — по 3 раза[36]. Несмотря на несомненное единство данного комплекса источников по их происхождению и объекту изучения, значительное разнообразие в содержании, приемах сбора и обработки сведений дает основание для выделения трех этапов в истории земской статистики[37]. Если в 1-й период существования земской статистики (1880—1893 гг.) подворные переписи проводили в основном с целью общеэкономического изучения деревни, то во 2-й и 3-й периоды истории земской статистики (1893—1905 и 1905—1913 гг.) подворные переписи служили главным образом для оценки земель и недвижимого имущества. С конца XIX в. под влиянием марксизма, несколько потеснившего безраздельно господствовавшие до того в экономической науке народнические идеи, в методологии земской статистики появляются новые черты: повышается интерес к показателям, характеризующим социальное расслоение крестьянства и развитие капиталистических отношений в деревне, увеличивается удельный вес групповых и комбинационных таблиц, проводятся выборочные подворные переписи и бюджетные обследования и др.[38].

Как и другие виды земской статистики, земские подворные переписи вызваны к жизни практической деятельностью земств, нуждавшихся в подробных и разнообразных сведениях о крестьянских хозяйствах для земской раскладки, обеспечения народного продовольствия, организации обязательного страхования скота и сельскохозяйственного кредита, поддержания и развития крестьянских промыслов и др.

Исследования проводили экспедиционным путем (на местах) профессиональные статистики, а также учителя, работавшие под их руководством. На обязательность сплошного обследования крестьянских хозяйств указало еще первое совещание земских статистиков в 1887 г. Опрос на сходе всех крестьян общины, ревниво следивших за правильностью ответов соседей, а также сравнение результатов опроса населения с аналогичными данными из различного рода делопроизводственной и статистической документации (ревизских сказок, уставных грамот, книг сделок и договоров,

книг волостных и сельских приговоров и др.) обеспечивали строгий контроль над сбором первичных материалов[39]. С этой же целью большинство вопросов дублировалось в двух бланках земских переписей (поселенном и подворном), показатели которых подсчитывали разные лица независимо друг от друга. Два бланка подворных переписей соответствовали двум самостоятельным единицам обследования — отдельному крестьянскому двору и поземельной общине. Существование двух бланков объясняется целями земских подворных переписей, проводившихся для изучения главнейших причин благосостояния крестьянского хозяйства, с одной стороны, и общих экономических и бытовых условий каждой общины — с другой. Точность данных обеспечивалась также тем, что регистрировались все основные характеристики крестьянского хозяйства; отсюда взаимный контроль признаков, связанных между собой и дополнявших друг друга[40]. Лишь подворные бланки земских переписей, которые применяли далеко не во всех уездах, позволяли группировать отдельные хозяйства и составлять наряду с простыми территориальными (пообщинными) таблицами групповые и комбинационные и таким образом обеспечивали соответствие подворного принципа сбора и подворной обработки материалов земской статистики.

Данная методика и техника сбора первичной информации обусловили высокую степень достоверности, точности и полноты материалов земской статистики. Однако отсутствие централизованного проведения работ в масштабах Европейской России, единой программы и терминологии не могло не сказаться на однородности и сравнимости показателей подворных переписей. В каждой губернии, а порой и в каждом уезде, существовала особая программа сбора сведений[41]. Эти существенные недостатки в организации земско-статистических обследований лишь в незначительной степени восполняли съезды земских статистиков, занимавшиеся координированием программ сбора данных и выработкой единой терминологии. Местные статистические органы учитывали их основные решения, но они не были для них обязательными[42].

Разнообразие опросных бланков земских переписей связано главным образом с различиями природных и исторических условий развития крестьянского хозяйства в разных регионах Европейской России, а также с глубокими изменениями, происходившими в жизни деревни с 80-х годов XIX в. до начала первой мировой войны. Большая часть подворных переписей принадлежала к ведущим направлениям земской статистики: московскому, основателем которого был В. И. Орлов, и черниговскому, связанному с именами В. Е. Варзара, А. А. Русова, П. П. Червинского и А. П. Шликевича. Программы подворных переписей составляли с учетом специфики крестьянских хозяйств черноземных и нечерноземных губерний: у черниговских статистиков основным предметом обследования была земля, тогда как московские статистики главным считали изучение экономического положения населения и крестьянских «промыслов»[43].

За 33 года существования земской статистики отчетливо прослеживается тенденция к расширению и детализации программ подворных переписей. В них включали все новые и новые вопросы, характеризующие наряду с земледельческим производством промысловые занятия крестьян, обмен и потребление, имущественное и социальное расслоение деревни и др.[44]. Так, например, в Воронежской губернии число вопросов подворного бланка возросло с 37 в Воронежском уезде до 587 в Валуйском (почти в 16 раз).

Тем не менее основное содержание и структура публикаций подворных переписей не претерпели качественных изменений. Представление о программах земских подворных переписей и разработанных на их основе таблиц статистических сборников дает поуездная сводка данных земской статистики, составленная Н. А. и З. М. Свавицкими[45].

Земские статистики, рассматривая крестьянский двор как единый механизм, выделяли причины его упадка или возвышения и стремились к достаточно полной и всесторонней характеристике крестьянского хозяйства. Большинство подворных описаний крестьянских хозяйств содержит сведения о населении, его половозрастной структуре, трудовых ресурсах крестьянских дворов, надельном и купчем землевладении, аренде и сдаче земли, способах обработки наделов, технике земледелия, сельскохозяйственных культурах и их урожайности, посевных площадях, скотоводстве, промыслах, постройках, кредите, сбыте и покупке хлеба, грамотности, общественном призрении, образовании, платежах, повинностях и недоимках, а иногда и некоторые факты из истории общины, общинных переделах земли, переселениях и др. Помимо сведений о размерах и общем уровне развития крестьянского хозяйства подворные переписи включают также показатели о расслоении общины, то есть распределении крестьянских дворов по числу рабочего и продуктивного скота, величине надела, числу работников и др.

Трудности работы с земской статистикой, вызванные недостаточной однородностью и сравнимостью материалов подворных переписей, полученных во время опроса населения, во много раз усиливаются из-за недостатков обработки этих сведений составителями земско-статистических публикаций.

Подавляющая часть первичных материалов подворных переписей сведена в табличной форме. Земско-статистические сборники содержат таблицы общих сведений о крестьянском хозяйстве и специальные таблицы — об отсутствующих крестьянах, промыслах, аренде и др. Число и сочетание их крайне разнообразны, а обязательным элементом были лишь пообщинные таблицы. Среди таблиц можно выделить два качественно различных типа: простые территориальные (пообщинные), а также групповые и комбинационные, то есть с распределением крестьянских дворов в зависимости от изменений одного или нескольких признаков. Таблицы отличаются не только единицей сводки (в первом случае — община, во втором — крестьянский двор), но и самим подходом к

изучению аграрных отношений. Выбор единицы сводки данных особенно отчетливо отражает взаимосвязь между методологией земской статистики и теоретическими воззрениями ее творцов. В первый период своего существования (1880—1893 гг.) земская статистика испытывала сильное влияние народнической идеологии. В соответствии с теорией социальной однородности крестьянства земские статистики видели основную цель исследования деревни в выявлении среднего уровня состоятельности крестьян, общих экономических и бытовых условий развития крестьянского и помещичьего хозяйств того или иного района. Рассматривая общину как самую мелкую не только территориальную, но и социально-экономическую единицу, они давали характеристики ведущих элементов крестьянского хозяйства по территориальному принципу — общинам, селениям, уездам. При этом, однако, земские статистики не могли не отметить неоднородности общины, различный хозяйственный уровень дворов, ее составляющих. Поэтому в территориальные таблицы включены также отдельные сведения о расслоении крестьянства: даны группировки дворов по численности рабочего и продуктивного скота, числу работников, построек и прежде всего по величине наделов. Статистики попытались также классифицировать сами общины: по размерам посева на надельной земле, по величине селения, числу разорившихся дворов и др.

В связи с переориентацией земской статистики от характеристики общих условий хозяйственной жизни деревни к изучению различных типов крестьянского хозяйства в статистических сборниках появляются групповые и комбинационные таблицы, в которых единицей сводки становится уже не община, а отдельное хозяйство. Хотя с самого начала земско-статистических работ существовали две равноценные единицы сбора сведений (община и крестьянский двор), в качестве единицы сводки данных отдельное крестьянское хозяйство получает права гражданства только с конца 80-х годов XIX в. Лишь с этого времени подворные переписи обретают полное право на свое название, поскольку подворный принцип проводится в них на всех стадиях обработки фактического материала. Впервые комбинационные таблицы, составленные А. П. Шликевичем, появились в 1881 г. в изданиях Черниговского статистического бюро, но широкое распространение получают только в начале XX в. Однако, в отличие от простых территориальных таблиц, которые содержатся практически в каждом статистическом сборнике, удельный вес групповых и комбинационных таблиц в общем объеме публикаций земской статистики невелик. В территориальных таблицах показатели сведены на всех уровнях — общинном, волостном и уездном, а в комбинационных таблицах такие сводки имеются, как правило, лишь на уездном уровне.

Вопрос о выборе и обосновании признаков группировки крестьянских хозяйств не раз становился предметом оживленных дискуссий на съездах земской статистики. При составлении групповых и комбинационных таблиц земские статистики стремились распределить крестьянские дворы по зажиточности, а также выявить ос-

новные факторы их благосостояния[46], в отдельных случаях применяя для этой цели и математико-статистические методы. Так, например, С. Н. Прокопович использовал для выбора наиболее существенных группировочных признаков в комбинационных таблицах корреляционный анализ данных подворных переписей по 25 уездам Европейской России[47]. В большинстве случаев группировочными признаками служили характеристики землевладения, прежде всего надельного, а иногда и общая площадь надельной и купчей земли. Придерживаясь народнических воззрений, большинство составителей статистических сборников считали размер надела основным фактором, определявшим хозяйственную мощь крестьянского двора. «Значение величины надела для хозяйства потому именно и важно, что разом указывает на причину благосостояния крестьянских семей и на переживаемое ими состояние»[48]. Следует учитывать, что принцип группировки крестьянских хозяйств по размерам надела исходил из условий, породивших саму земскую статистику. Одной из целей земских переписей была оценка недвижимых имуществ с целью раскладки налогов. Поскольку главным источником земских доходов было обложение земли, то вполне естественно, что земские статистики стали группировать крестьянские хозяйства по величине землевладения и прежде всего по размерам надела[49]. Однако, используя данный принцип сводки сведений, земские статистики по существу обесценили уникальный первичный материал подворных переписей. Вследствие широкого распространения в русской пореформенной деревне аренды и сдачи земли величина наделов не отражала истинных размеров земледельческого производства крестьян и его уровня. Поэтому группировка по наделу искажает соотношение различных слоев в среде крестьянства.

Неоднократно отмечая недостатки группировки крестьянских хозяйств по наделу, затушевывающей расслоение крестьянства, В. И. Ленин противопоставлял ей группировки по хозяйственной состоятельности (численности рабочего скота, посевной площади, употреблению наемного труда и др.), которые дают истинное представление о размерах и характере экономической деятельности крестьянского двора.[50] Однако такие подлинно научные группировки сравнительно редко встречаются в публикациях земской статистики. Так, по Центрально-Черноземному региону эти группировки содержатся только в 6 земско-статистических сборниках из 57.

Корректному сопоставлению и использованию группировок крестьянских дворов по хозяйственной состоятельности, впрочем так же, как и всех групповых и комбинационных таблиц подворных переписей, мешает чрезмерная детализация сведений. Именно поэтому особое значение приобретает вопрос об интервалах между группами, то есть о количественных границах качественно разнородных явлений. О структурном назначении группировок, стремлении земских статистиков выразить в них хозяйственный строй деревни свидетельствуют неравномерность величины интервалов,

их изменение в зависимости от плотности населения и интенсивности земледелия и, наконец, прямое соотнесение каждой выделенной группы с определенным слоем крестьянства — бедным, недостаточным, среднедостаточным, зажиточным, богатым и др.[51]. Однако недостаточная обоснованность интервалов, дробность группировок, их крайнее разнообразие даже в пределах одной губернии говорят о том, что составители подворных переписей, не сумев выделить качественно отличные социальные группы крестьянства, ограничились его членением на несколько имущественных слоев. В итоге подобной группировки «за деревьями исчезает лес, за грудами цифр исчезают *экономические типы* явлений, типы, которые могут выступить *только* при разносторонне и рационально составляемых групповых и комбинационных таблицах»[52]. Таким образом, подавляющее большинство групповых и комбинационных таблиц земской статистики практически не пригодно для изучения социального расслоения деревни в процессе буржуазной аграрной эволюции, поскольку преобладающие в них группировочные признаки не отражают действительный размер и характер производственной деятельности крестьянских дворов.

Подавляющее большинство земских статистических бюро организовали наряду с основной и текущую земскую статистику, в функции которой входили систематический сбор и публикация (порой несколько раз в год) сведений о наиболее изменчивых сторонах сельского хозяйства, таких, например, как погодные условия, урожайность основных сельскохозяйственных культур, сезонные продажные и покупные цены на продукты земледелия, на землю и рабочие руки, арендная плата и др. Эти массовые данные зафиксированы в сотнях томов публикаций типа: «Казанская губерния в сельскохозяйственном отношении по сведениям, полученным от корреспондентов в ...году», «Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губернии за ...год» и др.

Достоверность, полнота, представительность и сопоставимость показателей текущей земской статистики определялись организацией и основными приемами их сбора. Сведения текущей статистики поступали главным образом через сеть добровольных местных корреспондентов. Экспедиционный способ сбора материалов вследствие его дороговизны практиковался в качестве исключения лишь в отдельных губерниях, например, в Таврической и Ярославской. Большинство опросных бланков текущей статистики губернские земские статистические бюро посылали в волостные правления, а оттуда эти бланки раздавали местным корреспондентам, число которых, как и вообще число грамотных людей в русской пореформенной деревне, было крайне мало. Поэтому один корреспондент зачастую получал несколько вопросных бланков из разных учреждений: земских статистических бюро, ЦСК, Департамента земледелия и др. Корреспондентами текущей статистики были обычно землевладельцы, арендаторы и управляющие имениями, учителя, врачи, фельдшеры и другие представители деревенской интеллигенции, священники, волостные старшины и писа-

ри, крестьяне, мещане, казаки, отставные военные, лесничие, торговцы и др.

Из-за общего низкого культурного уровня населения корреспондентская сеть была невелика: в отдельных губерниях она колебалась от 100 до 1500 корреспондентов, составляя обычно 500—1000 человек, то есть 0,1—0,7% от общего числа хозяев в губернии. На одного корреспондента приходилось, как правило, не менее 250—500 хозяйств, подлежащих описанию.

В отличие от земских подворных переписей и бюджетных обследований сведения земской текущей статистики о крестьянском хозяйстве, особенно в 80—90-е годы XIX в., получали не от самих крестьян, а в основном от помещиков, священнослужителей, учителей и представителей сельской администрации, в силу своего положения близко знакомых с крестьянским хозяйством. В последующие годы в связи с повышением уровня грамотности населения при общем росте численности корреспондентов наблюдается и эволюция их состава в сторону его демократизации: значительно увеличивается среди них доля крестьян, а в отдельных губерниях крупные землевладельцы почти полностью исчезают из числа корреспондентов.

В отличие от основной земской статистики текущая земская статистика по существу не имела единых, твердо установленных приемов сбора материалов. Значительно меньше внимания уделяли вопросам текущей статистики и съезды земских статистиков.

На практике разнородные сведения, полученные от корреспондентов, представляли фактические сведения о своем хозяйстве или о чужих, но хорошо известных хозяйствах соседей, или же субъективные средние оценки, относящиеся к той или иной местности, типа «в нашем селении (волости) в это время цена пуда ржи представляет обычно столько-то» и т. п.

Метод субъективных оценок, заимствованный у Департамента земледелия, который в свою очередь взял в качестве образца организацию урожайной статистики США, господствовал в текущей статистике до середины 90-х годов XIX в. С конца 90-х годов наряду с ним распространяется метод сбора сведений о конкретных хозяйствах.

Оба метода не гарантировали точность и достоверность полученных сведений. Одна из причин этих недостатков — неопределенность границ того района, к которому должны относиться ответы корреспондентов (к своему или соседнему селению, волости, уезду и т. д.). Точных правил, регламентирующих выбор хозяйств, подлежащих опросу, и их число, также не существовало. Вследствие этого показатели текущей земской статистики зачастую отличаются неполнотой (поскольку во многих случаях регистрировали лишь некоторые, далеко не всегда «типичные» факты из жизни деревни) и неравномерностью их распределения по территории, подлежащей изучению.

К тому же не все вопросные бланки возвращались в статистические бюро, поскольку, с одной стороны, практически отсутствовал контроль над сбором сведений, а с другой стороны, не было заинтересованности местных корреспондентов в сотрудничестве со статистическими органами. Так, например, Пермское статистическое бюро в 1893 г. разослало 2200 вопросных бланков, а возвратилось лишь 938, то есть 42%, а при составлении публикации в нее вошли только 592 бланка, так как остальные вопросные листки либо пришли позже установленного срока, либо были неудовлетворительного качества. Из отдельных волостей приходило по 20—25 ответов корреспондентов, а из некоторых — ни одного [53].

Ответы часто отличались неопределенностью и неясностью из-за низкого уровня образования и отсутствия специальной статистической подготовки корреспондентов, а также из-за нечеткой формулировки вопросов анкет. Поэтому в публикациях текущей земской статистики наряду с точными количественными показателями, сведенными в таблицы, так часто встречаются неопределенные описательные выражения типа: «во многих местах», «больше», «меньше» и т. п.

Сами земские статистики отмечали эти недостатки текущей статистики и разработали различные меры по улучшению ее организации: расширение состава добровольных корреспондентов, унификация программ обследования, обеспечение контроля за сбором сведений со стороны уездных статистиков и сельских старост, сочетание анкетного и экспедиционного методов сбора сведений и др. [54]. Однако в большинстве случаев указанные предложения остались неосуществленными.

Таким образом, хорошо сохранившийся комплекс материалов текущей земской статистики имеет сравнительно небольшое число характеристик сельскохозяйственного производства, позволяющих изучать динамику явлений и процессов. В отличие от текущей статистики ЦСК и Министерства земледелия показатели земской статистики даны наряду со многими другими сведения о крестьянском и помещичьем хозяйствах и относятся к мелким территориальным единицам, в основном к отдельным волостям и селениям. Однако из-за несовершенства приемов сбора материалов текущей земской статистики в источниковедении с особой остротой стоит проблема проверки достоверности и репрезентативности этих материалов, а также формирования однородных и сопоставимых во времени и пространстве комплексов показателей.

Третью группу земско-статистических материалов составляют бюджетные обследования крестьянских хозяйств. Эти материалы — одна из разновидностей выборочных подворных переписей.

Составление отдельных бюджетов началось еще в 70-е годы XIX в. Однако это были эпизодические и разрозненные опыты. В 1884 г. серию массовых бюджетных описаний крестьянских хозяйств Воронежской губернии начал Ф. А. Щербина, который считается отцом русской бюджетной статистики. Бюджетные описания должны были дать характеристику уровня благосостояния и потребления сельского населения. С этой целью в подворную карточку сельскохозяйственной земской переписи включили вопросы,

характеризующие денежные приходы и расходы крестьянских дворов. В ходе подворного обследования были получены массовые статистические материалы, относящиеся к более чем 200 тыс. крестьянских дворов. Параллельно значительно подробнее было описано 230 «типичных» хозяйств, разбросанных в разных районах губернии.

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств проходили вплоть до 1914 г. Кроме земских статистических бюро эти обследования организовывали также органы правительственных учреждений, по преимуществу в Азиатской части России и в районах переселения. Важнейшие по качеству, объему и способам разработки исследования были проведены в Воронежской, Калужской, Херсонской, Вятской, Вологодской, Московской, Харьковской, Полтавской, Пензенской, Костромской, Тамбовской и Новгородской губерниях.

За годы своего существования бюджетная статистика претерпела довольно существенную эволюцию. В 80—90-е годы XIX в. основное внимание при проведении бюджетных исследований уделялось потреблению крестьян, а с начала XX в. больше внимания стали обращать на доходные части их бюджета.

Со временем менялись и приемы сбора сведений. Первоначально воронежские и калужские статистики рассматривали бюджетные описания как разновидность выборочного метода изучения крестьянского хозяйства и поэтому обследовали в основном 8—10% механически отобранных дворов. Однако сложность и дороговизна бюджетных работ заставили сократить число описываемых хозяйств, а главной целью большинства последующих бюджетных исследований стало «монографическое описание» небольшого числа хозяйств (100—200 на уезд). Возможность построения выводов на таком ограниченном материале, то есть репрезентативность этих данных, земские статистики аргументировали, с одной стороны, «типичностью», подвергнутых обследованию хозяйств, а с другой стороны, надежностью специальных приемов сбора сведений. Зачастую бюджетные описания проходили во время сплошных переписей крестьянских хозяйств. Бюджетные обследования были последним, наиболее узким по числу объектов, но наиболее широким по программе их изучения звеном последовательных статистических операций. Так, например, в Пензенской губернии земские статистики проводили сплошную подворную перепись всех крестьянских хозяйств по сокращенной похозяйственной карточке. После сплошной переписи каждое 3-е хозяйство описывали по краткой похозяйственной карточке; каждое 9-е хозяйство описывали по более подробной похозяйственной карточке; на каждое 27-е хозяйство составляли еще более полную специальную похозяйственную карточку и, наконец, 25 хозяйств на уезд, то есть около 1/1000 всего числа хозяйств, подвергались детальному бюджетному обследованию. При выборе хозяйств для проведения бюджетных описаний земские статистики учитывали 10 признаков, характеризующих крестьянское хозяйство: юридический разряд

крестьян, характер почв, расстояние от железной дороги, формы землевладения, размеры землепользования, распространение технических культур, развитие промыслов, их социальный характер, сезонность и длительность. Из этих признаков составляли 672 сочетания. Однако на практике на основе сплошного подворного обследования крестьянских хозяйств губернии было выделено 298 видов хозяйств, а бюджетному обследованию подверглись 263 хозяйства. По 263 хозяйствам сведения обработаны и опубликованы; остальные же 35 видов хозяйств не удалось описать из-за отсутствия хозяина или его «нерасторопности», или по другим причинам[55].

К сожалению, из-за отсутствия единого статистического органа бюджетные обследования, как и другие виды земской статистики, оказались разрозненными во времени и пространстве, лишенными общей программы сбора сведений и их разработки. Земская статистика практически не знала повторных бюджетных обследований, а территориальное сопоставление имеющихся бюджетов затруднительно из-за различий их программ и сроков проведения.

Однако, несмотря на все эти недостатки, бюджетные обследования вследствие богатства и достоверности своих данных можно считать уникальным и незаменимым источником для всесторонней характеристики социально-экономического строя и положения различных слоев и групп крестьянства. Техника бюджетных обследований достигла высокой степени совершенства, обеспечивая достоверность и точность собранных сведений. Программы бюджетных обследований охватывали мельчайшие подробности жизни крестьянства: состав семьи, число наемных рабочих, распределение надельной земли по угодьям, размеры купчей и арендованной земли, состав и стоимость строений, скота, рабочего инвентаря, мебели, одежды и других предметов потребления, натуральные и денежные расходы на личное потребление и хозяйственные нужды, все статьи доходов крестьянства — от земледельческого производства, промыслов и др. Эти сведения позволяют углубить и конкретизировать анализ социально-экономического развития деревни, основанный на материалах сплошных подворных переписей крестьянских хозяйств. Поскольку бюджетные обследования охватывали подавляющую часть разновидностей крестьянских дворов, они позволяют выделить и охарактеризовать основные производственно-экономические и социально-экономические типы крестьянских хозяйств (но не их количественное соотношение в общей массе крестьянства), раскрыть общие и особенные черты их экономической деятельности.

Таким образом, вплоть до настоящего времени земская статистика принадлежит к той части источников по аграрной истории России периода капитализма, эффективность использования которых далеко не соответствует их огромному информативному потенциалу. Несмотря на несомненные достоинства массовых статистических и описательных сведений подворных переписей, текущей

земской статистики и бюджетных обследований крестьянства, характеризующих разнообразные аспекты социально-экономической истории конца XIX — начала XX в., эти данные привлекают главным образом в качестве отдельных примеров. Как правило, с этой целью используют групповые и комбинационные таблицы по хозяйственной состоятельности подворных переписей и бюджетных обследований, удельный вес которых в общем объеме материалов земской статистики крайне незначителен. В то же время огромные комплексы первичных архивных материалов и территориальных сводок подворных обследований крестьянства, а также текущая земская статистика остаются практически вне поля зрения историков.

Проблема территориальных публикаций подворных переписей стоит, пожалуй, с особой остротой. Сотни томов сплошных данных о крестьянских хозяйствах, отличающиеся высокой степенью точности и достоверности, практически не введены в научный оборот, что связано в первую очередь с ограниченными возможностями существующей методики и техники обработки и анализа этих сведений.

§ 3. Источниковедческие проблемы изучения массовых статистических данных по истории крестьянского хозяйства России конца XIX — начала XX в.

Опыт источниковедческого изучения статистических источников по истории крестьянского хозяйства России эпохи капитализма и их использования в конкретно-исторических исследованиях насчитывает уже более ста лет. Различные вопросы источниковедческой характеристики этих сведений рассматриваются в общих трудах по истории аграрной статистики пореформенной России [56], а также в специальных работах, посвященных отдельным комплексам материалов: земской статистике [57], бюджетным обследованиям [58], сельскохозяйственным переписям [59] и др. Самостоятельным направлением исследования является изучение ленинских приемов работы с этими источниками [60]. Использовав различного рода массовые данные, В. И. Ленин заложил основы марксистского анализа буржуазной эволюции сельского хозяйства России; в работах В. И. Ленина дан обстоятельный анализ общей динамики земледельческого производства и его географии, специализации торгового земледелия, применения машин и наемного труда и т. д.

Не имея возможности подробно охарактеризовать весь опыт источниковедческой критики статистических источников по истории крестьянского хозяйства пореформенной эпохи, представим лишь наиболее сложные и спорные вопросы, а также отметим основные черты современного этапа в изучении этого корпуса материалов. На рубеже 70-х годов XX в. в самостоятельное направление исследований выделилось источниковедение массовых исторических источников. По мере введения в научный оборот новых комплексов массовой и делопроизводственной документации исследователи начинают уделять более пристальное внимание основным признакам, характеризующим качественное своеобразие социальных функций и происхождения массовых источников, специфике отражения в них исторической действительности, а также разработке более совершенных методов их обработки и анализа [61].

С этого времени при изучении и использовании источниковой базы по аграрной истории России конца XIX — начала XX в. все шире стали применять математико-статистические методы и электронно-вычислительную технику. Количественные методы используются исследователями при анализе традиционных вопросов источниковедческой критики — оценке достоверности и представительности данных, а также для постановки и решения новых задач — проверки представительности выборочных данных, оценки существенности расхождений в сведениях нескольких источников и др. [62].

Особо следует отметить создание с помощью компьютерной техники принципиально новых систем поиска, хранения и обработки первичной исторической информации. Это «банки машиночитаемых данных», которые представляют записанную на машинных носителях совокупность показателей одного или нескольких источников, образующих комплекс многоразового использования. Примером таких машинных архивов может служить банк информации по аграрной истории России периода капитализма, созданный на историческом факультете Московского университета. Он включает несколько блоков сведений: более 70 исходных показателей о состоянии крестьянского и помещичьего хозяйств, извлеченных из сельскохозяйственной переписи 1917 г.; более 60 показателей земских подворных переписей, характеризующих развитие крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного района; более 80 показателей выборочных бюджетных обследований и др. Существующий пакет программ позволяет получить любые исходные и основанные на них расчетные данные и их статистические характеристики, а также использовать различные варианты корреляционного, регрессивного и факторного анализов [63].

Главной задачей источниковедческого анализа массовых статистических источников по истории крестьянского хозяйства является общая оценка информационной ценности таких материалов. Она включает характеристику полноты, представительности, достоверности и сопоставимости данных. В итоге изучения круга вопросов, связанных главным образом с проблемой «действительность и источник», исследователи получают возможность определить, насколько адекватно отражают дошедшие до нас источники суть исследуемых явлений и процессов [64].

При изучении представительности корпуса массовых статистических источников с его содержательной стороны прежде всего следует установить, насколько всесторонне отражены в них существенные свойства и характеристики крестьянского хозяйства, позволяет ли имеющийся в распоряжении исследователей набор показателей анализировать основные закономерности буржуазной эволюции деревни.

Большая часть статистических источников по аграрной истории России характеризует отдельные стороны развития крестьянского хозяйства: основным источником для изучения структуры крестьянского землевладения являются поземельные переписи, обеспеченность крестьянского хозяйства скотом отражают в первую очередь военно-конские переписи и материалы Ветеринарного управления Министерства внутренних дел, незаменима для изучения сельскохозяйственного производства урожайная статистика ЦСК и т. д. Вместе с тем в составе аграрной статистики эпохи капитализма содержатся источники, в которых имеется комплексная характеристика крестьянского хозяйства, то есть детальные и разнообразные сведения о всех основных чертах производственного и социально-экономического облика крестьянского двора. Данная группа источников включает в себя земские подворные переписи и бюджетные обследования, отражающие мельчайшие подробности крестьянской жизни, бесспорно, уникальны также материалы переписей 1916 и 1917 гг., в ходе которых крестьянские хозяйства впервые были подвергнуты сплошному похозяйственному и поземельному обследованию практически на всей территории России и др. Полнота и детализация характеристики описания крестьянского хозяйства достигаются в этих источниках за счет сведения воедино нескольких сотен различных показателей, характеризующих основные стороны крестьянского хозяйства: численность населения, рабочие ресурсы крестьянского двора, его обеспеченность тягловым и продуктивным скотом, инвентарем, общую площадь и структуру крестьянского землевладения и землепользования, посевы под отдельными сельскохозяйственными культурами и их урожайность, крестьянские промыслы, основные статьи денежных доходов и расходов крестьян и др. Так, например, подворная карточка переписи 1917 г. включает 194 показателя, публикация итогов земской переписи крестьянского хозяйства Валуйского уезда Воронежской губернии содержит 587 показателей, а бюджетное обследование по Пензенской губернии имеет 672 показателя. Следует подчеркнуть, что именно комплексность характеристики крестьянского хозяйства дает возможность изучать не только отдельные, пусть и существенные, черты крестьянского хозяйства, но и проводить целостный системно-структурный анализ его внутреннего строя.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что далеко не все стороны жизни крестьянства эпохи капитализма отражены в источниках с равной точностью и полнотой. Введенный в научный оборот корпус материалов достаточно надежно отражает главным образом производственную деятельность (землевладение, урожайность сельскохозяйственных культур, численность скота и др.) крестьянского хозяйства пореформенной России. В то же время отрывочны и недостаточно достоверны сведения о земельной аренде, крестьянских промыслах, численности усовершенствованных орудий и другие показатели с социально-экономической окраской; скудны, а по большей части и вовсе отсутствуют прямые характе-

ристики степени развития капитализма в сельском хозяйстве — данные о товарности крестьянского хозяйства, соотношении в нем труда собственных работников и батраков и др. Здесь, пожалуй, особенно заметна главная причина парадоксальной ситуации, когда, с одной стороны, имеется громадный материал (сотни томов хорошо известных и всем доступных сведений о крестьянском хозяйстве!), а с другой стороны, постоянно раздаются жалобы исследователей на недостаток сведений, пригодных для изучения буржуазной эволюции крестьянского хозяйства. Отсюда и постоянные призывы к поискам новых источников о крестьянском хозяйстве и совершенствованию методов анализа уже известных данных.

Кроме того, представительность всех этих сведений во многом определяется полнотой охвата всей совокупности объектов и равномерностью отражения в источниках основных разновидностей крестьянских хозяйств. С этой точки зрения, безусловно, наибольшую ценность представляют земельные и сельскохозяйственные переписи, перепись населения 1897 г. и данные текущей статистики ЦСК, описывающие крестьянские хозяйства на всей территории Европейской России, а также в отдельных районах Сибири, Средней Азии и Закавказья. Характеристику крестьянского хозяйства на большей части Европейской России содержат также земские подворные и военно-конские переписи.

Обращаясь к сплошным массовым источникам о крестьянстве, исследователи, естественно, оперируют лишь определенной их частью, то есть обрабатывают и анализируют выборочные данные. И если использовать выборочные сведения не в качестве отдельных примеров, а для раскрытия основных закономерностей буржуазной эволюции крестьянского хозяйства, то неизбежно возникает проблема репрезентативности, представительности выборок данных. С такой проблемой исследователи, как правило, сталкиваются в двух вариантах. В первом случае следует сформировать выборку из массива первичных материалов, охватывающих всю совокупность объектов, и обосновать ее представительность на основе четких формальных критериев; во втором случае надо проверить представительность сохранившихся естественных выборок.

Доказано, что лишь случайная выборка адекватно отражает свойства генеральной совокупности, то есть такая выборка, при образовании которой каждый объект этой совокупности имеет равный шанс попасть в выборку. В математической статистике существуют несколько разработанных способов формирования представительной выборки данных: механический отбор объектов, при котором в выборку попадает, например, каждое 10-е или 100-е крестьянское хозяйство, отбор с помощью таблиц случайных чисел и др. Однако, как показала исследовательская практика, наиболее эффективной при изучении столь разнородной по своему составу совокупности, как масса крестьянских хозяйств в пореформенной России, является типически случайная выборка. При образовании такой выборки вся совокупность объектов первоначаль-

но делится на однородные, сходные в том или ином отношении части, а затем из каждой части случайным методом отбирается определенная доля крестьянских дворов, на основе которой и ведут изучение всей генеральной совокупности. Примером такой выборки может служить исследование сибирских историков, использовавших при изучении крестьянского хозяйства Томской губернии первичные данные сельскохозяйственной переписи 1916 г.[65]. Первоначально Томская губерния была разделена на 4 природно-географические зоны (таежная, лесостепная, степная и горно-таежная), в каждой из которых выделили по нескольку волостей с учетом занятий крестьянства, расстояния от городов и станций железной дороги и т. д. И наконец, в каждой волости методом механического случайного отбора выбрали несколько селений. После отбора в выборку вошло 8555 дворов, то есть 36,6% всех крестьянских хозяйств 11 типических волостей. Данные об этих хозяйствах сгруппированы по числу батраков и размерам посева; полученные группировки послужили основой для анализа характера разложения крестьянства в Западной Сибири.

Данные принципы выборочной обработки первичных статистических материалов могут найти широкое применение при изучении социально-экономического строя крестьянского хозяйства, социальной структуры деревни и многих других проблем на основе первичных материалов земских подворных переписей и других сплошных обследований деревни. Естественно, что при формировании случайных выборок всех видов исследователи должны иметь в своем распоряжении сплошной массив первичных материалов по всему исследуемому району.

Одна из сложнейших проблем современного источниковедения массовых исторических источников — проблема проверки репрезентативности «естественных» выборок данных. Под естественной выборкой обычно понимается сохранившийся комплекс массовых сведений, которые характеризуют лишь ту или иную часть объектов, составляющих в действительности определенное единство. Такие выборки на практике представляют либо материалы выборочных обследований (их довольно часто проводили при составлении бюджетных описаний и выборочных подворных переписей крестьянского хозяйства), либо сведения, которые характеризуют лишь часть объектов генеральной совокупности (например, подворные списки заемщиков Крестьянского банка составлялись только на крестьян, обращавшихся за ссудой), либо остатки некогда единого комплекса данных, определенная часть которых в настоящее время утрачена (например, массив первичных данных земской статистики или подворных карточек переписей 1916 и 1917 гг.). Естественную выборку можно рассматривать как репрезентативную, если сохранившиеся данные характеризуют разные части генеральной совокупности, если они находятся между собой в той же пропорции и, наконец, если при сборе и хранении этих материалов не было никакой преднамеренности, в результате которой сохранились бы одни и погибли другие сведения.

В настоящее время исследователи оценивают представительность естественных выборок главным образом на основе анализа социальных функций и происхождения выборочных данных, способов их сбора и хранения, а также путем сопоставления этих данных со сведениями других источников, относящихся к той же генеральной совокупности. Таким образом была, например, проведена проверка представительности подворных списков заемщиков Крестьянского банка. Поскольку такие списки сохранились лишь в небольшом числе ссудных дел, Р. М. Ивановой пришлось прежде всего исследовать репрезентативность подворных списков по отношению ко всем крестьянам, обращавшимся за ссудой в Крестьянский банк, сравнивая показатели подворных списков с данными отчетов банка. Для проверки репрезентативности подворных списков по отношению ко всем крестьянам изучаемого региона Р. М. Иванова сопоставляла эти показатели со сплошными данными земских подворных переписей[66]. Подобным способом можно выявить и репрезентативность естественных выборок первичных данных земских подворных описаний и переписей 1916 и 1917 гг., сравнивая их показатели со сводными опубликованными данными этих источников. Однако исследователи порой оперируют сведениями естественных выборок без всякой проверки их репрезентативности отчасти из-за распространенного среди историков заблуждения, что всякая естественная выборка прошла отбор временем, а следовательно, является случайной и потому может быть репрезентативной.

Очевидно, что естественные выборки количественных показателей вполне могут быть случайными, то есть репрезентативными. Но они могут и не быть представительными. Поэтому обязательно нужна проверка того, в какой мере естественные выборки сложились случайно, а следовательно, представительны для характеристики соответствующей генеральной совокупности. К сожалению, строго математически можно установить, лишь в какой мере объем естественных выборок обеспечивает необходимую точность оценки средних значений признаков в генеральной совокупности по данным выборки.

На количественных методах могут основываться и некоторые другие стороны проверки репрезентативности естественных выборок. Так, нередко исследователь имеет дело с двумя или несколькими естественными выборками данных, которые характеризуют исследуемые объекты на той или иной территории или в тот или иной период времени. Например, можно иметь две выборки первичных данных о крестьянстве земских подворных описаний, относящиеся к двум губерниям или к одной губернии, но разным периодам времени. В данном случае возникает вопрос о возможности объединения этих выборок в одну. Такое объединение правомерно лишь тогда, когда выборки характеризуют одну генеральную совокупность. Проверить возможность объединения выборок в одну можно с помощью математических методов, которые позволяют определить существенность или несущественность различий

средних и дисперсий основных признаков выборок, что и дает основание для суждения о принадлежности их к одной совокупности.

Возможно применение количественных методов и для оценки того, в какой мере случайно варьирование признаков в естественной выборке. Поскольку такое варьирование, как правило, бывает в случайных выборках, постольку, выявив его, можно сделать заключение о случайности естественной выборки, а потому и об ее репрезентативности [67].

Значимым показателем представительности естественных выборок является равномерность охвата ими исследуемой совокупности, что выявляется при сопоставлении состава объектов выборки и совокупности. Наконец, сама история возникновения комплекса данных, анализ причин того, почему из некогда полной совокупности сведений сохранилась лишь определенная их часть, также может помочь оценить репрезентативность естественных выборок. Если первоначально изучаемые данные охватывали всю совокупность тех или иных объектов, то история последующей судьбы этих сведений, условий их хранения, причин утраты данных и т. д. позволяет выяснить, в какой мере данные естественной выборки можно считать случайными вариантами некогда полной совокупности показателей. Если естественная выборка представляет итог неполного или выборочного обследования некоей генеральной совокупности объектов, то изучение задач такого обследования и того, как оно проводилось, может дать информацию о том, насколько объекты, характеризуемые естественной выборкой, можно рассматривать как случайные варианты генеральной совокупности.

В этом отношении примером могут служить бюджетные обследования крестьянского хозяйства. Как известно, бюджетные описания представляют собой выборочные обследования незначительной части крестьянских хозяйств, приблизительно несколько сотен на губернию. В их число земские статистики стремились включить все основные разновидности крестьянских дворов, отличавшихся условиями и характером хозяйственной деятельности. Однако из их исследований, как правило, выпадали крестьяне, полностью лишенные средств производства, не имевшие собственного хозяйства, то есть слой сельских пролетариев, фактически уже переставших быть крестьянами. По этой причине бюджеты позволяют прежде всего изучать процесс обуржуазивания крестьянства; процесс пролетаризации крестьянства бюджеты отражают лишь частично, только в той мере, в какой пролетаризующееся крестьянство еще имело собственное производство. Но так как различные категории крестьянских хозяйств представлены в источнике непропорционально их доле в общей массе хозяйств и их отбор не был случайным, то данные бюджетных обследований, отличающиеся высокой достоверностью по отношению к каждому конкретному хозяйству, не могут быть основой для определения количественного соотношения основных типов крестьянских дворов в общем числе хозяйств губернии.

Одним из кардинальных вопросов источниковедческой критики

массовых статистических источников является оценка достоверности и точности данных. Этот вопрос приобретает особую остроту при изучении аграрной статистики, поскольку многие однотипные характеристики крестьянского хозяйства содержатся одновременно в двух или нескольких источниках: например, сведения об урожайной статистике есть в публикациях ЦСК, Министерства земледелия и земской статистике, данные о поголовье скота имеются в земских, военно-конских и сельскохозяйственных переписях, а также в изданиях ЦСК и Ветеринарного управления. Какому источнику следует отдать предпочтение и на основе каких критериев выбрать наиболее точные сведения? Означают ли расхождения в публикациях ЦСК и ведомственной статистики, что все эти материалы неточны, или же ошибки в данных присутствуют лишь в одном источнике, тогда как другие верно отражают состояние сельского хозяйства пореформенной России?

Как правило, оценку достоверности и точности того или иного комплекса источников о крестьянском хозяйстве можно дать на основе анализа его происхождения, техники и программы сбора данных, а также при сопоставлении их с другими материалами.

Так, например, общепризнано, что высокая степень точности и достоверности данных земских подворных описаний и сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. обусловлена в первую очередь существовавшими приемами их сбора. С этой точки зрения земские переписи крестьянского хозяйства представляли вершину статистической науки в России. Как уже отмечено, такие исследования проводили на местах опытные и преданные своему делу статистики. Целая система мер предусматривала строгий контроль над сбором первичной информации. Поэтому данные переписей о населении, скоте, землевладении и посевной площади в целом превышают сведения ЦСК, что свидетельствует о более полном учете сельскохозяйственного производства в ходе экспедиционного обследования крестьянских хозяйств по сравнению со сбором данных через волостные правления и нижних чинов полиции. Однако эти наши наблюдения относятся прежде всего к общей характеристике земской статистики, поскольку даже в пределах одного комплекса материалов различные показатели крестьянского хозяйства существенно отличались степенью точности и достоверности. В силу единства счетных единиц наибольшая точность присуща данным о размерах земледельческого хозяйства, тогда как сведения об аренде и «промыслах» содержат довольно много пропусков и не могут претендовать на исчерпывающую полноту и достоверность.

Большинство исследователей подвергают сомнению точность данных текущей статистики ЦСК, отмечая несовершенство ее методов: прежде всего некомпетентность местной сельской администрации и полиции, отсутствие какого-либо контроля над сбором сведений, недостаточно тщательную разработку этих материалов в ЦСК и др. Однако наряду с недостатками историки указывают и на положительное значение однообразия и устойчивости приемов

сбора сведений. В литературе преобладает мнение, что публикации ЦСК в целом верно отражают динамику развития сельскохозяйственного производства России в эпоху капитализма, хотя и несколько занижают абсолютную численность скота и земли в крестьянском хозяйстве [68].

Недостаточно достоверны данные текущей статистики земских учреждений и Департамента земледелия, что также связано прежде всего с существовавшей практикой сбора сведений: малочисленностью и случайным составом добровольных корреспондентов, неравномерностью их распределения на территории губернии, несвоевременностью доставки сведений в статистические учреждения и др.

Однако историки далеко не всегда располагают исчерпывающей информацией о приемах сбора и сводки сведений того или иного источника и поэтому не могут с полной определенностью оценить их достоверность и точность лишь на основе традиционных методов источниковедческой критики. В тех случаях, когда разные по происхождению источники сообщают об одном и том же явлении противоречивые сведения, трудно отдать предпочтение одному из них. Именно в такой ситуации незаменимы математические методы источниковедческого анализа статистических данных о крестьянском хозяйстве, завоевывающие в последние годы все большее признание среди исследователей. Суть их сводится в основном к тому, чтобы определить временную и пространственную сопряженность показателей разных источников путем их корреляционного анализа, а также выявить существенность различий средних данных разных источников. При условии независимости происхождения этих комплексов материалов согласованность в изменении их данных, несомненно, является убедительным доказательством их общей достоверности. При несводимости показателей разных источников встает необходимость решить вопрос о том, являются ли достоверными сведения всех источников или лишь одного из них.

Сравнительный анализ достоверности данных урожайной статистики ЦСК, Министерства земледелия и земств, основанный на методах математической статистики, еще до Октябрьской революции был проведен Д. Н. Иванцовым [69]. Для сравнения динамики урожайности по данным разных источников он использовал корреляционный анализ, который рисует очень сходную картину временной и географической вариации урожайности (большинство коэффициентов корреляции превышает 0,75). В результате сопоставления многолетних средних урожаев по данным разных источников Д. Н. Иванцов пришел к вполне обоснованному выводу, что разночтения таких средних данных имеют случайный характер, а в целом следует признать принципиальную однородность данных источников. Многолетние средние разных источников о размерах урожайности пригодны для изучения уровня земледелия территориально и во времени. Однако ежегодные данные об урожайности гораздо менее достоверны (отклонения урожайности по разным источникам превышают 10%, то есть существенны) и потому непригодны для анализа уровня развития производительных сил в земледелии [70].

Сходная методика использована для проверки достоверности сведений о хлебных ценах, зафиксированных в материалах Интендантства, губернских правлений и Департамента земледелия [71]. Сравнивая характеристики трех рядов цен, Б. Н. Миронов установил, что сведения губернских правлений и Департамента земледелия более однородны между собой, чем данные Интендантства: средние моды и медианы статистических рядов по сведениям губернских правлений и Департамента земледелия различаются несущественно (на 1—10%), а со сведениями Интендантства имеются весьма значительные (на 27—36%) расхождения. Корреляционный анализ показал наличие высокой согласованности в динамике сведений губернских правлений и Департамента земледелия и слабую зависимость между изменениями этих данных и сведений Интендантства. Такие наблюдения дают Б. Н. Миронову основание заключить, что хлебные цены по сведениям губернских правлений и Департамента земледелия более или менее однородны в отношении уровня и практически однородны в плане направления и степени их изменения. Цены по сведениям Интендантства, по-видимому, содержат систематическую ошибку в данных и неоднородны с данными первых двух источников ни в отношении уровня, ни в отношении динамики, и поэтому полагаться на них при анализе хлебных цен рискованно.

Анализ достоверности и сопоставимости сведений различных источников о животноводстве (по материалам ЦСК, Ветеринарного управления, сельскохозяйственных переписей и земств) был проведен А. Л. Вайнштейном [72]. Он считал, что устойчивые и повсеместно однообразные методы учета скота, применявшиеся ЦСК, обеспечивают правильное отражение его данными динамики изменения поголовья скота, а также позволяют анализировать географические различия в обеспеченности скотом крестьянского и частновладельческого хозяйств, по крайней мере в пределах таких крупных территориальных единиц, как губерния и регион.

Иначе отражена в источниках абсолютная численность скота. Даже военно-конские переписи не учитывали количество молодняка (по сравнению с переписью 1916 г. данные ЦСК занижены на 17—20%), а недоучет продуктивного скота оказался еще больше. В итоге А. Л. Вайнштейн пришел к выводу, что сведения ЦСК и Ветеринарного управления, в отличие от сельскохозяйственных переписей и земской статистики, содержащих достаточно достоверные сведения по всем видам скота, не следует использовать для определения абсолютной численности продуктивного скота.

Однако еще сложнее провести проверку достоверности тех или иных количественных данных о крестьянском хозяйстве, зафиксированных лишь в одном источнике, в том случае, когда нет возможности сравнить их с показателями других источников или

когда такое сопоставление может быть лишь частичным и поэтому ненадежным. И в этом случае наряду с преобладающим до сих пор традиционным анализом приемов сбора сведений существенную помощь могут оказать математические методы исследования. В подобной ситуации следует выявить сопряженность анализируемых показателей с другими характеристиками аграрных отношений, включив их в общую систему сведений о крестьянском хозяйстве. Поскольку любая общественная система, в том числе и крестьянское хозяйство, имеет свою пространственную и временную структуру, для которой характерна определенная взаимосвязь ее компонентов, то с помощью содержательного анализа этих взаимосвязей исследователи могут определить, насколько интересующие их показатели «вписываются» в данную структуру и, таким образом, удается оценить достоверность изучаемых сведений.

Например, для проверки достоверности численности сельскохозяйственных наемных рабочих по переписи населения 1897 г. и Комиссии 1901 г. весьма эффективным инструментом источниковедческой критики оказался корреляционный анализ взаимосвязей этих показателей с другими характеристиками социально-экономического развития по 50 губерниям Европейской России — числом грамотных, площадью посева, численностью скота, высотой урожайности и удельным весом хозяйств с наймом. Тесные корреляционные взаимосвязи доли сельскохозяйственных наемных рабочих по переписи 1897 г. с долей хозяйств с наймом и числом грамотных (одним из обобщенных показателей уровня буржуазного развития) свидетельствуют о том, что подобные сведения, несмотря на их неполноту, достаточно достоверно отражают сравнительную степень применения наемного труда в отдельных губерниях. Отсутствие данных взаимосвязей в системе показателей Комиссии 1901 г. говорит о том, что эти сведения, верно указывая на общее число занятых в сельском хозяйстве наемных рабочих, в то же время не раскрывают пропорциональность их распространения по отдельным губерниям Европейской России [73].

Указанную методику можно использовать и для уточнения содержания признаков в тех случаях, когда один и тот же термин употребляется для обозначения различных по своей природе явлений. В публикациях земской статистики содержатся такие показатели; как число, «хозяйств, обрабатывающих свой надел с помощью найма», и число «хозяйств, обрабатывающих свой надел лично». Содержание этих признаков довольно противоречиво: в 1-ю категорию хозяйств могли попасть не только неимущие дворы без лошади и без работника, но и зажиточные крестьяне, прибегавшие к капиталистическому найму рабочей силы. При отсутствии в источнике более четких формулировок, а также подробных разъяснений приемов сбора сведений содержание данных показателей можно раскрыть лишь на основе комплексного анализа их взаимосвязей с другими производственными и социально-экономическими характеристиками крестьянского хозяйства. Прямые тесные

зависимости 1-го признака с долей безлошадных дворов и дворов без скота и обратные зависимости с удельным весом хозяйств с 2 и 3 лошадьми и многолошадных дворов свидетельствуют о том, что большинство хозяйств, «обрабатывающих свой надел с помощью найма», относится к неимущим разорившимся группам крестьянства, а следовательно, данный признак не характеризует уровень развития капитализма в крестьянском хозяйстве. В то же время к категории хозяйств, «обрабатывающих надел лично», относятся главным образом средние слои деревни, на что указывает обратная взаимосвязь с долей безлошадных хозяйств и тесная прямая зависимость с долей дворов, имеющих 2 или 3 лошади.

В источниковедческом анализе статистических материалов по истории крестьянства особую значимость имеет проблема однородности и сопоставимости их количественных показателей. Вследствие разобщенности статистического учета в пореформенной России сложились комплексы статистических данных (правительственная, ведомственная и земская статистики), значительно различающиеся между собой из-за отсутствия единообразия в приемах сбора, сводки и группировки данных, различий в определении счетных единиц и т. д.

Однако вопрос об однородности и сопоставимости количественных показателей встает не только при обращении к нескольким независимым по происхождению источникам, но и при использовании одного комплекса данных, охватывающих значительный период времени и большую часть территории России и характеризующих динамику развития крестьянского хозяйства.

Мы уже отмечали, что, несмотря на кажущееся однообразие публикаций земской статистики, многие их показатели отличаются крайней разнородностью и пестротой. Объясняется это прежде всего длительностью и отсутствием централизации в проведении подворных переписей. В течение 33 лет земские статистики описывали крестьянское хозяйство то в одной, то в другой губернии Европейской России по различным программам сбора данных. По этой причине практически несопоставимы в масштабах Европейской России сведения подворных переписей о крестьянских промыслах. В разных публикациях различны принципы учета промысловой деятельности крестьянства. Хотя обычно под промыслами понимались все занятия крестьян вне своего надела, но в одних губерниях учитывали лишь внеземледельческие занятия, а в других губерниях наряду с ними отмечали и земледельческие занятия, если они составляли основной источник дохода семьи. Промыслы, как правило, подразделяли на местные и отхожие, но опять-таки в соответствии с различными критериями — сроком отлучки крестьян из дома, расстоянием промыслов от места жительства, наличием постоянной связи у промышленников с собственным хозяйством и др. Поскольку одна и та же семья могла заниматься и местными и отхожими промыслами, из источников нельзя получить общее число промышленников простым суммированием этих показателей. И наконец, в одних публикациях земской статистики ука-

зано число хозяйств с промыслами, из других публикаций можно извлечь число самих промышленников, а в третьих изданиях дана численность промышленников-мужчин.

Не менее разнородны и данные правительственной статистики. Земельные переписи содержат сведения о размерах и структуре крестьянского землевладения на несколько хронологических рубежей: 1877, 1887, 1905 и 1917 гг., что дает возможность проследить изменения в размещении и перераспределении земельной собственности в течение 40 лет пореформенного развития. Но, к сожалению, сопоставимы далеко не все показатели земельных переписей. Наиболее однородны данные 1-й и 3-й переписей 1878 и 1905 гг., а сведения 1-й и 2-й переписей с трудом поддаются сравнению. Во-первых, перепись 1887 г., в отличие от переписи 1877 г., не содержит данных о неудобных землях крестьянского надела, они исключены не только из надельных земель, но и из общей площади землевладения. Во-вторых, купленные крестьянами земли по переписи 1877 г. указаны то в наделе, то в частновладельческих землях, а иногда и вовсе не учитываются, тогда как в 1887 г. они отнесены только к частному землевладению. В-третьих, несравнимы данные о числе владений. В переписи 1887 г. отмечены лишь число владений в собственности одного лица или одно владение в собственности нескольких лиц. При обследовании 1877 г. была сделана попытка исчислить действительное число владельцев в уезде, то есть каждый из участников крестьянских товариществ по покупке земли был принят за одного владельца, поэтому их общее число значительно превышает указанное в переписи 1887 г. число частных владений крестьян.

Еще один круг вопросов источниковедческой критики массовых статистических источников по истории крестьянства эпохи капитализма относится к проблеме «источник и историк». Он касается прежде всего совершенствования методов обработки и анализа данных массовых источников, направленных на повышение их информативной отдачи.

Всегда существует определенное несоответствие между сведениями, необходимыми историкам, обращающимся к источникам, и той информацией, которая в них зафиксирована. Это несоответствие может проявляться не только в том, что в источниках отсутствуют многие существенные характеристики крестьянского хозяйства (например, прямые показатели его товарности, сведения о купле-продаже рабочей силы и т. д.), но и главным образом при сводке и группировке данных. Несоответствие порождается прежде всего различиями в целях творцов источников и современных историков. Развитие науки ведет к углублению таких различий, а следовательно, и к росту потребностей в информации, непосредственно не выраженной в источниках. Новые исследовательские потребности можно удовлетворить путем вовлечения в научный оборот новых комплексов данных, а также и за счет повышения информативной отдачи уже известных материалов [74].

Пожалуй, наиболее наглядной иллюстрацией этих положений может служить проблема территориальных сводок аграрной статистики. Как известно, ведущим подходом к изучению буржуазной эволюции крестьянского хозяйства в советской историографии стал сравнительный анализ уровня и основных тенденций развития хозяйства различных типов и групп крестьянских дворов в процессе социального расслоения крестьянства. Реализовать такой методологический подход на практике позволяют лишь подворные данные, сгруппированные по хозяйственной состоятельности (размерам посевов, численности рабочего скота, числу батраков и т. д.), которые содержатся главным образом в бюджетных обследованиях и подворных земских переписях.

Однако круг этих материалов крайне ограничен, так как составители публикаций правительственной и земской статистики отдавали предпочтение территориальному принципу сводки данных. Характеристика сельскохозяйственного производства дана в этих изданиях на уровне территориальных единиц (селений, волостей, уездов и губерний) без выделения каких-либо слоев в среде крестьянства, что не позволяет группировать собственно крестьянские дворы. При современных методах обработки и анализа сводных данных земских подворных обследований и сельскохозяйственных переписей информационный потенциал таких источников значительно превышает эффективность их использования в конкретно-исторических исследованиях.

Однако не меньше трудностей возникает и при использовании готовых группировок крестьянских хозяйств, содержащихся в изданиях земской и правительственной статистики. И дело здесь опять-таки в несоответствии методологических принципов сводки и группировки данных у современных исследователей и творцов источников. Отрицая буржуазный характер социального расслоения крестьянства, большинство статистиков считали основным фактором благосостояния крестьян размер надела и число работников в семье. Однако такие группировки не отражают истинных размеров крестьянского хозяйства и потому искажают соотношение различных социально-экономических слоев в среде крестьянства и затушевывают различия между ними [75]. «Пользуясь группировкой по наделу, мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю... Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии» [76].

В последнее время наметились два основных направления повышения информативной отдачи массовых статистических источников о крестьянском хозяйстве: обращение к первичным архивным материалам сельскохозяйственных переписей и земских подворных описаний, а также совершенствование методов обработки и анализа опубликованных сводных данных.

Потребность в использовании первичных материалов подворных переписей земской и правительственной статистики обусловлена в первую очередь тем, что сведения, собранные в результате

подворных обследований крестьянских хозяйств, далеко не в полном объеме вошли в соответствующие публикации. Прежде всего это относится к данным о промыслах, землепользовании, формах и сроках найма и др.

По мере публикации сводных и сгруппированных показателей переписей их первичные материалы поступали в архивы, а интерес к ним снижался. При наличии огромного числа публикаций исследователи практически не обращались к первичному комплексу сведений. Его объем и сохранность далеко не в полной мере известны историкам. В настоящее время историки лишь приступают к поиску и анализу первичных материалов подворных и сельскохозяйственных переписей. Эти документы обнаружены в фондах губернских и уездных земских учреждений в архивах Москвы, Владимира, Костромы, Рязани, Пензы, Тамбова, Горького, Томска. Однако, чтобы выявить сохранность и полноту всего комплекса первичных материалов земских обследований и переписей 1916 и 1917 гг., в первую очередь по сравнению с имеющимися публикациями этих данных, а следовательно, установить их ценность для исторических исследований, необходимы специальные разыскания.

Одним из основных достоинств первичных материалов о крестьянстве является возможность использовать при их обработке и анализе разнообразные приемы и методы группировки данных. В целом эти принципы хорошо известны. Их обосновал и использовал в своих работах В. И. Ленин[77].

Ленинские принципы и критерии группировки легко реализовать в тех случаях, когда очевиден доминирующий тип хозяйства (экстенсивно-земледельческое, животноводческое и т. д.), а следовательно, и тот признак, который можно положить в основу группировки. Но даже и в таких случаях группировка по одному признаку может оказаться недостаточно точной, что будет влиять на соотношение численности различных групп.

Так, Р. М. Ивановой при обработке подворных списков заемщиков Крестьянского банка по Московской, Пензенской, Курской и Могилевской губерниям была проведена сравнительная группировка дворов по их обеспеченности лошадьми и коровами[78]. Обычно при группировке крестьянских хозяйств по рабочему скоту безлошадные и однолошадные дворы относят к беднейшему (пролетарскому и полупролетарскому) слою деревни. Однако, как выяснилось, определенная часть таких дворов имела по 2, 3 и даже более коров и принадлежала к слою среднего крестьянства. В итоге при группировке по одному и двум признакам получается различное соотношение дворов в беднейшей группе. Исследование Р. М. Ивановой показывает, сколь значительными могут быть различия в соотношении слоев крестьянства даже при переходе от группировки по одному признаку к группировке по двум признакам. Еще более существенно может измениться это соотношение при комбинации нескольких признаков. Поэтому при бесспорной правомерности группировки по одному определяющему признаку

добиться наиболее точного выделения слоев в среде крестьянства можно лишь путем многофакторной (многомерной) группировки, учитывающей все существенные показатели о хозяйстве и положении крестьян. К использованию именно таких приемов призывал В. И. Ленин, подчеркивая необходимость комбинации группировочных признаков. Практическое осуществление такой классификации крестьянских хозяйств сопряжено со многими трудностями при ее обычном, ручном проведении.

В самом деле, если даже группировать крестьянские дворы по двум признакам, каждый из которых имеет по 5 групп значений (например, по размерам посева — дворы без посева, с посевом до 5 десятин, с посевом 5—10, 10—20 и более 20 десятин, а по обеспеченности рабочим скотом — дворы безлошадные и с одной, двумя, тремя, четырьмя и более лошадьми), то и тогда может быть выделено 25 групп дворов (каждая из 5 групп по посеву будет иметь по 5 сочетаний с группами по рабочему скоту). Если же взять 3 признака, каждый из которых имеет по 5 значений, то таких сочетаний может быть уже 125. При такой группировке будут возникать трудности при отборе существенных группировочных признаков (ибо их не должно быть много), при определении интервалов для значений основных признаков и последующем сведении комбинационных групп в совокупности, характеризующие существенно различные слои крестьянства. Далее, для подобной классификации необходимо иметь значительный объем выборки первичных данных, чтобы хотя бы для части комбинационных групп получить устойчивые средние значения по основным показателям (каждая группа должна включать не менее 15—20 дворов). Наконец, выполнение такой группировки вручную, без использования современной электронно-вычислительной техники, — очень громоздкое и трудоемкое дело.

Количественные методы и компьютерная техника позволяют успешно проводить многомерные группировки первичных массовых данных о крестьянстве и оказываются практически незаменимыми для решения двоякого рода задач: во-первых, для выбора основных признаков, характеризующих крестьянские хозяйства; и, во-вторых, для группировки этих хозяйств по совокупности выделенных признаков. Например, методы факторного анализа дают возможность выделять из совокупности признаков, характеризующих крестьянские хозяйства, именно те признаки, которые наиболее полно выражают действие факторов — причин, определяющих суть его социально-экономической эволюции. Такое выделение особенно целесообразно в тех случаях, когда число значимых признаков велико, а их отбор обычными методами не позволяет выявить наиболее существенные и оценить их сравнительную значимость. Такие массовые источники о крестьянстве, как земские подворные описания и переписи 1916 и 1917 гг., содержат по многу десятков, а бюджетные обследования включают даже по нескольку сот различных показателей. Здесь действительно не просто отобрать показатели, наиболее ярко раскрывающие социально-

экономический строй крестьянского хозяйства. Поэтому для подобных исследований необходимы математические методы.

Выделенные таким образом основные признаки затем могут быть взяты в качестве группировочных для проведения многомерной классификации крестьянских дворов (или других объектов) [79].

Существуют и другие методы многомерной классификации, которые также могут быть применены при обработке и анализе данных о массовых исторических объектах. Многомерная классификация крестьянских хозяйств в Эстонии была предпринята Ю. Ю. Кахком [80], а аграрная типология губерний Европейской России проделана Л. И. Бородкиным и И. Д. Ковальченко [81].

Таким образом, в области группировки крестьянских хозяйств (да и многих других массовых объектов) историкам необходимо овладеть современными методами обработки и анализа массовых данных, чтобы поднять на новый уровень изучение социально-экономического развития деревни эпохи капитализма.

Однако наряду с обращением к первичным массовым материалам о крестьянстве в последние годы исследователи проявляют все возрастающий интерес и к анализу сводно-территориальных данных земских подворных описаний земской статистики, переписей 1916 и 1917 гг. и др. Развернутую программу обработки этих сведений для исследования развития капитализма в деревне выдвинул В. И. Ленин в статье «К вопросу о задачах земской статистики». Он писал: «Отметим, по крайней мере, некоторые из группировок, которые могли бы и должны бы были быть произведены для использования богатейшего земско-статистического материала. Желательно разделить уезд и губернию на районы по наибольшему распространению торгового земледелия разных видов (переработка хлебов и картофеля в вино; сбыт молочных продуктов; маслобойни; особые торговые растения и т. д., и т. п.); — затем по промыслам неземледельческим и по отходу; — по условиям помещичьего хозяйства (близость помещичьих экономий или отсутствие их, преобладание крепостнического, отработочного, барщинного, испольного, издельного и т. п. или капиталистического, вольнонаемного, помещичьего хозяйства); далее, по степени развитости торговли и капиталистического оборота вообще (крайне важное деление, которое сделать обязательно с точки зрения азбуки политической экономии и которое легко сделать, хотя его обычно не делают: группировка селений по расстоянию от железной дороги, от базаров, торговых центров и т. п.); по величине селений...» [82].

Применение новых количественных методов исследования позволило историкам-аграрникам значительно повысить информативную отдачу территориальных сводок данных о крестьянском хозяйстве, за которыми долгое время сохранялась репутация громоздкого и малоинтересного источника, малопригодного для изучения развития капитализма в крестьянском хозяйстве. Все многообразие поисков исследователей в этой области можно свести к двум основным моментам. Прежде всего они проводят

группировку (традиционными способами или методами многомерного анализа) общин, волостей, уездов и других административно-территориальных единиц для того, чтобы выделить районы с различными условиями развития крестьянского хозяйства; а затем с помощью различных вариантов корреляционного, регрессионного и факторного анализа устанавливают характер взаимосвязей различных сторон и черт аграрных отношений для выявления общего уровня и структуры крестьянского хозяйства разных социально-экономических типов [83]. Такой анализ пообщинных сводок земско-статистических описаний не только позволяет выделить местности с преимущественной тенденцией образования в среде крестьянства сельской буржуазии или пролетариата, что необходимо для изучения общего характера разложения крестьянства и региональных особенностей этого процесса, но и получить представление о степени внутриобщинной дифференциации крестьянства. Разумеется, так можно получить лишь самое общее представление, поскольку судить о глубине различий в уровне хозяйства полярных групп в среде крестьянства можно приблизительно, по средним данным о состоянии крестьянского хозяйства в полярных группах селений.

Таким образом, эпоха капитализма характеризуется широким размахом сбора и публикации данных о социально-экономическом развитии России и крестьянском хозяйстве в частности. В распоряжении исследователей имеются сотни томов разнообразных сведений по истории крестьянства, отражающих различные стороны его производственной деятельности и социального состава. Однако этот комплекс материалов все еще недостаточно разработан в источниковедческо-методическом плане и крайне ограниченно вовлечен в научный оборот. Особую неравномерность следует отметить в изучении и использовании в конкретно-исторических исследованиях статистических источников о крестьянском хозяйстве пореформенной эпохи. Если одни комплексы материалов (урожайная статистика, земские подворные переписи и др.) постоянно находятся в центре внимания историков-аграрников, то другие источники (текущая земская статистика, сведения Министерства внутренних дел и др.) остаются фактически неиспользованными. В довольно широком диапазоне колеблется и степень изученности различных вопросов источниковедческой критики таких материалов: точность и достоверность одних статистических источников не вызывает сомнений, а по поводу других исследователи так и не пришли к единому мнению.

Можно, пожалуй, выделить два основных подхода к изучению массовых источников по аграрной истории пореформенной России. Если исследователи идут от источника, давая всестороннюю характеристику того или иного комплекса материалов, связанных единством происхождения и социальных функций, то в центре внимания находятся прежде всего различные аспекты проблемы адекватности отражения в источниках явлений исторической действительности (то есть точности, достоверности и представительности

данных), а вопросы методики их использования в конкретно-исторических исследованиях практически не рассматриваются. Напротив, при изучении круга источников по той или иной проблеме исследователи концентрируют свои усилия прежде всего на разработке методических вопросов. Безусловно, правомерны оба подхода, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. В первом случае исследователи рассматривают источник как изолированную самодовлеющую систему данных и далеко не всегда проводят сравнительный анализ их точности и достоверности по отношению к другим источникам, содержащим аналогичные сведения. Во втором случае нарушается цельность восприятия источника, поскольку из него, как правило, извлекают лишь отдельные характеристики крестьянского хозяйства. В итоге такие исследовательские приемы становятся серьезной помехой для комплексного использования источников по истории крестьянства, создания автоматизированных банков данных, представляющих единые системы сопоставимых показателей, извлеченных из различных публикаций правительственной статистики и статистики общественных организаций.

В последние годы исследователи все чаще ощущают узость существующей источниковой базы, недостаточную эффективность применяемых методов обработки и анализа конкретно-исторических материалов о крестьянском хозяйстве. При наличии огромного комплекса разносторонних массовых сведений о пореформенном крестьянстве историки зачастую ограничиваются использованием обобщенных итоговых данных. Они привлекают главным образом сводные материалы земельных и сельскохозяйственных переписей, земских подворных описаний крестьянского хозяйства и бюджетные обследования. Не только первичные материалы земской и правительственной статистики, но и многие их сводки, например, пообщинные таблицы подворных переписей и текущая земская статистика, незаслуженно забыты и фактически лежат мертвым грузом в архивах и библиотеках. Лишь иногда историки-аграрники обращаются к этим данным, но и тогда используют их в весьма узком содержательном диапазоне преимущественно для изучения общего состояния крестьянского хозяйства, практически не анализируя уровень развития буржуазных отношений в деревне.

Несмотря на массовый характер большинства статистических публикаций по истории пореформенного крестьянства, их сведения зачастую используют лишь иллюстративно. Речь идет об извлечении из них отдельных примеров, подтверждающих то или иное положение автора. Представительность таких сведений в этих случаях или вообще не рассматривается, или обосновывается несколькими фразами о «типичности» данных хозяйств, которые, однако, далеко не всегда являются репрезентативными выборками, адекватно отражающими свойства генеральной совокупности.

Естественно, что иллюстративно-выборочный и узкий в содержательном плане подход к использованию массовых источников о

крестьянском хозяйстве пореформенной эпохи обусловлен несколькими причинами.

Многие массовые источники о крестьянстве периода капитализма до сих пор не выявлены в полном объеме, а сведения о них не обобщены и, следовательно, не доступны исследователям.

Большинство статистических источников по истории крестьянского хозяйства России содержат столь обширные сведения, что их широкое вовлечение в научный оборот невозможно при традиционных приемах обработки, без систематического применения современной электронно-вычислительной техники.

Нередко при источниковедческо-методическом изучении и использовании в исследовательской практике массовых статистических источников по истории крестьянства отсутствует комплексный подход. Отдельные разновидности статистических источников рассматривают изолированно, а не как составную часть общего комплекса массовых источников по истории крестьянства, тесно связанных своим происхождением и содержанием. По этой причине отсутствуют единые методики обработки массовых комплексов материалов о крестьянском хозяйстве, которые позволили бы устранить несводимость конкретно-исторических выводов многих региональных исследований, выполненных на основе однотипных материалов.

Подавляющая часть источников не содержит непосредственно выраженных сведений, необходимых для раскрытия сущности и внутреннего механизма аграрного развития. В них нет, например, в сколь-нибудь значительном объеме таких прямых характеристик степени развития капитализма в сельском хозяйстве, как данные о товарности крестьянского хозяйства, найме рабочей силы и др. Получить обобщенные показатели уровня развития буржуазных отношений в крестьянском хозяйстве можно лишь на основе анализа взаимосвязей его основных элементов. Однако фактически зачастую исследователи рассматривают статистические источники не как цельные информационные системы, а как простые совокупности сведений о крестьянстве.

Основная часть публикаций массовых статистических сведений о крестьянском хозяйстве не содержит группировок крестьянских дворов, отражающих их размер и характер экономической деятельности, и поэтому практически ее не используют при анализе буржуазного расслоения крестьянства.

И наконец, еще одна причина заключается уже не в особенностях корпуса источников по истории крестьянского хозяйства пореформенной эпохи, а коренится в недостатках существующего подхода к изучению буржуазной эволюции крестьянского хозяйства. В частности, это отсутствие системности и целостности в постановке и проведении исследований, прямолинейное конкретно-методологическое рассмотрение сущности тех или иных явлений в истории крестьянства и др. Все эти трудности не только повышают требования к источниковой основе современных исследований, посвященных изучению пореформенного крестьянства, но и

выдвигают на первый план вопросы конкретной методологии, источниковедения и разработки новых методов обработки и анализа массовых данных в статистических источниках.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

[1] См. подробнее: Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI—XX вв.). М., 1973.

[2] См.: Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации: XIX — начало XX в. М., 1979. С. 3.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.

[4] Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Спб., 1880—1886. Вып. 1—8.

[5] Распределение земли по угодьям Европейской России за 1881 г. // Статистический временник Российской империи. Спб., 1884. Сер. III. Вып. 4; Поземельная собственность Европейской России 1877—1878 гг. // Статистический временник Российской империи. Спб., 1886. Сер. III. Вып. 10.

[6] Волости и важнейшие селения Европейской России. Спб., 1880—1886. Вып. 1—8.

[7] Статистика Российской империи. Спб., 1892—1909. Т. 22—23. Вып. 1—46.

[8] Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. Спб., 1907.

[9] Всего с 1896 по 1917 г. в Петербурге было издано 25 выпусков. В IV (Спб., 1901) и VII (Спб., 1903) выпусках содержатся итоговые данные за 30-летний, а в XIII выпуске (Спб., 1907) — за 40-летний период.

[10] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1916. Вып. I. Европейская Россия. Пг., 1917. Вып. II. Кавказ. М., 1917. Вып. III. Степной край, Сибирь и Дальний Восток.

[11] Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям // Труды ЦСУ. 1921. Т. V. Вып. 1.

[12] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. 1923. Т. V. Вып. 2.

[13] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Спб., 1905. Т. I—II.

[14] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Спб., 1899. Вып. 1—89.

[15] Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и месту жительства на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. Спб., 1905; Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. Спб., 1909; и др.

[16] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний по сравнению с другими местностями Европейской России. Спб., 1903. Т. 1—3.

[17] Понижение выкупного платежа по указу 28 декабря 1881 г. // Статистический временник Российской империи. Спб., 1885. Сер. III. Вып. 5; Материалы Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел по специальному понижению выкупных платежей//Статистический временник Российской империи. Спб., 1886. Сер. III. Вып. 11.

[18] См. подробнее: Водарский Я. Е. Указ. соч. Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858—1917 гг.)//Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982; и др.

[19] О различных точках зрения по поводу достоверности данного источника см. подробнее: Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974; Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977 и др.

[20] Юбилейный сборник ЦСК. 1863—1913 гг. Спб., 1913. Отд. III. С. 12 и след. Губернские и уездные итоги этих сведений опубликованы. См.: Статистический временник Российской империи. Спб., 1884. Сер. III. Вып. 4.

[21] См. подробнее: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

[22] См. серию публикаций «Урожай 18...го года», входившую в состав многотомной «Статистики Российской империи».

[23] С 1892 г. стали собирать сведения по Кутаисской, Ставропольской и Терской, а с 1893 г. — по Тобольской и Томской, с 1898 г. — по Черноморской, с 1904 г. — по 8 закавказским и 5 среднеазиатским губерниям, а с 1907 г. — по остальным губерниям и областям России.

[24] Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Спб., 1902. Вып. 1; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. М., 1923; Свод урожайных сведений за 1883—1915 гг. М., 1928 и др.

[25] Статистика Российской империи. Спб., 1888. Т. IV (погубернские и поуездные сведения за 1883—1887 гг.); Временник ЦСК, 1894. № 34 (за 1883—1892 гг.); Временник ЦСК. 1902. № 51 (за 1896—1900 гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917 (за 1909—1913 гг.) и др.

[26] За отдельные годы эти данные были изданы ЦСК. Статистический временник Российской империи. Спб.., 1880. Сер. 1. Вып. 1 (за 1886 г.); Спб., 1881. Сер. 11. Вып. 10 (за 1870 г.) и др.

[27] В многотомном издании «Статистика Российской империи» опубликованы данные военно-конских переписей за 1888, 1891, 1893—1894, 1896, 1899—1900, 1903—1904, 1905—1906, 1908, 1910, 1912 гг.

[28] Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа по данным военно-конских переписей 1900—1906 гг. Спб., 1907.

[29] Временник ЦСК. 1900. № 50.

[30] См. издания «Предварительные данные о площадях посевов 19...-го года», «Вероятный сбор хлебов за 19...-й год», выходившие соответственно с 1901 и 1903 гг. в Петербурге.

[31] Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. Спб., 1910.

[32] Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. I. С. 10.

[33] Ежегодно (до 1893 г.) издавалось 3, а в дальнейшем 6 выпусков материалов, выходивших в Петербурге в текущем и следующем году.

[34] Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Спб., 1903. Вып. XI.

[35] Мы не даем здесь характеристику данных земской статистики о помещичьем хозяйстве. Об этих материалах см. подробнее: Островский М. М. Земская статистика помещичьего хозяйства как исторический источник // // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 10.

[36] О публикациях земской статистики см.: Караваев В. Ф. Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы со времени учреждения земств. М., 1906—1913. Вып. 1—2; Григорьев Н. В. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 год. М., 1926—1927. Вып. 1—2 и др.

[37] См. подробнее: Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи. Обзор методологии. М., 1961.

[38] См.: Антонова С. И. К вопросу о марксистском влиянии на методологию земской статистики // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978. Вып. 2.

[39] Протоколы заседаний статистического отделения Московского юридического общества за январь—февраль 1887 г. М., 1887.

[40] Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 130—131.

[41] Образцы программ подворных переписей приводятся в работе С. Н. Велецкого. См.: Велецкий С. Н. Земская статистика. М., 1899. Ч. 2.

[42] О съездах земских статистиков см. подробнее: Фортунатов А. Ф. Итоги нескольких совещаний по вопросам земской статистики. Спб., 1900.

[43] Подробнее см.: Филимонов Е. С. Черниговский тип статистики // // Сборник памяти Н. А. Каблукова. М., 1927. Т. 2.

[44] Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии, с. 241.

[45] См.: Свавицкие Н. А. и З. М. Земские подворные переписи 1880—1913 гг.: Поуездные итоги. М., 1926.

[46] См.: Свавицкий Н. А. Комбинационные таблицы как прием изучения типов и факторов крестьянского хозяйства в земских подворных переписях // Вестник статистики. 1924. Кн. XVIII.

[47] См.: Прокопович С. Н. Об основании выбора признаков для построения комбинационных таблиц // Труды комиссии по вопросам земской статистики 20—23 февраля 1914 г. М., 1916.

[48] Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Воронеж, 1887. Т. 4. Вып. 1. С. XIII.

[49] Подробнее см.: Анненский Н. Ф. Земский кадастр и земская статистика//Русское богатство. 1894. № 5; Румянцев П. О применении экономической группировки для оценочных выводов // Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге 20—23 декабря 1901 г. Спб., 1902; Баскин Г. И. Основные вопросы статистической методологии в земельной оценке // Труды комиссии по вопросам земской статистики. 20—23 февраля 1914 г. М., 1916 и др.

[50] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 94—96.

[51] Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Воронеж, 1885. Т. 2. Вып. 1. С. XIII.

[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 277.

[53] Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении в 1893 г. Пермь, 1893. С. 1—11.

[54] См.: Лаврецкий К. В. Два типа земской статистики. Казань, 1883; Пещехонов А. В. Об увеличении числа провинциальных учреждений, занимающихся собиранием и разработкой данных по родиноведению: (К вопросу о текущей земской статистике) // Труды подсекции статистики IX съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве 3—11 января 1894 г. Чернигов, 1894 и др.

[55] Итоги оценочно-статистического обследования Пензенской губернии 1909—1913 гг. Сер. II. Ч. III. Вып. I. Пенза, 1923. С. 32—33.

[56] См.: Радциг А. А. Наша официальная статистика. Спб., 1905; Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России. М.—Л., 1924; Антонова С. И. Статистические источники по истории СССР периода капитализма. Учебное пособие. М., 1968; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979 и др.

[57] См.: Фортунатов А. Ф. Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства. М., 1892; Велецкий С. Н. Указ. соч. Ч. 1—2; Свавицкий Н. А. Указ. соч. и др.

[58] См.: Чаянов А. В. Бюджетные исследования: История и методы. М., 1929; Корневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954 и др.

[59] См.: Терещенко А. С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года как исторический источник: Автореф. ... канд. дис. М., 1968; Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. — источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982 и др.

[60] См.: Малый И. Г. Статистика в исследованиях В. И. Ленина по аграрному вопросу. М., 1965; Ленин и современная статистика. М., 1970—1973. Т. 1—3; Рябушкин Т. В. Ленинское наследие и статистика. М., 1978 и др.

[61] См.: Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969; Банасюкевич В. Д. К вопросу об изучении массовых исторических источников // Труды ВНИИДАД, 1976. Т. IV. Ч. 1; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма и др.

[62] См. подробнее: Ковальченко И. Д., Соколов А. К. Итоги и перспективы применения математических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период. М., 1978.

[63] См.: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б. Массовые источники и количественные методы в изучении аграрной истории России // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

[64] См.: Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6; Милов Л. В. Проблема репрезентативности в источниковедении // Актуальные проблемы источниковедения, истории СССР и специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979. М., 1979. Вып. 1 и др.

[65] См.: Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золоторубов В. С., Островский И. В., Рябоконев А. М. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии: (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969.

[66] См. подробнее: Иванова Р. М. Материалы Крестьянского поземельного банка как источник для изучения социально-экономических отношений в деревне в конце XIX — начале XX в.: Автореф. ... канд. дис. М., 1973.

[67] Некоторые методы проверки случайности варьирования признаков в естественных выборках см.: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 264 и посл.

[68] См.: Добротворский М. Н. Опыт истории и методологии статистики животноводства. Спб., 1909; Ковальченко И. Д. Статистика сельскохозяйственного производства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма и др.

[69] См.: Иванцов Д. Н. К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915.

[70] О применении математических методов для анализа достоверности данных урожайной статистики см. также: Воскресенская Н. О. Динамика и структура производительных сил в зерновом производстве Европейской России в конце XIX — начале XX веков.: Автореф. ... канд. дис. М., 1980 и др.

[71] См.: Миронов Б. Н. Проверка надежности статистических данных в исторических исследованиях методами математической статистики//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. VI.

[72] См.: Вайнштейн А. Л. Из истории дореволюционной статистики животноводства // Очерки по истории статистики СССР. М., 1960. Сб. 3.

[73] См. подробнее: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б. Указ. соч.

[74] См.: Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3.

[75] Подробнее о принципах группировки данных в аграрной статистике см.: Кауфман А. А. О приемах группировки крестьянских хозяйств // Труды комиссии по вопросам земской статистики. 20—23 февраля 1913 г. М., 1914; Хрящева А. И. К вопросу о принципах группировки массовых статистических материалов в целях изучения классов в крестьянстве. М., 1925; Фавстов К. О методе группировок в земской статистике // Ученые записки Куйбышевского планового института. 1956. Вып. 4; Анфимов А. М. Методика изучения социальной структуры деревни // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпоху. Ростов-на-Дону, 1980 и др.

[76] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 94.

[77] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 96.

[78] См.: Иванова Р. М. Указ. соч. С. 14—15.

[79] См.: Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в со-

циально-экономических исследованиях. М., 1976; Промахина И. М. О применении факторного анализа в историческом исследовании // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981 и др.

[80] См.: Кахк Ю. Ю. К вопросу о типологии крестьянских хозяйств в Эстонии в начале XIX века. Таллин, 1975.

[81] См.: Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.//История СССР. 1979. № 1; они же. Структура и уровень развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков: (Опыт многомерного анализа) // История СССР. 1981. № 1.

[82] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 279—280.

[83] Подробнее см.: Ковальченко И. Д., Разумов Л. В. Источники о хозяйстве и положении крестьян // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма...; Разумов Л. В. О методике анализа земско-статистических подворных описаний крестьянских хозяйств по материалам Зубцовского уезда Тверской губернии // Вопросы истории СССР. Сборник статей. М., 1972; Моисеенко Т. Л. Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XIX века // История СССР. 1979. № 4; Литвак К. Б. Вопросы методики изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства по данным земских переписей // Применение количественных методов в исследованиях по аграрной истории СССР. М., 1984 и др.

Глава 2
МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

§ 1. Системный подход и моделирование при изучении аграрного строя России

Всесторонняя характеристика основных диалектико-материалистических принципов изучения аграрного строя России дана в работах В. И. Ленина, разработавшего марксистскую аграрную теорию для эпохи перерастания капитализма в его высшую и последнюю стадию. Основные ленинские теоретико-методологические принципы изучения аграрной истории капиталистической России хорошо известны, но их богатство и глубина еще далеко не исчерпаны в практике исследований по аграрной истории. Более того, некоторые ленинские положения настолько глубоки и дальновидны, что фактически только сейчас открылись возможности для их практического применения в исследовательской практике.

Одним из основополагающих принципов диалектико-материалистического подхода к изучению аграрного строя России является учет того, что этот строй представляет составную часть единого социально-экономического организма, который всегда имеет свою качественную целостность, определяемую ведущим, системообразующим, формационным укладом. В пореформенной России таким укладом был капиталистический. Поэтому В. И. Ленин неустанно разоблачал теории «некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе»[1] и постоянно подчеркивал «замечательную одинаковость законов эволюции» промышленности и земледелия в эпоху капитализма[2]. Развитие и промышленности, и земледелия подчинялось законам товарного производства, приобретшим всеобщий характер, и стихийно регулировалось ими. Будучи составной частью единой социально-экономической системы, аграрный сектор в период зрелого состояния этой системы не может представлять нечто существенно отличное от промышленности.

Специфика сельского хозяйства России состояла в том, что развитие аграрного капитализма отставало от промышленного. Это явление было присуще всем странам. В. И. Ленин убедительно показал, что отставание аграрного капитализма от промышленного связано прежде всего с монополией землевладения. «Монополия землевладения, — писал В. И. Ленин, — создает тормоз развитию земледелия, который, в отличие от промышленности, задерживает развитие капитализма в сельском хозяйстве»[3]. Вторым фактором, замедляющим развитие аграрного капитализма, была сложность процесса превращения натурального хозяйства в товарное. В. И. Ленин отмечал, что даже в эпоху капитализма натуральное хозяйство «именно в земледелии играет сравнительно очень большую роль и особенно медленно уступает место торговому земледелию»[4]. Однако отставание сельского хозяйства от промышленности было относительным, и по мере развития промышленного капитализма неизбежно ускорялось и буржуазная аграрная эволюция. В. И. Ленин обращал внимание на вывод К. Маркса о том, что развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве «зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства»[5]. В этой связи несостоятельны не только всякие попытки противопоставления промышленности и сельского хозяйства, города и деревни, но и изображение развития промышленного и аграрного капитализма как явлений параллельных или сведение взаимосвязи между ними к тому, что аграрный строй лишь тормозил развитие промышленного.

Огромное, едва ли не решающее значение для раскрытия характера аграрного строя России во второй половине XIX — начала XX в. является творчески развитое В. И. Лениным марксистское учение о стадиях и формах аграрного капитализма. В арсенал советской историографии прочно вошло марксистско-ленинское учение о стадиях развития капитализма в промышленности (мелкотоварное производство, мануфактура, фабрика). В изучении сельского хозяйства наметилась тенденция к ограничению аграрного капитализма, в сущности, лишь его классическими, чистыми формами. Между тем разные стадии и формы развития капитализма были присущи и промышленности, и сельскому хозяйству.

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на наличие в аграрном строе России конца XIX — начала XX в. примитивных, неразвитых, «средневековых», то есть низших, форм аграрного капитализма наряду с высшими, классическими. К неразвитым при-

надлежали формы товарного производства, основанные на господстве примитивной техники и мелкого производства, либо формы, связанные с широким распространением всякого рода кабалы; к классическим формам относится крупное производство, основанное на машинной технике и свободной купле-продаже рабочей силы. Оценивая в 1894 г. общий уровень развития аграрного капитализма России, В. И. Ленин указывал: «...Нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать *степень развития капитала*... на самом деле капитал, хотя уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме»[6]. В другой работе В. И. Ленин подчеркивал, что «рост мелкого (товарного.— *Авт.*) производства в крестьянстве означает... начальный процесс капитализма, тогда как поглощение мелких заведений крупными означает уже дальнейший шаг капитализма, ведущий к победе высших форм его»[7].

В. И. Ленин глубоко раскрыл то общее, что было присуще низшим и высшим формам капитализма. Единство этих форм состояло прежде всего в том, что их развитие подчинялось единым объективным закономерностям, характерным для товарного производства. Основной закон этого производства — закон стоимости. Действуя через рынок, закон стоимости вынуждал всех товаропроизводителей стремиться к поддержанию производства на определенном уровне, а порождаемая этим законом конкуренция неизбежно вела к разорению слабых и обогащению сильных, к поглощению мелких хозяйств крупными, то есть к перерастанию мелкого товарного производства в крупное. В итоге социально-экономическое развитие представляло собой «один живой органический процесс, процесс развития товарного хозяйства и роста капитализма»[8].

Из ленинского анализа низших и высших форм аграрного капитализма следует вывод, который имеет принципиальное значение для практики исторических социально-экономических исследований; он состоит в том, что о коренной внутренней природе различных форм товарного производства в условиях капитализма следует судить по тем объективным закономерностям, которым было подчинено развитие этих форм, а не по размерам хозяйства либо «чистоте» его капиталистической организации, или по общим условиям его развития, как это нередко еще бывает. В исследованиях по истории аграрного капитализма России внутренняя объективно-экономическая сущность явлений и ее субъективно-общественное выражение и результат не совпадали.

Здесь указаны основные положения ленинской трактовки стадий и форм капитализма, в том числе и аграрного, если рассматривать ее со стороны внутренней природы мелкого и крупного товарного производства.

Большое внимание В. И. Ленин уделял разработке методов изучения аграрного строя, в том числе и внутреннего строя крестьянского хозяйства.

Развитие капитализма, являвшееся основным содержанием социально-экономического развития пореформенной России, имело

своим главным выражением в деревне разложение крестьян, выделение различных по своему внутреннему строю типов крестьянских хозяйств. Поэтому для выявления характера аграрного строя и глубины развития аграрного капитализма принципиальное значение имеет анализ социально-экономического строя хозяйства отдельных слоев и всего крестьянства в целом на различных этапах развития капитализма и в различных районах Российской империи. Именно поэтому ключевым моментом в ленинском изучении российской деревни был анализ разложения крестьянства.

В. И. Ленин осуществил фундаментальный и всесторонний анализ разложения крестьянства в 80-х — начале 90-х годов XIX в. прежде всего по данным земской статистики. В работах В. И. Ленина, особенно в книге «Развитие капитализма в России», на большом фактическом материале показаны буржуазная сущность и значение разложения крестьянства. Эти исследования опровергли несостоятельные утверждения народников о якобы особом, некапиталистическом социально-экономическом строе пореформенной деревни и создали основы для разработки научно обоснованной аграрной программы пролетарской партии. В. И. Ленин разработал марксистские теоретико-методологические принципы анализа развития аграрного капитализма вообще и внутреннего строя крестьянского хозяйства в частности, а также конкретную методику этого анализа.

Существенным теоретическим итогом ленинского изучения развития аграрного капитализма России было четкое определение основных этапов генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве, стадий и форм развития капитализма в сельском хозяйстве вообще. В генезисе капитализма в мелком производстве В. И. Ленин выделял два процесса: «1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое»[9]. Первое превращение совершалось вследствие появления и развития общественного разделения труда, а второе происходило в ходе конкуренции товаропроизводителей, результатом которой «является усиление сильного и падение слабого, обогащение меньшинства и разорение массы, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих и многих мелких заведений (и хозяйств.— *Авт.*) в немногие крупные»[10].

В своем историческом развитии процесс расслоения крестьянства проходил через определенные стадии. При господстве натурального хозяйства в среде крестьянства углубляется простая имущественная дифференциация, обусловленная многочисленными факторами, имеющими обратимый характер. Собственно расслоение крестьян начинается с превращением их натуральных хозяйств в товарные. По мере установления связей крестьянских хозяйств с рынком в крестьянской среде выделялись существенно различные в производственно-экономическом отношении слои. Однако различия между этими слоями имели первоначально *экономический* характер и в *социальном* отношении крестьянство оста-

валось еще единым классом. Поскольку данную стадию в развитии крестьянского хозяйства можно считать исходным пунктом генезиса капитализма, постольку присущий ей характер расслоения крестьян можно определить как *экономическое, мелкотоварное*, или *предкапиталистическое* расслоение. Оно было господствующей формой расслоения крестьян в предреформенный период.

Превращение простого товарного крестьянского хозяйства в капиталистическое было связано с переходом к следующей стадии расслоения крестьян, к его *социальному, капиталистическому* расслоению. Суть такого расслоения состояла в «раскрестьянивании», в разложении социально единого класса крестьянства на новые социальные слои, присущие буржуазному обществу, на *сельский пролетариат* и *сельскую буржуазию*. У некоторых категорий крестьян этот процесс начался еще в крепостную эпоху, но определяющей тенденцией в социально-экономическом развитии деревни он стал лишь после падения крепостничества.

«*Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника (будь то помещик или крепостническое государство.— *Авт.*), *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала»[11].

Для правильного понимания этапов генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве и стадий расслоения крестьянства необходимо учитывать различия между простым товарным и мелкобуржуазным производством. В. И. Ленин глубоко и всесторонне раскрыл эти различия и показал условия превращения мелкотоварного хозяйства в мелкобуржуазное. «Условия, при которых мелкое самостоятельное хозяйство... становится буржуазным, известны: это, во-первых, господство товарного хозяйства, которое при изолированности производителей порождает среди них конкуренцию и, разоряя массу, обогащает немногих; это, во-вторых, превращение рабочей силы в товар и средств производства в капитал, т. е. освобождение производителя от средств производства и капиталистическая организация важнейших отраслей промышленности»[12]. Очевидно, что и превращение крестьянского хозяйства в самостоятельное и свободное, и господство товарного производства, и превращение рабочей силы в товар, и капиталистическая организация ведущих отраслей промышленности,— все эти явления утвердились в социально-экономическом строе России именно в *пореформенную эпоху*, приблизительно *на рубеже* 70—80-х годов XIX в., *когда окончательно сложились* капиталистический *способ производства* и соответствующая ему буржуазная социальная структура общества, то есть оформилась капиталистическая общественно-экономическая формация. В 60—70-е годы XIX в. интенсивно развернулся процесс превращения натурального крестьянского хозяйства в мелкотоварное, а мелкотоварное хозяйство стало перерастать в мелкобуржуазное и капиталистическое, но «мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился...»[13].

В последующий с начала 80-х годов XIX в. период господствующее место в экономике российской деревни занимали мелкобуржуазный и собственно капиталистический уклады. Ведущим не только в конце XIX в., но и в начале XX в. был мелкобуржуазный уклад. В 1908 г. в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин, обобщая результаты своих предшествующих исследований, писал: «Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелкобуржуазным». В. И. Ленин указывал, что взаимоотношения в среде крестьянства «показывают наглядно мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке»[14].

Сочетание в социально-экономическом строе российской деревни двух буржуазных укладов (мелкобуржуазного и собственно капиталистического) отражало наличие разных стадий, то есть высших и низших форм развития аграрного капитализма.

Показывая, что в процессе разложения крестьян, класса — сословия феодального общества, в деревне выделялись классы буржуазного общества, а именно сельский пролетариат, мелкая буржуазия и крестьяне-капиталисты, В. И. Ленин исследовал также признаки, отличавшие эти классы.

Основное сходство высших и низших форм капитализма в деревне, мелкобуржуазного и собственно капиталистического крестьянского хозяйства состояло в том, что развитие этих хозяйств подчинялось и регулировалось едиными объективными экономическими закономерностями. Оба типа хозяйства были товарными, поэтому для них «регулятором общественного производства является рынок»[15]. Поскольку развитие крестьянского хозяйства происходило в условиях капитализма, постольку рынок был не простым товарным, а капиталистическим рынком[16]. Если на простом товарном рынке «производители товаров как таковые противостояли друг другу», то на рынке капиталистическом «товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*»[17]. На простом товарном рынке цены определялись *стоимостями товаров*, то есть общественно-необходимыми затратами на их производство. На капиталистическом рынке основой ценообразования были *цены производства* товаров, которые равны «издержкам производства плюс средняя прибыль»[18]. Следовательно, на капиталистическом рынке товары *всех* их производителей «продаются по таким ценам, что продажа их доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство...»[19]. Иначе говоря, в условиях капитализма производственные ресурсы всех товаропроизводителей функционируют *как капитал*, как самовозрастающая стоимость. Именно поэтому «мелкий производитель сливается с буржуазией (то есть с собственно капиталистами.— *Авт.*) наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева...»[20].

Глубоко раскрыв то общее, что было характерно для высших и низших форм аграрного (да и не только аграрного) капитализма, В. И. Ленин также убедительно показал и то, что отличало эти формы. Главное среди различий состоит в том, что в условиях товарного производства крупные хозяйства имеют экономическое преимущество перед мелкими. «Самый закон о преимуществе крупных хозяев над мелкими есть закон только товарного производства и, следовательно, не может быть прилагаем к хозяйствам, не втянутым еще окончательно в товарное производство, не подчиненным рынку»[21]. Поэтому законом товарного производства является вытеснение крупными хозяйствами мелких.

Между мелкобуржуазным и крупным капиталистическим производством кроме экономических имелись также и существенные социально-политические различия. Крупное капиталистическое производство способствовало пробуждению сознания рабочих и сплачивало их, порождало класс, способный низвергнуть капитализм. Здесь рабочий не мог «не видеть уже, что гнетет его *капитал,* что вести борьбу приходится с *классом* буржуазии»[22]. Иным было положение в мелком производстве. «...Мелкий производитель, разобщенный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплуататору, не в состоянии понять классового характера той эксплуатации и того угнетения, от которых он страдает иногда не меньше пролетария, не в состоянии понять, что и государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством»[23]. Мелкая буржуазия не могла «без руководства со стороны пролетариата вести выдержанную классовую борьбу»[24].

Черты социально-экономической общности, сближавшие мелкую буржуазию и крупную буржуазию, противопоставляли всю буржуазию массе сельских пролетариев, существовавших главным образом за счет продажи своей рабочей силы. «Мелкий земледелец при капитализме становится — хочет ли он этого или нет, замечает ли он это или нет — товаропроизводителем. И в этом изменении вся суть дела. Одно это изменение, даже когда он еще не эксплуатирует наемных рабочих, все равно делает его антагонистом пролетариата, делает его мелким буржуа. Он продает свой продукт, пролетарий продает свою рабочую силу»[25]. Здесь В. И. Ленин выделяет четкую социальную грань, которая разделяет в условиях капитализма мелкого товаропроизводителя и наемного рабочего.

Учет стадий развития и высших и низших форм аграрного капитализма имеет принципиальное значение для правильного понимания характера и глубины разложения крестьянства и развития аграрного капитализма. В характеристике этих явлений в советской историографии до недавнего времени существовало два просчета. Одни историки все низшие формы аграрного капитализма характеризовали как некапиталистические. Это приводило к недооценке степени развития аграрного капитализма в России в конце XIX — начале XX в. Другие историки не видели существенных различий между низшими и высшими формами аграрного капитализма. Тем самым преувеличивалась глубина развития аграрного капитализма и искажалась подлинная социальная структура деревни.

Всесторонне показывая буржуазный характер внутреннего строя российской деревни в конце XIX — начале XX в., В. И. Ленин вместе с тем многократно подчеркивал, что земледельческий капитализм «не покрывает собой *всех* общественно-экономических отношений в деревне». «Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать... все еще могущественных остатков «стародворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом именно вследствие его неразвитости»[26]. Давление крепостнических пережитков даже в конце XIX в. было еще настолько сильным, что «в действительности, — указывал В. И. Ленин,— настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы»[27].

Крепостнические пережитки и главный из них, помещичье землевладение, тормозили процесс разложения крестьянства и развития капитализма в деревне.

При изучении внутреннего строя крестьянского хозяйства (да и всех других явлений аграрного развития) также принципиальное значение имеет ленинское требование о всестороннем, целостном, или, как говорят теперь, системном рассмотрении крестьянского хозяйства, учета всех условий и сфер его производственно-экономической деятельности.

Как указанные, так и многие другие более конкретные принципы и положения, разработанные В. И. Лениным, составляют теоретико-методологическую основу исследований советскими учеными аграрного строя и разложения крестьян в пореформенной России.

В. И. Ленин особо подчеркивал необходимость целостного подхода при изучении аграрных явлений, ибо именно здесь «требуется в первую голову и больше, чем где бы то ни было, изображение процесса *в целом,* учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата»[28].

Целостный анализ тех или иных явлений и процессов, основные принципы которого разработаны К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, только в современной науке, получив название системного подхода, превратился в один из общенаучных методов познания объективной действительности и все более широко распространяется в различных областях познания[29]. Именно на современном этапе развития историческая наука обрела методические и технические средства (методы количественного и многомерного анализа, кибернетика и электронно-вычислительные машины), позволяющие широко осуществлять комплексный, целостный анализ общественных процессов и явлений.

Суть системного подхода состоит применительно к общественным явлениям в следующем. Те или иные явления общественной

жизни, включающие определенные элементы, представляют собой разного рода общественные системы (экономические, социальные, политические и др.). Всякая система имеет свое строение и внутреннюю структуру, которые выражаются в составе входящих в систему элементов с присущими им чертами и свойствами и во взаимосвязи этих черт и свойств.

Носителями конкретных черт и свойств системы, находящими свое выражение в тех или иных признаках, являются составляющие ее элементы, а носителем структуры, выражающей качественное своеобразие системы, воплощенной в характере взаимосвязи признаков, можно считать систему в целом.

В объективной исторической действительности существует сложная иерархия взаимосвязанных общественных систем. В сущности, каждая конкретная система является подсистемой более крупной системы, а составные компоненты исходной системы могут выступать как подсистемы по отношению к ней.

Внутренняя природа системного подхода не просто допускает, но и требует применения количественных и машинных методов обработки и анализа конкретно-исторических данных. Целостный анализ какой-либо общественной системы, имеющий целью выявление той равнодействующей черт, свойств и сил, которая определяла характер и состояние структуры, будучи основанным на тех или иных измерениях, то есть количественных выражениях этих черт, свойств и сил, даст наиболее точные результаты. Обычно при изучении любых общественных систем, особенно характеризующих массовые явления и процессы, имеются не только возможности для измерения, но и уже определенные, зафиксированные в источниках в виде количественных показателей его результаты.

Практически все исследования массовых явлений и процессов, выполненные традиционными методами, в основном и базируются на анализе количественных данных. Поэтому, когда речь идет о системном подходе и количественных методах, то имеют в виду не просто использование количественных данных и их обработку, а применение таких методов количественного анализа, которые позволяют раскрыть внутреннюю суть структуры и выразить ее в совокупности количественных показателей. Короче говоря, задача состоит в том, чтобы выявить количественную меру качественных свойств системы, воплощенных в ее структуре. В полной мере этого можно добиться путем построения количественной модели изучаемой структуры. Именно поэтому целостный подход и структурный анализ тесно связаны с моделированием, наиболее мощным и эффективным методом количественного анализа.

Однако при всей эффективности структурный анализ, как и всякий другой метод исследования, нельзя считать универсальным, так как он не заменяет другие методы и может дать должный результат, то есть позволит углубить анализ изучаемых явлений и процессов, лишь при правильном применении.

Что касается структурного анализа как метода исследования, то здесь следует еще раз отметить необходимость сочетания традиционного и системного анализов. Один из парадоксов системного подхода состоит в том, что, хотя сущность любой целостности не простая сумма свойств ее составных частей и не выводится из этих свойств, для познания сущности необходимо знание о составных компонентах целого и, наоборот, для познания составных частей целого необходимо знание о целом [30]. Указанный парадокс неразрешим теоретически, а практически его разрешение выражается в бесконечности процессов познания. Углубленные знания о компонентах целого позволяют подняться на новую ступень при изучении сущности целого. Продвижение в познании целого создает основу для углубления анализа его компонентов и т. д. Такова диалектика процесса научного познания.

Конкретно-научная эффективность системного подхода и структурного анализа определяется прежде всего сущностью той общей теории и методологии научного познания, на которые они опираются. От того, насколько теория познания дает возможность всесторонне и глубоко подойти к объяснению основной сути, закономерностей и особенностей функционирования объекта познания, а методология допускает разносторонность путей, принципов и методов его изучения, и зависит успех применения конкретных методов исследования. Поэтому только марксизм с его материалистической теорией и диалектическим методом, с его широким и неограничиваемым подходом как к объекту, так и к методам исторического познания обеспечивает успешное и эффективное применение системного подхода, структурного анализа и моделирования внутреннего строя различных общественных систем, в том числе и социально-экономического строя крестьянского хозяйства.

Как хорошо известно, математическое моделирование определенных явлений и процессов общественной жизни имеет давнюю традицию. Его широкое применение в наши дни связано с распространением системного подхода, а также с успехами в развитии прикладной математики и вычислительной техники.

Любая научная модель представляет абстрагированное выражение основной сущности исследуемых явлений и процессов объективного мира. Модель выступает, таким образом, в качестве приближенного аналога этих явлений и процессов. Научное моделирование состоит из двух этапов — *существенно-содержательного* анализа и *формально-количественной* оценки явления — и включает, следовательно, построения сначала качественной, а затем количественной модели.

Сущностно-содержательная модель создается в результате теоретического анализа конкретно-научных представлений об объекте моделирования и в обобщенном виде характеризует основные черты, закономерности и особенности функционирования исследуемых явлений и процессов. Она служит необходимой основой для построения формально-количественной модели и содержательной интерпретации новой информации, полученной в результате количественного моделирования. Этим обусловлена определяющая роль качественной стороны в процессе моделирования.

Понятно, что научная объективность и эффективность качественной модели всецело зависят от характера той теории и методологии научного знания, на которых она основана. Поэтому именно анализ с позиций марксистской теории позволил определить сущностно-содержательные модели многих существенных проявлений общественного развития. К таким моделям относятся, например, определения основных черт и признаков общественно-экономических формаций, способов общественного производства, классов, революционных ситуаций. Эти и подобные сущностно-содержательные модели обрели статус научных теорий, подтвержденных ходом исторического развития, и служат советским ученым основой для построения формально-количественных моделей общественных явлений и процессов.

Суть формально-количественного моделирования состоит в том, чтобы найти количественные характеристики; выраженные через арсенал математических средств, они раскрывают основную суть исследуемых явлений и процессов.

Построение *формально-количественной* модели связано с решением двух задач. Первая задача состоит в том, чтобы получить репрезентативные (в количественном и качественном отношении), достоверные и точные количественные данные, характеризующие объект моделирования. Здесь необходимо определить конкретные показатели, которые раскрывают существенные стороны внутренней и внешней структуры объекта, закономерности его функционирования и развития. Главным на этом этапе становятся проблемы измерения и, в частности, выбор единиц измерения.

Вторая задача заключается в выборе математических средств (функций, систем уравнений, методов анализа взаимосвязей и др.), которые будут адекватно воспроизводить суть исследуемых явлений и процессов, в проверке этой адекватности и соответствующей обработке исходных данных.

Построенная математическая модель должна отражать суть исследуемых явлений и процессов и нести новую, не зафиксированную в исходных данных информацию о них. Содержательный анализ дополнительной информации, основанный на качественной модели, даст в таком случае новые знания об этих явлениях и процессах. С познавательной стороны построение количественной модели оправдано лишь в том случае, если она дает новую информацию об объектах моделирования, а не просто в иной форме выражает уже известное.

Поскольку закон единства количества и качества является всеобщим, постольку любые явления объективного мира (в том числе и общественные) могут быть измерены, а следовательно, и выражены в виде математических моделей. Поэтому К. Маркс, как пишет П. Лафарг, и указывал, «что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» [31], то есть когда оказывается возможным выразить количественную меру определенного качества. Ограничены практические возможности измерения, но они преодолеваются по мере развития науки.

В исследовательской практике обществоведов математические модели можно использовать для раскрытия тех сторон, закономерностей и особенностей общественного развития, которые не удается выяснить более простыми методами. В этом случае модель отражает реальные, фактически происходившие в действительности явления и процессы, и выступает как измеритель, то есть как показатель количественной меры, тех или иных качеств объектов моделирования. Такие модели можно назвать *отражательно-измерительными.*

Математические модели можно использовать и для прогнозирования дальнейшего хода развития или оптимального в тех или иных отношениях функционирования определенных систем. Для этого модель должна не только давать новую информацию, но и позволять имитировать функционирование объекта познания, то есть воспроизводить данные о его последующем развитии или возможных, или допустимых его состояниях. В этом плане моделирование становится мощным средством социального прогнозирования, планирования, оптимизации функционирования различных производственных, социальных, управленческих и других систем.

В отличие от отражательно-измерительных моделей рассматриваемые модели можно назвать *имитационно-прогностическими.* Для решения прогностических задач могут быть использованы и многие отражательно-измерительные модели. Однако в целом это совсем разные типы моделирования. Различие между ними состоит в принципах построения. Основное требование к измерительным моделям заключается в том, чтобы они адекватно отражали то или иное из реально бывших или имеющихся состояний объекта моделирования. Имитационные модели, кроме того, должны учитывать характер возможных изменений и правильно их воспроизводить. Такое условие значительно усложняет построение моделей, предполагает повышение их «чувствительности» к возможным тенденциям в развитии и функционировании объектов моделирования, предъявляет особые требования к составу и надежности данных о сущности и тенденциях развития анализируемых явлений и процессов.

Так как функционирование и развитие общественных систем определяют множество факторов с изменяющейся интенсивностью действия и подвижным характером взаимосвязей, то добиться должной адаптации модели к возможным изменениям весьма сложно. Поэтому, несмотря на обилие привлекаемой информации, разнообразие математических средств, используемых для построения прогностических моделей, и широкие возможности для имитации, обеспечиваемые применением ЭВМ, далеко не всегда высказанные прогнозы оправдываются, особенно если они касаются сложных явлений и процессов общественного развития. Существующий в настоящее время уровень построения сложных прогностических моделей дает хорошие результаты лишь применительно к плавно протекающим процессам.

В историческом моделировании усилия историков-марксистов направлены на построение отражательно-измерительных моделей. Эти исследования обусловлены тем, что главной задачей, которую призвана решать историческая наука, является раскрытие сущности, внутренней обусловленности, движущих сил, закономерностей реального исторического развития. Значительные успехи в этом направлении, особенно в изучении социально-экономических отношений, достигнуты советскими историками [32].

§ 2. Математико-статистические методы анализа массовых данных

Очевидно, что полученная математическими методами новая информация должна характеризовать наиболее существенные черты и свойства исследуемых явлений, а также основные закономерности их функционирования и развития. Чтобы выбрать из разнообразного арсенала математических средств методы, наиболее подходящие для решения той или иной задачи, историк должен ясно сознавать логическую суть избранных методов. Соотнесение этой сути с логикой самих явлений — основной путь решения вопроса об адекватности, а следовательно, и эффективности применяемых математических средств. Понимание логической сути математических методов необходимо и для правильной содержательной интерпретации результатов математического моделирования. Мы даем краткую характеристику основных математических методов, использованных при изучении крестьянского хозяйства эпохи капитализма, а именно корреляционного, регрессионного и факторного анализов, обращая внимание прежде всего на раскрытие логической сути этих методов, а также основных условий их корректного применения в исторических исследованиях.

В области социально-экономических исследований существенное значение имеет анализ взаимосвязей, присущих изучаемым процессам и явлениям. В тех случаях, когда объект исследования, как, например, крестьянское хозяйство эпохи капитализма, обладает сложной структурой с многообразными связями составляющих ее элементов, такой анализ представляет сложную задачу. Прежде всего необходимо выяснить наличие взаимосвязей и их характер, а вслед за этим выявить тесноту взаимосвязей и силу (степень) воздействия различных факторов (причин) на интересующий исследователя результат. Весь комплекс таких задач можно решить с помощью различных методов измерения связей [33].

Все взаимосвязи в природе и обществе можно разделить по их характеру на две группы: функциональные и вероятностные. При первом виде зависимостей изменения фактора-причины на одну и ту же величину всегда ведет к строго определенному изменению результата. Степень воздействия одного фактора на другой при функциональных видах зависимостей можно точно определить для каждого конкретного случая и момента. Функциональная зависимость между признаками предполагает их изолированность, она

действует при прочих равных условиях. Однако в общественной жизни такие ситуации бывают крайне редко. Как правило, воздействие одной переменной (причины) на другую не изолировано от остальных факторов, а происходит таким образом, что на изучаемую связь прямо или косвенно влияют многие другие факторы. Здесь участвует вероятностная зависимость.

В отличие от функциональной зависимости, когда каждому значению одного признака всегда соответствует определенное значение другого, при вероятностной зависимости одному и тому же значению одного признака могут соответствовать различные значения другого признака. Такие различия определяются тем, что при второго вида зависимости связь устанавливается между признаками, которые изменяются не только под влиянием взаимодействия, но и вследствие множества неучтенных факторов. В результате множественного взаимодействия взаимно переплетающихся факторов связь между признаками существует и проявляется не в каждом отдельном случае, как при функциональной связи, а только в тенденции, «в среднем». Поэтому здесь установить наличие взаимосвязи и определить ее количественную меру можно не на основе единичных наблюдений, а лишь применительно к определенной совокупности объектов, то есть в среднем по отношению к тем или иным массовым объектам или явлениям.

Одним из методов количественной оценки тесноты взаимосвязей при вероятностной зависимости является корреляционный анализ [34]. Основной показатель этого анализа, коэффициент корреляции, может принимать значения от —1 до +1. Чем ближе значения коэффициента к единице (+ или —), тем теснее взаимосвязь между факторами. Если коэффициент равен единице, то между факторами существует функциональная зависимость. При равенстве его нулю между факторами нет линейной зависимости. При положительных коэффициентах между факторами имеется прямая, а при отрицательных коэффициентах есть обратная взаимосвязь. В первом случае рост одного признака сопровождается увеличением другого, а во втором случае росту одного признака соответствует сокращение другого признака. В тех случаях, когда исходя из сущности процесса между факторами может быть лишь прямая взаимосвязь, отрицательные коэффициенты корреляции свидетельствуют об отсутствии взаимосвязи между ними.

Коэффициент корреляции раскрывает тесноту взаимосвязи между факторами, однако не измеряет ее силы. Такую возможность дает коэффициент детерминации, который является квадратом коэффициента корреляции. Он отражает меру воздействия одного фактора на другой, а именно: определяет в процентах ту долю дисперсии, то есть рассеивания результата, которая вызвана вариацией (колебаниями) влияющего на него фактора. Например, при коэффициенте корреляции, равном 0,80, коэффициент детерминации будет равен 0,64, или 64%. Это значит, что рассеивание результативного признака на 64% зависит от колебаний факториального признака. При коэффициентах корреляции, больших 0,71,

коэффициент детерминации будет превышать 50%. Это значит, что при прочих равных условиях исследуемый фактор оказывает определяющее воздействие на результативный признак.

Применение корреляционного анализа при изучении исторических процессов требует соблюдения ряда непременных условий. Прежде всего коэффициенты корреляции следует вычислять с учетом того, какому виду функциональной зависимости в наибольшей мере отвечает взаимосвязь в изучаемом процессе. Многие виды стохастических связей в первую очередь в их исходных звеньях, приближаются к линейной зависимости. Кроме того, в тех случаях, когда изменения признаков резко колеблются, именно прямолинейная зависимость очень часто дает наилучшее и наиболее простое приближение стохастической связи к функциональной. Поэтому при изучении крестьянского хозяйства наиболее широко используется линейный коэффициент, который вычисляется по формуле

$$r = \frac{\sum_{i=1}^{n} [(x_i - \bar{x}_i)(y_i - \bar{y}_i)]}{\sqrt{\sum_{i=1}^{n} (x_i - \bar{x}_i)^2 \sum_{i=1}^{n} (y - \bar{y}_i)^2}},$$

где x_i и y_i $(i=1, 2, \ldots, n)$ — значения изучаемых признаков; $\sum_{i=1}^{n}$ — знак суммирования всех вариантов от 1 до n, $\bar{x}_i$ и $\bar{y}_i$ — средние арифметические значения рядов. В тех случаях, когда фактические данные лучше приближаются не к прямолинейной, а к криволинейным функциям, теснота взаимосвязи будет более точно выражаться корреляционным отношением.

Другим условием применения корреляционного анализа является нормальность распределения показателей в изучаемых совокупностях. Нормальность распределения — наиболее широко встречающийся вид распределения различных количественных показателей, графически имеет вид симметричной кривой. Существуют различные способы проверки нормальности распределения признаков, например показатели асимметрии и эксцесса [35].

Существенными условиями корректного применения корреляционного анализа являются также однородность исходных данных и независимость отдельных значений признаков друг от друга.

Выполнение таких условий необходимо прежде всего при работе с выборочным коэффициентом корреляции. Он служит оценкой истинного коэффициента и обладает его свойствами, если достигает соответствующего уровня, который зависит от числа наблюдений, то есть от числа вариантов в изучаемых рядах показателей, и от вероятности, которая признается достаточной для решения данной задачи. Тот уровень, с которого выборочный коэффициент корреляции является значимым, то есть дает основания для суждения о тесноте связи, можно определить по соответствующей формуле или по специальным таблицам [36].

Выборочный коэффициент корреляции позволяет выявить тесноту взаимосвязи признаков во всей изучаемой совокупности не только с определенной вероятностью, но и с приблизительной точностью, которая также зависит прежде всего от числа наблюдений. Мерой точности является стандартная ошибка выборочного коэффициента корреляции, которая равна:

$$S_r = \frac{1 - r^2}{\sqrt{n-1}},$$

а значения коэффициента будут равны $r = \pm S_r$. Стандартная ошибка выборочного коэффициента корреляции определяет тот интервал, в пределах которого и будет находиться значение истинного коэффициента корреляции.

Корреляционный анализ стали использовать для изучения различных явлений и процессов в области аграрных отношений, прежде всего урожайности и динамики хлебных цен, начиная с конца XIX в. и особенно в 20-е годы XX в. [37]. Тогда же были предприняты первые попытки обнаружить и выразить в количественных показателях тесноту взаимосвязей между различными элементами крестьянского хозяйства [38]. Но, пожалуй, лишь с появлением современной электронно-вычислительной техники корреляционный анализ завоевал истинную популярность среди историков-аграрников при изучении крестьянского хозяйства пореформенной России [39]. Этот сравнительно простой и достаточно эффективный метод исследования применяют в первую очередь при анализе многообразных взаимосвязей различных компонентов крестьянского хозяйства, то есть при изучении его внутренней структуры.

Наряду с корреляционным анализом социально-экономической структуры крестьянского хозяйства в исторических исследованиях используют и другие математические методы. Так, например, с целью оценить степень воздействия различных факторов на ту или иную сторону крестьянского хозяйства (результативный признак) и определить сравнительный вес этих факторов можно применить регрессионный анализ. Регрессионный анализ позволяет приближенно представить форму связи между результативными и факторными признаками, а также решить, значима ли такая связь. Суть регрессионного анализа сводится к описанию статистической связи с помощью подходящей функциональной зависимости [40]. Вид функции, с помощью которой приближенно выражается форма связи, выбирают заранее, исходя из содержательных соображений или визуального анализа данных. Математическое решение этой задачи основано на методе наименьших квадратов, суть которого заключается в минимизации суммы квадратов отклонений реальных значений признаков от теоретической линии регрессии.

В общем виде уравнение регрессии имеет вид

$$y = a + bx,$$

где y — результативный признак (или зависимая переменная), x —

факторный признак (или независимая переменная), a — свободный член, b — коэффициент регрессии. В отличие от коэффициента корреляции коэффициент регрессии всегда величина размерная, которая показывает, как в среднем меняется зависимый результативный признак (y) при изменении независимого факторного признака (x) на единицу. Когда коэффициент регрессии положительный, между зависимой и независимой переменными существует прямая связь, а когда коэффициент регрессии отрицательный, между переменными наблюдается обратная связь.

Параметр a (свободный член уравнения) не имеет смыслового значения сам по себе; он представляет лишь положение начальной точки линии регрессии в системе координат или точку, в которой линия регрессии пересекается с осью y.

Уравнения регрессии имеют большое значение в исторических исследованиях. Раскрывая характер количественных отношений между зависимыми и независимыми переменными, они дают возможность определять значение одного показателя в зависимости от другого, что позволяет также определять отсутствующие данные.

Однако уравнение регрессии предсказывает значения зависимой переменной с определенной погрешностью, поскольку историки не в состоянии учесть и включить в уравнение регрессии все факторы, влияющие на социально-экономические явления и процессы. Поэтому при сравнении предсказываемых уравнением регрессии значений зависимой переменной с действительными ее значениями между ними всегда обнаруживаются расхождения (их именуют остаточными величинами). Средняя квадратическая ошибка регрессионного уравнения служит мерой рассеяния фактических значений признаков относительно теоретических, то есть вычисленных с помощью уравнения регрессии, и позволяет оценить, насколько точно уравнение регрессии описывает реальные соотношения между переменными.

Кроме простых (парных) зависимостей между переменными историку часто приходится исследовать сложные зависимости, так как в большинстве случаев изменения зависимой переменной определяются изменениями нескольких факторов, каждый из которых не имеет решающего значения. В этом случае регрессионный анализ становится многомерным. Стратегия такого анализа состоит в том, чтобы определить и количественно оценить отношение между зависимой переменной и каждым фактором в отдельности, а затем отношение между зависимой переменной и всеми факторами вместе. В результате многомерного регрессионного анализа исследователь получает полные коэффициенты регрессии, чистые (или частные) коэффициенты регрессии и уравнение множественной регрессии.

Полный коэффициент регрессии показывает отношение зависимости между результирующей переменной и каждым фактором в отдельности при устранении прямых отношений между зависимой переменной и другими, кроме одного, факторами. Однако полный коэффициент регрессии не учитывает того, что каждый фактор может вступать в отношения с зависимой переменной не только сам по себе, прямо, но и косвенно, через другие факторы, и вследствие того может косвенно воздействовать на результативный признак. Таким образом, каждый полный коэффициент регрессии отражает не только прямую связь фактора с зависимой переменной, но и косвенные, сопутствующие связи и отношения зависимой переменной с теми факторами, чьи прямые контакты с этой переменной устранены.

В отличие от полного коэффициента регрессии чистый коэффициент регрессии показывает отношение между результирующей переменной и каждым фактором в отдельности при «очищении» этого отношения не только от прямых, но и косвенных, сопутствующих связей с другими факторами. Поэтому коэффициент называется чистым. Причем по желанию исследователь может «освобождаться» от косвенных связей с одним, двумя и, наконец, со всеми участвующими в регрессионном анализе факторами, получая чистые коэффициенты регрессии первого порядка, второго порядка и т. д.

Непременной составной частью многих исторических исследований является анализ структуры взаимосвязей показателей, выбранных для описания того или иного явления и процесса. Корреляционный анализ позволяет выделить группы взаимосвязанных характеристик, подсчитать среднюю тесноту взаимосвязи в каждой группе и т. д., то есть он дает самое общее представление о структуре связей. Естественно, перед исследователем встает вопрос: каковы причины, обусловившие именно такую структуру взаимосвязей показателей в данном явлении? Коэффициенты корреляции, которые фиксируют лишь наличие связи определенной величины, не дают никакой информации на этом этапе исследования.

В решении поставленного вопроса существенную помощь может оказать метод многомерного статистического анализа — факторный анализ[41]. Он позволяет как бы «сжать» первоначальную информацию. Известно, что взаимосвязь нескольких показателей объясняется или тем, что они взаимно обусловливают друг друга, или тем, что на каждый из них воздействует некий скрытый, не входящий в данную группу признак. В факторном анализе исходят из второй ситуации. Основное предположение факторного анализа заключается в том, что любое явление или процесс могут быть описаны небольшим числом скрытых, обобщенных характеристик. Они не поддаются непосредственному наблюдению, но воздействуют на «внешние», наблюдаемые показатели и определяют их изменения, обусловливая тем самым взаимосвязи между ними. К примеру, такой обобщенный показатель, как уровень развития капитализма, характеризует реально существующие явления и процессы, но вследствие многосторонности своего проявления не может быть измерен непосредственно. С другой стороны, исследователи, изучающие историю крестьянства России в конце XIX—

начале XX в., как правило, анализируют количественные показатели, в определенной мере отражающие уровень развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве — число наемных рабочих, размер аренды и др. Если большинству дворов изучаемой совокупности были в той или иной мере присущи элементы ведения хозяйства на капиталистический лад, то перечисленные показатели окажутся тесно взаимосвязанными с некоторыми другими социально-экономическими характеристиками. В этом случае можно сказать, что для данной группы дворов структура взаимосвязей исходных показателей объясняется, в частности, такой обобщенной характеристикой, как капиталистический способ ведения хозяйства. Если же исследователь изучает крестьянство тех районов или в те периоды времени, где и когда развитие капитализма еще только начиналось, он не обнаружит указанные выше взаимосвязи. Верно и обратное: наличие взаимосвязей между показателями развития капитализма и другими социально-экономическими параметрами позволяет характеризовать данную группу крестьян, их хозяйства, которые в основном велись на капиталистической основе. Таким образом, сложную структуру взаимосвязей показателей в каком-либо явлении факторный анализ объясняет наличием у того явления небольшого числа скрытых, обобщенных характеристик — общих факторов.

Основные результаты факторного анализа выражаются в наборах факторных нагрузок и факторных весов.

Факторные нагрузки — это значения коэффициентов корреляции каждого из исходных признаков с каждым выявленным фактором. Чем теснее связь данного признака с рассматриваемым фактором, тем выше значения соответствующих факторных нагрузок. Положительный знак факторной нагрузки указывает на прямую (а отрицательный знак — на обратную) связь данного признака с фактором. Данные о факторных нагрузках позволяют сформулировать выводы о выборе исходных признаков, отражающих тот или иной фактор, и об относительной доле отдельных признаков в структуре каждого фактора.

Таблица факторных нагрузок содержит m строк (по числу признаков) и k столбцов (по числу факторов).

Факторными весами называют количественные значения выделенных факторов для каждого из n имеющихся объектов. Объектам с большими значениями факторных весов свойственна большая степень проявления свойств, присущих данному фактору, то есть большая степень их развития в соответствующем фактору аспекте. В большинстве методов факторного анализа (например, центроидный, метод главных компонент, метод экстремальной группировки параметров и другие, которые отличаются методикой и техникой вычисления основных показателей) факторы определяются как стандартизованные показатели с нулевым средним значением и единичной дисперсией. Поэтому положительные факторные веса соответствуют тем объектам, которые характеризуются степенью проявления свойств больше средней, а отрицательные факторные веса соответствуют тем объектам, в которых степень проявления свойств меньше средней. Таблица факторных весов содержит n строк (по числу объектов) и k столбцов (по числу факторов). Данные о факторных весах определяют ранжировку объектов по каждому фактору. Значения факторных весов можно рассматривать как значения индекса, характеризующего уровень развития объектов в рассматриваемом аспекте.

Кроме того, факторные веса сами могут быть основой для классификации исследуемых объектов. Такой подход к созданию многомерной типологии крестьянских хозяйств оказывается особенно эффективным в тех случаях, когда имеется большое число признаков, характеризующих совокупность исследуемых объектов, а их содержательный отбор представляет затруднения. К примеру, земские подворные переписи и бюджетные обследования содержат несколько десятков, порой и сотен различных характеристик крестьянского хозяйства. Выбрать среди них наиболее информативные критерии для дифференциации крестьянских хозяйств далеко не просто. К тому же группировка крестьянских дворов по одному, даже весьма существенному показателю, будет несколько однобокой. В такой ситуации целесообразнее начать со «сжатия» информации, чтобы классификацию проводить по любому из выделенных факторов или по всей совокупности. Во всех таких случаях классификация будет многомерной, так как даже при группировке по одному фактору учитываются, как правило, несколько показателей.

Примером исследования подобного типа может служить работа К. Б. Литвака [42]. С целью получить модели хозяйства зажиточного, среднего и беднейшего крестьянства он проводил группировку общин Симбирской губернии, используя метод экстремальной группировки параметров. 34 исходных показателя подворных переписей он объединил в один фактор, по которому каждая из 290 общин имела свой факторный вес. На этой основе методами автоматической классификации вся совокупность объектов была разбита на три группы. По мнению К. Б. Литвака, такая методика значительно эффективнее традиционных методов группировки крестьянских дворов, поскольку в данном случае отпадает проблема выбора критериев группировки, нет необходимости в обосновании интервалов между выделяемыми группами, упрощается аргументация при оценке принадлежности того или иного объекта к тому или иному социально-экономическому типу, а сами группы селений более однородные.

Факторный анализ позволяет выявить общие факторы, дает ключ к их содержательному толкованию, оценивает их воздействие на отдельные показатели и на все изучаемое явление в целом, количественно выражает значения общих факторов для каждого конкретного объекта. Факторный анализ дает возможность решать комплекс задач, возникающих при изучении массовых явлений и процессов. В последние годы факторный анализ находит все более широкое применение при изучении крестьянского хозяйст-

ва эпохи капитализма[43] и используется в основном для решения нескольких типов задач. Во-первых, исследователи выделяют наиболее обобщенные характеристики (факторы), определяющие закономерности функционирования и развития крестьянского хозяйства. Их содержательная интерпретация на основе анализа факторных нагрузок подтверждает исходные теоретические модели крестьянского хозяйства, призванные объяснить взаимосвязи основных элементов его социально-экономической структуры, а в отдельных случаях приводит к новым гипотезам о причинах этих взаимосвязей.

Во-вторых, складывается круг задач, связанных с применением обобщенных показателей (например, уровень развития капитализма, производственный потенциал крестьянского хозяйства и др.). Для косвенной оценки тех показателей, которые вследствие многосторонности своего проявления не поддаются непосредственному измерению, можно использовать факторный анализ. Так, например, факторный анализ аграрного развития губерний Европейской России, проведенный И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородкиным, позволил исследователям не только охарактеризовать основные компоненты аграрной структуры и определить их сравнительные доли, но и получить обобщенные характеристики общего уровня аграрного развития отдельных районов и губерний[44].

Таким образом, во всех типах задач применение факторного анализа обеспечивает «сжатие» информации. Этот метод позволяет описывать набор исходных показателей меньшим числом независимых характеристик — общих факторов, каждый из которых представляет более емкую характеристику объекта, концентрирующую в себе информацию, содержащуюся в группе коррелированных признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 135.
[2] Там же. С. 227.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 218.
[4] Там же. С. 187.
[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 363.
[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 490.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 344.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 121.
[9] Там же. С. 87.
[10] Там же.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.
[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 450—451.
[13] Там же. С. 413.
[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 118.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 66.
[16] О формировании в России капиталистического аграрного рынка см.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в.: (Опыт количественного анализа). М., 1974. С. 7—11.
[17] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 213, 192.
[18] Там же. С. 172.

[19] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 191.
[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 402.
[21] Там же. С. 451.
[22] Там же. С. 310.
[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 266.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 55.
[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 220.
[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 490—491.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 179.
[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 195—196.
[29] Проблемам системного подхода посвящена большая отечественная и зарубежная литература. См.: Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. № 6; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. М., 1972; они же. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Маракарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974 и др.
[30] См.: Садовский В. Н. Указ. соч. Гл. IV.
[31] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 66.
[32] Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977; Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985 и др.
[33] См.: Бородкин Ф. М. Статистическая оценка связей экономических показателей. М., 1968; Трофимов В. П. Измерение взаимосвязей социально-экономических явлений. М., 1975; Елисеева И. И. Статистические методы измерения связей. Л., 1982 и др.
[34] Сущность корреляционного анализа излагается во всех работах по математической статистике, а его всесторонняя характеристика дана в специальных исследованиях. См.: Чупров А. А. Основные проблемы теории корреляции. М., 1960; Езекиэл М., Фокс К. Методы анализа корреляций и регрессий. М., 1966/Пер. с англ.; Применение методов корреляции в экономических исследованиях. М., 1969; Сиськов В. И. Корреляционный анализ в экономических исследованиях. М., 1975 и др.
[35] Более подробно о критериях нормальности распределения и наличии линейной связи между признаками см.: Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6 и 9.
[36] См., напр.: Янко Я. Математико-статистические таблицы / Пер. с чеш. М., 1961. Табл. 14.
[37] См.: Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития // Бюллетень ЦСУ. 1921. № 50; Семенов М. Н. К вопросу о закономерностях колебания урожаев // Вестник статистики. 1922. Кн. IX; Обухов М. В. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. Ч. 1; Череванин Н. Эволюция русского земледелия по данным об урожаях // Вестник статистики. 1920. № 8—12 и др.
[38] См.: Хрящева А. И. Опыт исследования взаимоотношения элементов крестьянского хозяйства // Материалы для оценки земель Тульской губернии. Т. I. Вып. II. Новосильский уезд. Тула, 1914; Прокопович С. Н. Об основании выбора признаков для построения комбинационных таблиц // Труды комиссии по вопросам земской статистики. 20—23 февраля 1914 г. М., 1916.
[39] См.: Обожда В. А. К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в. // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Ковальченко И. Д., Разумов Л. В. Источники о хозяйстве и положении крестьян // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма...; Моисеенко Т. Л. Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XIX в. // История СССР. 1979. № 4; Лит-

вак К. Б. Опыт количественного анализа пообщинных сводок земских подворных переписей начала XX в. // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; Рафи-Заде И. Р. Опыт количественного анализа интенсивности и социальных последствий эксплуатации государственных крестьян Азербайджана в конце XIX в. Там же и др.

[40] См.: Дрейпер Н., Смит Г. Прикладной регрессионный анализ / Пер. с англ. М., 1973 и др.

[41] См.: Лоули Д., Максвелл А. Факторный анализ как статистический метод / Пер. с англ. М., 1967; Харман Г. Современный факторный анализ / Пер. с англ. М., 1972; Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М., 1976 и др.

[42] См.: Литвак К. Б. Указ. соч. С. 79.

[43] См.: Обожда В. А., Пушков В. П. Опыт применения факторного анализа в историческом исследовании // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981; Промахина И. М., Пушков В. П. Опыт применения факторного анализа для классификации и изучения внутреннего строя крестьянских хозяйств: (По материалам крестьянских бюджетов Екатеринославской губернии за 1923/24 хозяйственный год) // Применение количественных методов в исследованиях по аграрной истории СССР. М., 1984; Литвак К. Б. О пределах информативности пообщинных сводок земских переписей при изучении типов крестьянских хозяйств // Математические методы и ЭВМ. М., 1985 и др.

[44] См.: Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Структура и уровень развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков: (Опыт многомерного анализа) // История СССР. 1981. № 1.

Часть вторая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Во второй части работы имеется в виду рассмотреть возможности анализа социально-экономического строя крестьянского хозяйства на основе математико-статистической обработки различных статистических источников. Как было показано в предыдущем разделе, подавляющая часть имеющихся данных о крестьянском хозяйстве сохранилась в виде разных (общинных, волостных, уездных и губернских) сводок, которые не выделяют различных в социально-экономическом отношении слоев крестьянства, что позволило бы анализировать внутренний строй хозяйства этих слоев и выявлять различия, имевшиеся в нем. Подобное сравнение возможно лишь на основе ограниченного объема данных.

В этой связи необходимо исследовать, в какой мере сводные данные о крестьянском хозяйстве могут служить основой для выявления его социально-экономического строя и раскрытия степени развития в нем буржуазных отношений, поскольку степень подчиненности различных в хозяйственном отношении слоев крестьянства товарно-капиталистическим закономерностям была неодинаковой.

Эта задача решается в главе 3 на основе анализа социально-экономического строя крестьянского хозяйства по первичным (материалы бюджетных обследований) и сводным данным (поуездные сведения земско-статистических описаний), дающим возможность выделять различные по хозяйственной состоятельности группы крестьянских хозяйств. Сопоставление внутреннего строя хозяйства различных групп с его общим строем, выявленным на основе данных обо всех группах, позволяет установить правомерность использования агрегированных (сводных и усредненных) сведений для изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства и решить вопрос о том, внутренним строем хозяйства каких слоев крестьянства определялся его общий строй.

Решение указанной задачи имеет принципиальное конкретно-методологическое значение при изучении социально-экономического строя крестьянского хозяйства эпохи капитализма. Проведение такого анализа требует применения совокупности различных методов, начиная с простейших статистических и кончая сложными методами многомерного математического анализа.

В 4-й и 5-й главах раскрываются возможности и методы изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства по сводным земско-статистическим описаниям крестьянского хозяйства и данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Глава 3
МЕТОДЫ АНАЛИЗА ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ ХОЗЯЙСТВА РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП КРЕСТЬЯН

В углублении анализа социально-экономического строя, раскрытии его товарно-капиталистического характера и общего уровня развития различных типов (групп) крестьянских хозяйств независимо от того, какими методами выделены эти группы, можно идти различными путями. Один из них состоит в непосредственном показе того, насколько ресурсы крестьянского хозяйства (материальные и денежные) функционируют как капитал, то есть в какой мере производственный процесс в хозяйстве подчинен товарно-капиталистическим закономерностям. Другой путь раскрытия такой подчиненности — это анализ производственно-экономической структуры хозяйства различных групп крестьян, то есть характера и тесноты корреляционной взаимосвязи его основных признаков. Наконец, ведущие факторы, определявшие состояние тех или иных сторон крестьянского хозяйства, а также общий уровень его развития, могут быть выявлены методами многомерного (регрессионного и факторного) анализа.

§ 1. Анализ социально-экономического строя хозяйства различных групп крестьян по первичным (подворным) данным

К. Маркс подчеркивал, что различие в ценообразовании на простом товарном рынке и рынке капиталистическом имеет кардинальное значение. «Продаются ли товары по их стоимости ... или же они продаются по таким ценам, что продажа их доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство, — это вещи prima facie (прежде всего) совершенно различные»[1]. Различие состоит в том, что, поскольку «товары являются продуктом капитала, спрос и предложение предполагают капиталистический процесс производства, а следовательно, совершенно иное сплетение отношений, чем простая купля и продажа товаров»[2].

Одним из конкретных показателей глубины связи товаропроизводителей с рынком и подчиненности их хозяйства господствовавшим на нем закономерностям, а следовательно, и показателем степени втянутости этих хозяйств в товарно-капиталистические отношения, является возможность получения одинаковой прибыли на равные затраты производственного капитала.

Поэтому конкретно задача состоит в том, чтобы выявить, в какой мере производственные затраты различных по хозяйственной состоятельности групп крестьян, во-первых, соответствовали общественно необходимым затратам, а во-вторых, приносили им одинаковые доходы на равные расходы.

К сожалению, лишь бюджетные обследования крестьянских хозяйств содержат конкретные данные, позволяющие проделать указанный анализ.

Бюджетные обследования крестьянского хозяйства России эпохи капитализма являются, как хорошо известно, одной из разновидностей земских выборочных подворных переписей; их проводили по развернутым программам, включавшим и сведения о доходах и расходах крестьян[3].

Общий объем бюджетных обследований невелик. За весь период капитализма они охватили около 12 тыс. крестьянских хозяйств различных районов Европейской России. Хотя бюджетные обследования включают всего несколько сот хозяйств на целую губернию и поэтому не могут быть представительными для выявления соотношения различных типов крестьянских хозяйств, но выделить типы и всесторонне раскрыть то общее и особенное, что им было присуще, бюджеты вполне позволяют. Более того, в этом отношении бюджеты — особо ценный источник, ибо они содержат такой обширный круг сведений о крестьянском хозяйстве и положении крестьян, с которыми не могут сравниться данные других источников. Содержание бюджетных обследований позволяет углубить и конкретизировать анализ производственно-экономического и социально-экономического развития деревни, основанный на данных сплошных подворных переписей крестьянского хозяйства. Эффективность такого анализа была показана В. И. Лениным во второй главе «Развития капитализма в России», где В. И. Ленин анализирует бюджеты воронежских крестьян, относящиеся к 80-м годам XIX в. Обращались к бюджетам и советские историки при изучении крестьянского хозяйства эпохи капитализма[4]. Однако специального анализа производственно-экономического строя крестьянского хозяйства в указанном аспекте по данным бюджетов еще не проводилось.

В настоящей главе анализируются данные бюджетных обследований, характеризующих крестьянское хозяйство среднечерноземной полосы (по Воронежской и Пензенской губерниям). Этот регион отличался, во-первых, тем, что здесь основным занятием подавляющей части крестьян было сельское хозяйство, а, во-вторых, развитие аграрного капитализма как в целом, так и в крестьянском хозяйстве в особенности было замедленным по сравнению с другими регионами страны. Такие особенности губерний среднечерноземной полосы позволяют выявить степень подчиненности хозяйства различных групп крестьян законом товарно-капиталистического производства на его низшем уровне, что поможет составить представление об общем уровне обуржуазивания крестьянского хозяйства Европейской России.

●

Начнем анализ производственно-экономического строя крестьянского хозяйства с бюджетных данных по Пензенской губернии. Бюджетное обследование крестьян Пензенской губернии, проведенное в 1913 г., является уникальным среди бюджетных обследований[5]. Это единственное обследование, в котором учтены и оценены в денежном выражении затраты крестьянского труда в соб-

ственном хозяйстве и количество труда, отчужденного на сторону, то есть затраченного при работе по найму, и количество наемного труда, использованного в собственном хозяйстве. Такие сведения дают возможность группировать крестьянские хозяйства на основе учета соотношения затрат своего труда в своем хозяйстве и купли-продажи рабочей силы, то есть на основе прямых данных о социальной природе этих хозяйств. Исходя из этого были выделены 4 группы крестьянских хозяйств.

К первой группе, охватившей 89 дворов, были отнесены хозяйства, в которых продажа рабочей силы на стороне превышала затраты своего труда в своем хозяйстве. Это — пролетарии с наделом.

Вторую группу составили дворы (их 92), в которых своей рабочей силы было занято в хозяйстве больше чем нанято, но нигде продажа рабочей силы не превышала затрат собственного труда в своем хозяйстве.

В третью группу (49 дворов) включены хозяйства, в которых либо вообще не было ни продажи, ни найма рабочей силы, либо продажа рабочей силы составляла очень небольшую долю к затратам собственного труда в своем хозяйстве.

В четвертую группу (31 двор) вошли хозяйства, где больше применяли наемную рабочую силу, чем продавали свою.

Принятые критерии выделения групп, разумеется, относительны, но они позволяют выявить группы, существенно различные по соотношению в них собственного труда, купли и продажи рабочей силы. Количественное соотношение групп, которые могут быть иными при других критериях группировки, в данном случае не имеют принципиального значения.

У 1-й группы (сельские пролетарии с наделом и мелким собственным хозяйством) основные затраты своего труда (76,6%) были обращены на работу по найму.

В 4-й группе применение наемного труда составляло почти половину к затратам собственного труда в своем хозяйстве (таблица 1).

И хотя в целом хозяйства 4-й группы еще не были капиталистическими в собственном смысле, они принадлежали мелким сельским аграриям, из которых вырастали собственно капиталисты.

2-я группа имела в социальном плане ясно выраженную тенденцию эволюции в направлении пролетарской (1-й) группы. Во 2-й группе более 1/4 собственных затрат труда было обращено на работу по найму. В 3-й, самой «крестьянской» группе ни продажа, ни купля рабочей силы не имели сколько-нибудь существенного значения (таблица 2).

Социальные различия между типами хозяйств вполне определенно сопряжены с их размерами (см. таблицу 2).

По численности населения и особенно количеству работников различия между первыми тремя группами были несущественными. Количество мужчин и всех работников в группе наиболее со-

стоятельных дворов было несколько меньше. Все другие указанные характеристики крестьянского хозяйства нарастают от 1-й к 4-й группе. В целом зажиточные хозяйства имели примерно вдвое

Таблица 1

Соотношение собственного и наемного труда в крестьянских хозяйствах Пензенской губернии

Номер показателя	Показатели	Группы хозяйств				Всего
		1-я	2-я	3-я	4-я	
1	Дворы	89	92	49	31	261
2	Всего затрат собственного труда (на двор)	224,7	178,5	174,5	142,1	189,2
	В том числе, %:					
3	В собственном хозяйстве	25,4	73,3	97,7	94,4	60,0
4	Продано на стороне	74,6	26,7	2,3	5,6	40,0
5	Наемного труда, % к собственному труду в хозяйстве	14,9	3,2	1,0	44,6	10,4

Таблица 2

Размеры хозяйства различных групп крестьянства Пензенской губернии

Номер показателя	Показатели (на двор)	Группы хозяйств				Всего
		1-я	2-я	3-я	4-я	
1	Душ обоего пола	7,02	7,47	6,90	6,84	7,13
2	Работников в переводе на мужчин	2,88	2,79	2,78	2,49	2,78
3	Всего землепользования (дес.)	6,76	9,99	12,20	13,60	7,66
4	Площадь посевов (дес.)	4,25	6,00	7,23	8,90	5,98
5	Стоимость сельскохозяйственного и общего инвентаря (руб.)	46,1	62,9	62,8	92,4	60,6
6	Стоимость сельскохозяйственных и общих построек (руб.)	81,3	107,6	115,0	155,9	105,7
7	Стоимость всего скота и птицы (руб.)	152,7	217,7	231,0	286,8	206,2
8	Стоимость всего потребительского имущества (руб.)	197,0	207,2	206,6	249,3	208,6
9	Всего затрат производственного капитала (руб.)	255,4	359,3	425,9	500,9	353,2
10	Общий валовой доход (руб.)	692,2	850,5	1089,0	1465,0	914,3

больше на двор земли, посевов, орудий, скота, затрат капитала, общего дохода, чем беднейшие.

Данные о хозяйстве крестьян Пензенской губернии являются еще одной яркой иллюстрацией неоднократно отмечавшихся В. И. Лениным наблюдений о том, что размеры крестьянского хозяйства в целом верно отражают различия в их социально-экономической природе.

Следует обратить внимание еще на одну особенность. Существенные различия в размерах и социально-экономическом строе хозяйств не зависели от общей численности населения и собственных трудовых ресурсов. Это — явление, порожденное развитием буржуазных отношений. Как известно, в эпоху феодализма хозяйственная состоятельность крестьян во многом определялась размерами их трудовых ресурсов.

Основной отраслью собственного хозяйства (таблица 3) во всех группах было земледелие (здесь учтены доходы от полевод-

Таблица 3

Отраслевая структура и товарность крестьянского хозяйства Пензенской губернии

Номер показателя	Показатели	Группы хозяйств				Всего
		1-я	2-я	3-я	4-я	
1	Общий валовой доход (руб. на двор)	692,2	850,5	1089,0	1465,0	913,3
	В том числе, %:					
2	Земледелие	39,3	47,3	42,6	41,4	43,1
3	Скотоводство	10,4	8,5	8,4	8,0	9,4
4	Итого сельское хозяйство	49,7	55,8	51,0	49,4	52,5
5	Неземледельческие предприятия	2,0	10,0	25,4	22,9	13,8
6	Всего от собственного хозяйства	51,7	65,8	76,4	72,3	66,3
	Денежная часть дохода, %;					
7	Земледелие	16,8	16,9	21,2	26,3	19,5
8	Скотоводство	18,1	7,8	8,0	71,6	21,2
9	Итого сельское хозяйство	17,0	15,2	19,0	33,7	19,8
10	Неземледельческие предприятия	90,0	96,1	98,8	94,5	96,5
11	Общий валовой доход	48,0	42,3	50,9	53,3	47,8

ства и огородничества). Всего от сельского хозяйства крестьяне получали во всех группах примерно половину общего дохода (50—56%).

Неземледельческие, торгово-промышленные заведения, естественно, давали значительный доход в группах состоятельного крестьянства (3—4-я группы — 23—25%).

В целом крестьяне всех групп имели собственное сельскохозяйственное производство, которое было основным источником доходов. У крестьян 1-й и 2-й групп источником средств была работа по найму в сельском хозяйстве и промышленности.

Хозяйство всех групп крестьян было связано с рынком, определенная часть произведенной продукции поступала на продажу. Но, естественно, высота товарности отдельных отраслей у разных крестьян была неодинаковой. Однако общий уровень товарности крестьянского хозяйства был, во-первых, весьма высоким, а во-вторых, не имел таких различий, как в сельском хозяйстве. Так, денежная часть общего валового дохода составляла 42—53% и была наиболее низкой по 2-й группе (42,3%), а самой высокой в 4-й группе (53,3%).

Таким образом, рыночные, товарно-денежные отношения пронизывали все сферы производственной и иной деятельности всех категорий крестьян. Очевидно, что эти отношения отражались и на производственном строе крестьянского хозяйства. Чтобы быть минимально конкурентоспособными, крестьяне должны были вести свое хозяйство на таком уровне, который соответствовал бы общественно необходимым затратам на производство тех или иных видов продукции. Тогда они могли получить прибыль, соответствующую затратам их капитала. Чтобы выяснить уровень рентабельности, надо изучить обеспеченность различных типов крестьянских хозяйств производственными фондами, их производственные расходы и установить, в какой мере их доходы соответствовали этим расходам (таблица 4).

Из 13 показателей, характеризующих производственные возможности и затраты различных групп крестьян, лишь обеспеченность инвентарем и скотом в 3-й группе и расходы на земледелие в 4-й группе отклоняются от средних по всем группам несколько больше, чем на 10%. По всем другим показателям различия не превышали 10-процентного предела, а в обобщенном выражении (показателем его являются затраты сельскохозяйственного и всего капитала) они отличаются лишь на 3—4%.

Как видим, производственный процесс различных по хозяйственной состоятельности групп крестьян был жестко детерминирован в плане его обеспеченности материальными и денежными средствами и их затратами в расчете на исходные единицы производства. Это — несомненное свидетельство подчиненности производства всех категорий хозяйств объективным требованиям, диктуемым законами рынка. Законы рынка не знали исключений, поэтому даже мизерное самостоятельное хозяйство, которое вели сельские пролетарии с наделом, подчинялось этим законам, а экономически существование такого хозяйства было оправдано постольку, поскольку оно могло организовать производство на уровне, отвечающем средним, общественно необходимым условиям.

Очевидно, когда развитие капиталистического аграрного рынка достигло весьма высокого уровня, одинаковые производственные затраты крестьян должны были приносить и примерно равные доходы. Так это и было (таблица 5).

Таблица 4

Производственные фонды и затраты в крестьянском хозяйстве Пензенской губернии

Номер показателя	Показатели	Группа хозяйств				Всего
		1-я	2-я	3-я	4-я	
	Стоимость инвентаря, руб.					
1	На десятину землепользования	6,8	6,3	5,1	6,8	6,2
2	На десятину посевов	10,8	10,5	8,7	10,4	10,1
3	Стоимость всего скота* на десятину землепользования, руб.	22,6	21,8	18,9	21,1	21,2
4	Стоимость рабочего скота на десятину посевов, руб.	13,0	15,5	15,4	15,1	14,8
5	Десятин посева на голову рабочего скота	5,2	4,6	4,9	5,1	4,9
	Затраты на рабочий скот и инвентарь, руб.					
6	На десятину землепользования	7,4	6,5	6,4	6,9	6,8
7	На десятину посева	11,7	10,8	10,8	10,6	11,0
8	На рубль стоимости инвентаря и рабочего скота	0,49	0,41	0,45	0,42	0,44
9	Расходы на земледелие на десятину посева, руб.	23,7	22,8	22,5	29,7	24,2
10	Затраты на содержание продуктивного скота (руб.) на рубль стоимости всего скота	0,41	0,38	0,40	0,44	0,40
	Все затраты сельскохозяйственного капитала (руб.)					
11	На десятину землепользования	24,1	23,7	24,0	24,6	24,0
12	На десятину посева	38,4	39,4	40,5	37,6	39,1
13	Все затраты производственного капитала на десятину землепользования, руб.	26,7	25,6	25,5	25,7	25,8

* В стоимость всего скота входит стоимость птицы и пчел.

Как в земледелии и скотоводстве, так и в сельскохозяйственном производстве в целом доходность всех групп крестьян в различных его отраслях была очень близкой. Имевшиеся различия несущественны. В целом такую же закономерность можно отме-

тить и с доходами от неземледельческих заведений. Здесь лишь в 1-й группе она несколько ниже (1,20 руб. при 1,42 руб. в среднем). Но наличие торгово-промышленных заведений у крестьян этой группы нехарактерное явление. Доход от них составлял здесь (см. таблицу 3) всего 2% общего валового дохода.

Весьма характерно то, что крестьяне всех групп получали не только одинаковые доходы на равные производственные затраты,

Таблица 5

Доходность крестьянского хозяйства Пензенской губернии

Номер показателя	Показатели	Группы хозяйств				Всего
		1-я	2-я	3-я	4-я	
	Валовой доход от земледелия (руб.)					
1	На десятину посева	64,0	67,0	64,2	68,2	65,9
2	На рубль затрат на рабочий скот и инвентарь	5,5	6,2	5,9	6,4	6,0
3	На рубль всех расходов на земледелие	2,7	2,9	2,9	2,3	2,7
4	Валовой доход от скотоводства (руб.) на рубль расходов на скотоводство	0,49	0,40	0,38	0,39	0,41
	Всего доход от сельского хозяйства, руб.					
5	На рубль затрат сельскохозяйственного капитала	2,10	2,10	1,90	2,20	2,10
6	На рубль всех расходов на сельское хозяйство	1,39	1,39	1,38	1,27	1,37
7	На десятину землепользования	50,9	48,8	45,5	53,3	49,3
8	Доход от неземледельческих предприятий на рубль расходов	1,20	1,50	1,54	1,36	1,42
9	Доход от всех отраслей собственного хозяйства (руб.) на рубль расходов на собственное хозяйство	1,44	1,43	1,43	1,30	1,39
10	Весь валовой доход (руб.) на рубль всех расходов	1,20	1,13	1,16	1,15	1,15

но и имели примерно равный общий валовой доход на рубль всех (производственных и личных) расходов. Валовой доход составил 1,13—1,20 руб. при средней 1,15 руб. Это значит, что общая рентабельность хозяйства крестьян различных групп была приблизи-

тельно равной. Такое положение могло сложиться тогда, когда личное потребление крестьян зависело от условий и уровня производства. Разумеется, это, как будет показано дальше, ни в коем случае не означало, что экономическое состояние всех групп хозяйств было одинаковым.

Итак, все категории крестьянских хозяйств получали примерно одинаковую прибыль не только на относительно равные затраты производственного капитала, но и на одинаковые общие затраты всех функционировавших в хозяйстве средств. Понятно, что такое положение относится к типам хозяйств в целом, то есть представляет равнодействующую из различных, в том числе и существенных, колебаний, характерных для отдельных хозяйств.

Таким образом, не только состояние исходной фазы производства у различных групп крестьян, то есть его обеспеченности необходимыми ресурсами и величина их затрат, но и итоговый результат производства (размеры полученных доходов) показывают подчиненность всех типов хозяйств объективным законам товарно-капиталистического рынка.

Однако здесь возникает вопрос: в чем же состояли различия в производственно-экономическом строе разных типов крестьянских хозяйств? Такие различия были и они отчетливо выявляются при рассмотрении еще одного аспекта производственной деятельности крестьян, который до сих пор не учитывался. Это — трудовые затраты, капиталовооруженность и производительность труда в хозяйстве различных групп крестьян (таблица 6).

Они весьма ярко свидетельствуют о том, что примерно одинаковая относительная обеспеченность различных групп производственными фондами и одинаковые доходы, поступавшие на равные затраты средств, достигались в условиях, когда затраты труда у разных категорий хозяйств весьма существенно различались. Различия шли по линии возрастания таких затрат от высших групп к низшим. Так, затраты труда в сельском хозяйстве на десятину посева и на рубль вложений сельскохозяйственного капитала в 1-й группе были почти вдвое больше, чем в 4-й группе. Общие затраты труда в собственном хозяйстве на рубль затрат производственного и всего капитала в 1-й группе были почти вдвое больше, чем в 4-й группе (соответственно 1,29 и 0,58, 0,91 и 0,40 руб.).

Беднейшим группам крестьян не только приходилось затрачивать больше труда, чем в группах состоятельных хозяйств, но и их производственные расходы в расчете на единицу произведенной продукции также были выше. Если за единицу продукции принять рубль доходов от собственного хозяйства (то есть от всех отраслей сельского хозяйства и торгово-промышленных заведений), то затраты производственного капитала на рубль доходов в 1-й группе в 1,5 раза выше, чем в 4-й группе (см. показатель 6 в таблице 6), а общие затраты труда и капитала в 2,1 раза больше (показатель 7).

Таким образом, беднейшему крестьянину для получения одинаковых доходов на равные затраты материальных и денежных

Таблица 6

Трудовые затраты, капиталовооруженность и производительность труда в крестьянском хозяйстве Пензенской губернии

Номер показателя	Показатели	Группы хозяйств				Всего
		1-я	2-я	3-я	4-я	
	Затраты труда в сельском хозяйстве (руб.):					
1	На десятину землепользования	14,1	10,2	7,7	8,3	10,2
2	На десятину посева	22,4	17,0	13,1	12,7	16,6
3	На рубль затрат сельскохозяйственного капитала	0,58	0,43	0,32	0,34	0,43
	Всех затрат труда (руб.)					
4	На рубль затрат производственного капитала	1,29	0,72	0,57	0,58	0,80
5	На рубль всех затрат капитала	0,91	0,51	0,41	0,40	0,57
	Затраты на рубль доходов от собственного хозяйства (руб.)					
6	Производственного капитала	0,50	0,45	0,37	0,33	0,41
7	Труда и капитала	1,11	0,76	0,58	0,52	0,73
8	Стоимость инвентаря и рабочего скота на единицу затрат сельскохозяйственного труда (руб.)	1,07	1,53	1,84	2,01	1,50
9	Доля затрат сельскохозяйственного капитала (руб.) на единицу затрат сельскохозяйственного труда	1,71	2,32	3,10	2,96	2,34
10	Доля затрат всего производственного капитала (руб.) на единицу всех затрат труда	0,78	1,40	1,77	1,72	1,25
11	Доля затрат производственного капитала в общих затратах труда и капитала	0,45	0,59	0,64	0,64	0,56
12	Доход от сельского хозяйства (руб.) на единицу затрат сельскохозяйственного труда	3,6	4,5	5,9	6,4	4,8
13	Валовой доход (руб.) на единицу затрат труда	3,0	4,6	6,2	7,2	4,6
	На душу населения (руб.)					
14	Доход от собственного хозяйства	51,4	76,6	120,7	155,0	85,1
15	Валовой доход	98,6	113,9	157,8	214,2	128,1

средств приходилось вкладывать примерно вдвое больше труда, чем крестьянам зажиточным (3-я и 4-я группы). Это было вызвано более низкой капиталовооруженностью, то есть материально-технической обеспеченностью труда беднейших крестьян. Так, стоимость инвентаря и рабочего скота на единицу затрат сельскохозяйственного труда в 1-й группе была вдвое ниже, чем в 4-й группе (1,07 и 2,01 руб.). Подобное соотношение подтверждается и данными о размерах затрат всего сельскохозяйственного капитала. Общие затраты производственного капитала на единицу всех затрат труда в 1-й группе были в 2,2 раза меньше, чем в 4-й группе (соответственно 0,78 и 1,72 руб.). Все эти наблюдения свидетельствуют о наличии существенных различий в органическом строении капитала у различных групп крестьян. В состоятельных группах органическое строение капитала было более высоким. Доля затрат производственного капитала в общих затратах труда и капитала, отражающая это строение, в 1-й группе равна 45%, а в 3-й и 4-й группах она составляла 64%.

Существенные различия в органическом строении капитала обусловливали и более низкую производительность труда в хозяйстве наших групп крестьян, а следовательно, и более низкую общую доходность их хозяйства. Доход от сельского хозяйства на единицу затрат сельскохозяйственного труда в 1-й группе был в 1,8 раза меньше, чем в 4-й группе (соответственно 3,6 и 6,4 руб.), а весь валовой доход на единицу всех затрат труда был в 2,4 раза ниже (3,0 и 7,2 руб.).

Доход же от собственного хозяйства на душу населения, а именно он выражает общий уровень доходности хозяйства, оказался в беднейшей группе в 3 раза меньше, чем в зажиточной (51,4 и 155,0 руб.). Различия в общем валовом доходе на душу населения были несколько меньше (98,6 и 214,2 руб., то есть в 2,2 раза ниже), так как в общий валовой доход входили кроме поступлений от собственного хозяйства еще и доходы от продажи рабочей силы. В 1-й группе, как указывалось, они были весьма значительны.

Таким образом, при необходимости для всех категорий хозяйств обеспечить определенный уровень производства беднейшим слоям деревни приходилось достигать его за счет напряжения, интенсификации собственного труда, а состоятельное крестьянство поддерживало такой уровень за счет вложений капитала.

Затраты собственного труда одного работника в 1-й группе были в 1,4 раза больше, чем в 4-й группе (соответственно 78,0 и 57,1 руб.). Это значит, что беднейший крестьянин трудился примерно в 1,5 раза интенсивнее, чем зажиточный, а питались беднейшие крестьяне хуже, чем состоятельные (таблица 7).

Крестьяне 1-й группы потребляли продуктов на душу в 1,4 раза меньше, чем крестьяне 4-й группы (29,2 и 41,1 руб.). Общие расходы на личные нужды в 1-й группе также в 1,4 раза меньше, чем в 4-й группе (46,4 и 67,2 руб.). Заметим, что по расходам на питание и все личное потребление наиболее состоятельное крестьянство (4-я группа) заметно отличалось не только от пролетарской и беднейшей групп, но и от состоятельного середняка (3-я группа). Кроме того, приведенные данные подтверждают известное явление, состоявшее в том, что потребление в крайних группах было более глубоко связано с рынком, чем в средних.

Как и следовало ожидать, имея в виду результаты хозяйственной деятельности, положение крестьян низших групп было значительно хуже, чем высших, особенно наиболее состоятельной. Различными оказались и возможности для дальнейшей производственной деятельности крестьянских хозяйств различных типов.

Таблица 7

Интенсивность труда и положение крестьян Пензенской губернии

Номер показателя	Показатели	Группы хозяйств				Всего
		1-я	2-я	3-я	4-я	
1	Затраты собственного труда одним работником	78,0	64,0	62,8	57,1	68,0
2	Потребление продуктов продовольствия (руб. на душу)	29,2	31,5	34,2	41,1	32,3
3	В том числе куплено, %	33,8	26,1	24,5	31,3	28,9
4	Всего расходов на личное потребление (руб. на душу)	46,4	46,9	51,8	67,2	49,9
5	В том числе куплено, %	0,48	40,0	35,7	46,1	43,1
6	Все личные расходы, % к валовому доходу	47,0	41,2	32,8	31,4	38,9
7	Все расходы на собственное хозяйство, % к валовому доходу	36,3	47,0	53,4	55,5	47,7

Доля личных расходов по отношению к общему валовому доходу (см. таблицу 7) в беднейших группах была значительно выше, чем в состоятельных (в 1-й и 4-й группах соответственно 47,0 и 31,4%). Возможности крестьян 1-й группы для поддержания и развития хозяйства были значительно хуже, чем у крестьян 4-й группы. Все расходы на собственное хозяйство составляли к полученному валовому доходу убывающую величину от высших групп к низшим (в 1-й и 4-й группах они равнялись 36,3 и 55,5%).

Очевидно, что беднейшие крестьяне могли поддерживать свое хозяйство на уровне требований, предъявляемых товарно-капиталистическим рынком, прежде всего за счет дальнейшего напряжения своего труда, в то время как состоятельные слои деревни располагали значительно большими средствами, позволяющими уве-

личивать капиталовложения и повышать производительность труда.

●

В 1887—1896 гг. в Воронежской губернии А. Ф. Щербиной были собраны бюджеты по 230 хозяйствам[6]. Данные этого обследования не столь богаты, как по Пензенской губернии, но имеющиеся сведения вполне позволяют рассмотреть производственно-экономический строй крестьянского хозяйства в зависимости от объективно-экономических условий его развития. Данные по Воронежской губернии интересны еще и тем, что они характеризуют экономический строй крестьянского хозяйства в конце XIX в.

Крестьянские хозяйства сгруппированы нами по размеру валового дохода на двор, то есть по конечному результату производственной деятельности крестьян.

Были выделены 4 группы хозяйств, получавших доходы:

I группа — до 300 руб. (81 двор),
II группа — 301—600 руб. (58 дворов),
III группа — 601—1000 руб. (56 дворов),
IV группа — более 1000 руб. (35 дворов).

Интервалы между группами в значительной мере условны, но тем не менее с помощью такой группировки выделяются существенно различающиеся по хозяйственной состоятельности группы дворов, что необходимо в данном исследовании, поскольку следует выявить сходства и различия производственно-экономического строя у различных типов крестьянских хозяйств, а не установить удельный вес типов.

Выделенные группы существенно различались по размерам своего хозяйства. Размеры посевов на двор в IV группе были примерно в 10 раз больше, чем в I группе (2,48 и 24,31 десятин). Крестьяне IV группы имели в среднем на двор больше, чем крестьянские дворы I группы: сельскохозяйственного инвентаря в 8,7 раза, всего скота и птицы в 13,6, общие доходы в 9,4 раза. В целом различия в хозяйственной состоятельности крестьян Воронежской губернии более существенны, чем в Пензенской губернии, где, как мы видели, дворы крестьян 4-й группы превышали по своим хозяйственным размерам дворы крестьян 1-й группы примерно лишь в 2 раза. Однако социальная поляризация групп в Пензенской губернии была более глубокой. Беднейшая группа состояла там из слоя сельских пролетариев с наделом, у которых около половины доходов поступало от работы по найму. В Воронежской губернии беднейшие крестьяне — это слой мельчайших производителей. Применение наемного труда зажиточными крестьянами также было менее широким чем в Пензенской губернии. Ведущей отраслью крестьянского хозяйства Воронежской губернии выступало земледелие (таблица 8).

Оно давало от 37 до 40% валового дохода. Заметную долю в хозяйстве занимало и скотоводство (18—20% дохода). В целом от земледелия и скотоводства поступало 56—61% валового дохода,

то есть основным занятием крестьян было сельское хозяйство. В зажиточной (IV) группе заметное место занимали доходы от торгово-промышленных заведений (8,9%), а в беднейших группах часть доходов (26,2%) поступала от личных промыслов. Основным видом этих промыслов была работа крестьян по найму.

В целом товарность всех типов крестьянских хозяйств была весьма значительной. В этом плане характерна очень высокая до-

Таблица 8

Отраслевая структура, товарность и производственные фонды крестьянского хозяйства Воронежской губернии

Номер показателя	Показатели	Группы хозяйств			
		I	II	III	IV
I	*Отраслевая структура*				
1	Общий валовой доход (руб. на двор)	175,3	428,9	772,6	1641,6
	В том числе: %				
2	Земледелие	37,3	45,1	45,8	40,6
3	Скотоводство	17,9	18,4	19,9	20,0
4	Земледелие и скотоводство	55,2	63,5	65,7	60,6
5	Промышленные заведения	2,0	2,8	5,6	8,9
6	Личные промыслы	26,2	13,0	9,8	3,5
7	Все земледельческие занятия	31,5	20,3	19,7	15,3
II	*Товарность хозяйства (денежная часть доходов)*, %				
8	Земледелие	12,5	15,0	17,5	15,8
9	Скотоводство	38,9	45,6	49,6	54,5
10	Земледелие и скотоводство	21,1	23,8	27,2	28,6
11	Все неземледельческие занятия	64,5	79,3	86,7	99,4
12	Общий валовой доход	51,5	46,0	43,7	44,3
13	Денежные затраты в хозяйственных расходах	86,6	84,8	81,9	81,3
III	*Производственные фонды (руб.)*				
14	Рабочие лошади и инвентарь на десятину посева	17,1	18,6	17,0	16,3
15	Рабочие лошади и инвентарь на душу населения	9,0	17,7	20,2	27,0

ля (81—87%) денежных затрат на хозяйственные расходы. Таким образом, хозяйственная деятельность крестьян была тесно связана с рынком. Обеспеченность всех групп крестьян основными земледельческими средствами производства, инвентарем и рабочим скотом у всех групп примерно одинаковая (16—19 руб. на десятину). Также и производственные расходы: затраты на покупку скота и инвентаря, на содержание скота в расчете на рубль их капитальной стоимости были примерно одинаковыми у всех групп (таблица 9).

Все хозяйственные расходы на десятину посева также почти одинаковые (23—26 руб.). Говоря о расходах, следует отметить значительно большую долю затрат на аренду земли и наем рабо-

чих в IV группе по сравнению с другими и особенно с I группой.

В целом уровень обеспеченности основными производственными фондами и хозяйственные расходы в расчете на соизмеримые единицы были примерно равными у всех типов крестьянских хозяйств.

Следовательно, и в Воронежской губернии производственный процесс (по обеспечению его необходимыми материальными и де-

Таблица 9

Расходы и доходы крестьянского хозяйства Воронежской губернии

Номер показателя	Показатели	Группы хозяйств			
		I	II	III	IV
	I. *Производственные расходы (руб.)*				
1	Покупка инвентаря и скота на рубль их стоимости	0,11	0,11	0,13	0,10
2	Содержание скота на рубль стоимости всего скота	0,37	0,31	0,35	0,34
	Все хозяйственные расходы:				
3	На десятину посева	26,4	23,1	25,4	25,1
4	На душу населения	13,9	22,0	30,2	42,2
	Доля в хозяйственных расходах затрат, %:				
5	На аренду земли	6,4	8,0	9,9	17,3
6	На наемных рабочих	3,2	3,5	4,6	5,3
7	Доля производственных расходов в общем расходе	39,8	44,5	45,2	45,7
	II. *Доходы крестьян (руб.)*				
8	Доход от земледелия на десятину посева	26,4	25,9	29,2	27,4
9	Доход от земледелия и скотоводства на десятину посева	39,2	36,5	41,7	40,9
	Общий валовой доход (руб.):				
10	На рубль хозяйственных расходов	2,68	2,48	2,50	2,69
11	На рубль всех расходов	1,07	1,10	1,13	1,23
12	На душу населения	37,3	54,6	75,5	113,5
13	Расход на питание (руб. на душу)	14,9	16,8	20,4	26,5

нежными средствами) в крестьянском хозяйстве всех групп протекал в соответствии с общими требованиями, предъявляемыми рынком. Это проявилось и в доходах крестьян.

Так, доходы от земледелия и от земледелия и скотоводства вместе были на десятину посева во всех группах почти одинаковыми (см. таблицу 9). Общий валовой доход на рубль хозяйственных расходов также был во всех группах очень близким (2,5—2,7 руб.).

Почти одинаковым был и общий валовой доход на рубль всех расходов в первых трех группах (1,07—1,13 руб.). Чуть выше он был в зажиточной группе (1,23 руб.).

Таким образом, и в Воронежской губернии совершенно очевидно прослеживается зависимость хозяйства всех категорий крестьян от товарно-капиталистического рынка и буржуазный характер крестьянского хозяйства.

Различия между разными типами хозяйств, как и в Пензенской губернии, состояли в неодинаковой капиталовооруженности и производительности труда. По Воронежской губернии мы не имеем прямых сведений об этом, но косвенные показатели есть в виде данных о производственных фондах и расходах на душу населения. Так, рабочего скота и инвентаря (см. таблицу 8) приходилось на душу в IV группе втрое больше, чем в I группе (соответственно 9 и 27 руб.). В IV группе на душу приходилось в 3 раза больше всех хозяйственных расходов (13,9 и 42,2 руб.), чем в I группе (см. таблицу 9).

Низкая вооруженность труда в беднейших группах хозяйств приводила и к низкой производительности труда, а потому и к его общей малой доходности. Общий валовой доход в I группе на душу был в 3 раза ниже, чем в IV группе (37,3 и 113,5 руб.). Расходы на питание у беднейших крестьян на душу населения— почти вдвое меньше, чем в IV группе (соответственно 14,9 и 26,5 руб.).

Итак, производственно-экономический строй крестьянского хозяйства не только в Пензенской и Воронежской, но и в других губерниях[7], с одной стороны, у всех типов крестьянских хозяйств определялся воздействием закономерностей, присущих товарно-капиталистическим отношениям, и был по своей сути объективно буржуазным, а с другой стороны, общий производственный уровень крестьянского хозяйства, его доходность и положение крестьян существенно отличались в разных типах крестьянских хозяйств.

Таким образом, и на основе традиционных методов при более полном использовании информационных потенций источников возможно значительное углубление анализа социально-экономического строя различных типов крестьянского хозяйства. Указанный анализ может быть проведен на основе источников, содержащих сведения о расходах и доходах крестьян, а также о производственных фондах в денежном выражении и размерах производства. Кроме бюджетных обследований такие данные содержатся и в некоторых других источниках.

●

Другой путь анализа социально-экономического строя крестьянского хозяйства состоит в выявлении характера и тесноты взаимосвязи его основных компонентов. Показателем тесноты взаимосвязи является коэффициент корреляции.

Для сравнения этого строя в различных группах крестьян Воронежской губернии выявлялась теснота взаимосвязи между несколькими десятками признаков. По 7 из них (таблица 10) такая взаимосвязь в I и IV группах оказалась прямой и тесной.

Первые три показателя характеризуют общий уровень обеспеченности крестьянского хозяйства основными производственными фондами (строениями, инвентарем, рабочим и продуктивным скотом). Следующие 3 признака (4—6) отражают основную структуру и уровень расходов (производственные затраты, рас-

Таблица 10

Взаимосвязь компонентов крестьянского хозяйства в Воронежской губернии в конце XIX в. (коэффициент корреляции 0, ...)

Над диагональю зажиточное (IV группа), под диагональю — беднейшее (I группа) крестьянство

Номер признака	Признаки	1	2	3	4	5	6	7
	Стоимость (руб. на душу):							
1	Строений и промышленных заведений	×	33	48	34	51	56	59
2	Рабочего инвентаря	74	×	67	39	41	51	46
3	Всего скота и птицы	41	43	×	40	53	70	68
	Расходы (руб. на душу):							
4	На хозяйственные нужды	73	63	58	×	37	75	70
5	На питание	82	83	39	67	×	82	83
6	Всего	77	77	60	93	83	×	98
7	Общие доходы (руб. на душу)	72	68	57	78	74	88	×

ходы на питание и общий расход). Наконец, последний (7) признак показывает конечный совокупный итог производственной деятельности крестьян — размер общего дохода.

Оказывается, что между всеми показателями и у беднейших и у зажиточных крестьян имелась прямая существенная, а по ряду показателей и очень тесная взаимосвязь. Средний коэффициент корреляции, выведенный из 21 коэффициента, равен в группе у беднейших крестьян 0,57, а у зажиточных он составляет 0,69. В общем результаты корреляционного анализа свидетельствуют о сбалансированности основных компонентов крестьянского хозяйства. У зажиточных крестьян она была более тесной, чем у беднейших, что вполне естественно. Важно отметить, что сбалансированность основных компонентов хозяйства характерна для обоих, полярных слоев крестьян. Понятно, что такая сбалансированность могла возникнуть лишь в условиях достаточно глубокой втянутости крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения, когда регулятором производства выступают закономерности, присущие товарно-капиталистическому рынку. Характерно и то, что ни в 1-й, ни в 4-й группах населенность крестьянских дворов не была сколько-нибудь заметно связана с указанными производственно-экономическими сторонами крестьянского хозяйства, то есть трудовые ресурсы как таковые не оказывали существенного воздействия на производственную деятельность крестьян, как это было в феодальную эпоху.

Наряду с тем общим, что было присуще внутреннему строю

хозяйства беднейших и зажиточных крестьян, корреляционный анализ показывает и существенные различия этого строя. Так, у зажиточных крестьян затраты на наемный труд были прямо связаны с указанными признаками (средний коэффициент связи с 7 показателями равен 0,41). У беднейших же крестьян такая взаимосвязь очень слабая (по тем же самым признакам 0,20).

У зажиточных крестьян доля расходов на аренду в общем расходе не взаимосвязана с указанными и другими производственными признаками. Это свидетельствует о том, что она не имела существенного значения в их хозяйстве. У беднейших крестьян доля расходов на аренду заметно коррелировалась с наличием рабочего инвентаря (0,40), расходами на питание (0,40) и общим расходом (0,48), то есть здесь аренда занимала заметное место и имела потребительский характер. В беднейшей группе больше земли сдавали в аренду те крестьяне, у которых в общих доходах выше была доля доходов от личных промыслов, то есть землю сдавали те крестьяне, которые не в состоянии были ее обрабатывать и потому уходили на заработки. Среди зажиточных крестьян больше земли сдавали те, у кого были больше затраты на наемных рабочих в расчете на десятину посева. Следовательно, для наиболее состоятельных крестьян наряду с втягиванием в собственно буржуазные отношения было характерным и стремление к увеличению доходов путем сдачи части своей земли в аренду. Иначе говоря, мелкий аграрий буржуазного типа еще не отдифференцировался от кулака-ростовщика.

Еще одно наблюдение: у беднейших крестьян доля дохода от неземледельческих занятий всецело определялась доходом от личных промыслов (коэффициент корреляции между признаками равен 0,97), а среди зажиточных крестьян доход от неземледельческих занятий целиком определялся доходом от торгово-промышленных предприятий (коэффициент равен 1,00). У зажиточных крестьян доля доходов от торгово-промышленных заведений очень тесно коррелировалась с долей доходов от земледелия и скотоводства (0,97). Значит, торгово-промышленной деятельностью занимались прежде всего те зажиточные крестьяне, у которых наиболее развито было сельскохозяйственное производство.

Как видим, корреляционный анализ дает возможность конкретно установить и то общее, что было присуще внутреннему строю разных типов хозяйств, и те особенные черты, которые отличали этот строй. В средних группах крестьянства тоже прослеживается высокая степень сбалансированности основных компонентов производственно-экономического строя крестьянского хозяйства. Средние коэффициенты по указанным признакам составляют по II группе 0,68, а по III группе — 0,62, то есть находятся в интервале между коэффициентами по I и IV группам.

Сбалансированность ведущих компонентов производственно-экономической структуры хозяйств различных групп крестьян свидетельствует о том, что такая сбалансированность должна прослеживаться и при выявлении взаимосвязи его компонентов по

всей совокупности крестьянских хозяйств, охваченных бюджетным обследованием без разделения ее на группы. Такая взаимосвязь действительно существовала (таблица 11).

По 7 указанным признакам совокупный средний коэффициент корреляции равен 0,72, то есть общая теснота взаимосвязи основных компонентов крестьянского хозяйства была примерно такой

Таблица 11

Общая взаимосвязь основных компонентов крестьянского хозяйства Воронежской губернии в конце XIX в. (коэффициент корреляции 0, ...)

Номер признака	Признаки	1	2	3	4	5	6	7
	Стоимость:							
1	Строений и промышленных заведений	×	72	51	71	71	75	75
2	Рабочего инвентаря	72	×	55	68	69	74	72
3	Всего скота и птицы	51	55	×	55	48	64	65
	Расходы:							
4	На хозяйственные нужды	71	68	55	×	75	94	88
5	На питание	71	69	48	75	×	88	84
6	Общий расход	75	74	64	94	88	×	96
7	Общий доход	75	72	65	88	84	96	×

же, как у зажиточного слоя (0,69). Это дает основания предполагать, что именно хозяйство зажиточного крестьянства занимало ведущее место в товарно-капиталистическом развитии деревни.

По Пензенской губернии для корреляционного анализа также были взяты несколько десятков признаков по каждой из четырех групп. В итоге оказалось, что и здесь выделяется группа показателей, между которыми существует тесная взаимосвязь. Среди выделенных признаков (таблица 12) опять-таки фигурируют размеры землепользования и посевов, обеспеченность инвентарем, рабочим и продуктивным скотом, производственные затраты труда и капиталов и общие расходы, а также уровень общего дохода и дохода от основной отрасли хозяйства (земледелия), то есть основные производственно-экономические компоненты крестьянского хозяйства.

Не рассматривая выявленные взаимосвязи детально, отметим, что средний коэффициент корреляции, выделенный из 45 указанных в таблице, равнялся: в I группе 0,67, по II группе 0,70, в III группе 0,62 и в IV группе 0,76, то есть во всех группах существовала тесная сбалансированность основных компонентов производственно-экономической структуры. Особенно высокой она была у зажиточного крестьянства. Эта сбалансированность присуща и всей совокупности крестьянских хозяйств, составлявших 4 выделенные группы. Средний коэффициент корреляции из 45 исходных равнялся 0,71, то есть он был на том же уровне что и в Воронежской губернии (0,72).

И по Пензенской губернии наряду с общими чертами внутрен-

Таблица 12

Взаимосвязь компонентов крестьянского хозяйства в Пензенской губернии в 1913 г. (коэффициент корреляции 0, ...)

Номер признака	Признаки (на душу)	Под диагональю IV, а над диагональю I группы										Под диагональю II, а над диагональю III группы									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Всего землепользования (дес.)	×	64	69	75	79	92	78	90	91	32	1	×	66	50	30	44	90	78	87	48	49
2	Площадь посева (дес.)	86	×	40	53	51	62	36	61	52	35	2	92	×	62	42	64	77	68	81	82	63
	Стоимость (руб.):																					
3	Сельскохозяйственного и общего инвентаря	75	70	×	72	71	78	62	73	75	38	3	66	68	×	45	50	62	57	70	64	40
4	Рабочих лошадей	70	74	46	×	86	90	67	85	77	46	4	52	55	68	×	83	53	45	51	42	57
5	Всего скота и птицы	71	76	55	94	×	87	65	89	81	44	5	65	68	78	88	×	67	54	67	67	64
	Затраты (руб.):																					
6	Всего производственного капитала	91	76	72	80	76	×	80	96	88	34	6	92	90	82	69	80	×	85	95	59	66
7	Всего труда и производственного капитала	76	64	65	73	70	89	×	74	76	52	7	73	66	56	44	55	78	×	84	42	64
8	Все производственные и другие затраты	93	83	73	87	81	95	85	×	88	42	8	90	90	82	69	82	96	73	×	68	60
9	Доходы от земледелия (руб.)	91	80	69	63	61	83	70	87	×	39	9	64	77	64	55	67	70	51	81	×	46
10	Общий доход (руб.)	83	55	71	69	77	82	75	83	89	×	10	62	65	59	48	59	66	60	73	75	×

него строя хозяйства различных групп крестьян обнаруживаются и различия в этом строе. Так, например, общий доход был связан с другими 9 признаками у зажиточных крестьян на уровне 0,74, а у беднейших лишь на уровне 0,40. Это объясняется тем, что зажиточные крестьяне получали основной доход от собственного хозяйства, состояние которого и отражено указанными признаками, а у беднейших крестьян их собственное хозяйство давало лишь примерно половину доходов, тогда как остальная часть доходов поступала от продажи рабочей силы. Среди зажиточных крестьян доля наемного труда, хотя и не очень тесно, но связана с размерами всего дохода на душу (0,42), а у беднейших крестьян такой связи не было (0,05). Применение наемного труда у беднейших крестьян тесно связано с продажей собственной рабочей силы (0,71), которая в основном направлялась в неземледельческую сферу (связь продажи рабочей силы с затратами труда в неземледельческой сфере равна 0,88). Следовательно, здесь наймом компенсировался отток рабочей силы.

Как видим, корреляционный анализ может быть весьма тонким методом изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства, который позволяет раскрыть основные общие и особенные черты этого строя у разных типов хозяйств.

Принципиальное значение корреляционного анализа состоит в том, что он дает возможность выявить характер социально-экономического строя не только в пределах отдельных типов крестьянских хозяйств, но и определенной их совокупности в целом, без выделения тех или иных групп. Общая сбалансированность внутреннего строя совокупности разного рода крестьянских хозяйств может существовать, как было показано, лишь при наличии такой сбалансированности у всех основных типов этих хозяйств. Следовательно, если имеется общая сбалансированность, то она непременно свидетельствует о подчинении развития разных типов хозяйств объективным товарно-капиталистическим закономерностям.

●

Корреляционный анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства может быть дополнен регрессионным анализом. Если корреляционный анализ позволяет раскрыть характер и тесноту взаимосвязи признаков, характеризующих внутренний строй, то регрессионный анализ дает возможность выявить степень воздействия тех или иных признаков-факторов на те или иные результативные показатели. Здесь прежде всего интересно посмотреть, какими производственными факторами определялся конечный результат производственной деятельности крестьян. Показателем конечных результатов являются размеры валового дохода. Взятые в расчете на душу всего населения, они характеризуют общий уровень доходности крестьянского хозяйства. Для Воронежской губернии была определена зависимость валового дохода от 11

признаков, характеризующих производственно-экономический строй крестьянского хозяйства (таблица 13).

Во-первых, выясняется, что выделенные факторы-признаки действительно имели определяющее значение для доходности крестьянского хозяйства во всех четырех группах. Валовой доход

Таблица 13

Зависимость валового дохода крестьян (руб. на душу) Воронежской губернии в конце XIX в. от различных факторов

Номер фактора	Факторы	Группы хозяйств			
		I	II	III	IV
		Вес факторов, %			
1	Населения на двор обоего пола	3,3	9,9	13,5	4,2
2	Надел (дес. на душу)	0,2	0,1	1,9	0,0
3	Площадь посева (дес. на душу)	55,8	4,3	5,0	25,8
	Стоимость (руб. на душу):				
4	Строений	7,2	60,4	4,2	50,7
5	Всего скота	2,6	0,6	53,8	0,3
6	Рабочего инвентаря	0,1	7,0	0,1	0,7
	Расходы (руб. на душу):				
7	На наемных работников	0,4	3,1	2,4	3,4
8	На аренду земли	—	—	—	0,2
9	Доля дохода от торгово-промышленных заведений, %	0,7	—	0,7	0,7
10	Денежная часть дохода, %	0,3	—	1,9	0,2
11	Доход на рубль производственных расходов	0,1	—	—	0,1
	Общий вес 11 факторов	70,8	85,4	83,5	86,3
	Вес 3—6 факторов	66,7	72,3	63,1	77,5

зависел от них на 70,8—86,3%. Выявление круга тех факторов-признаков, которые воздействовали на тот или иной результативный признак, является важной задачей в любом научном исследовании.

Отбор факторов для включения в уравнение регрессии проводится в данном случае на основе содержательного анализа признаков, характеризующих изучаемые явления и процессы. Такой отбор весьма сложная процедура, и потому далеко не всегда можно сразу выявить круг определяющих факторов. Так, например, когда была поставлена задача выявления того, в какой мере указанные 11 факторов определяют размеры расходов на наемных рабочих, оказалось, что в I группе они зависят от этих факторов лишь на 27,3%, во II группе — на 39,9%, в III — на 37,7% и в IV группе — на 88,8%. Следовательно, лишь у зажиточных крестьян затраты на наем работников определялись выделенными факторами. У трех других групп эти факторы не имели решающего значения, ибо при незначительном применении наемного труда основными были не выделенные производственно-экономические, а иные факторы. В данном случае поиск их не проводился. В тех случаях, когда речь идет о существенных сторонах изучаемых явлений, такой поиск может оказаться необходимым. Его следует

вести путем включения в регрессионный анализ новых признаков.

Однако вернемся к анализу факторов, определявших общий уровень доходов крестьян Воронежской губернии. При определяющей роли совокупности выделенных факторов вес отдельных факторов был разным. Решающими среди них можно считать размеры посевов, стоимость строений, всего скота и инвентаря. На них приходилось 63,1 — 77,5% воздействия всех факторов, влиявших на различия в уровне общего дохода крестьянских хозяйств, входивших в выделенные группы. Однако и среди этих четырех признаков в каждой группе выделяется наиболее существенный. В I группе — это посевы (55,8%), во II группе — стоимость строений (60,4%), в III группе — стоимость скота (60,4%) и в IV группе — стоимость строений (50,7%) и размеры посевов (25,9%). Иначе говоря, различия в общем уровне доходов определяют один-два ведущих производственно-экономических фактора.

Интересные результаты дал регрессионный анализ по Пензенской губернии (таблица 14). Здесь также выделенные 10 факторов почти целиком определяли различия между дворами в общем

Таблица 14

Зависимость валового дохода крестьян (руб. на душу) Пензенской губернии в 1913 г. от различных факторов

Номер фактора	Факторы	Группы хозяйств			
		I	II	III	IV
		Вес факторов, %			
1	Населения на двор (обоего пола)	0,1	—	0,2	0,4
2	Землепользование (дес. на душу)	68,1	—	0,1	2,3
3	Площадь посева (дес. на душу)	0,2	42,7	8,5	2,7
	Стоимость (руб. на душу):				
4	Строений	1,0	4,7	2,6	0,1
5	Всего скота	4,1	3,4	46,9	20,3
6	Рабочего инвентаря	1,6	0,5	0,2	1,7
7	Продажа рабочей силы	—	—	—	—
8	Найм рабочей силы	1,2	—	—	2,7
9	Денежная часть дохода, %	0,8	2,1	—	0,5
10	Доход на рубль производственных затрат	15,2	29,4	31,3	64,5
	Общий вес 10 факторов	92,3	87,1	90,1	99,9
	Вес 2, 3, 5 и 10 факторов	89,6	75,5	86,8	89,8

уровне доходов. Решающее влияние тоже принадлежало 4 из этих факторов (размеры землепользования и посев, обеспеченность скотом и доход на рубль производственных расходов). Наиболее существенным здесь можно считать значительное воздействие на общий уровень валового дохода доходов, полученных на рубль производственных расходов, то есть рентабельности, производственной эффективности крестьянских хозяйств. Значение фактора рентабельности возрастает от низшей группы к высшей, где высота эффективности производственных затрат в определяющей степени влияла на различия в общем уровне доходов (64,5%).

Заметим, что в Воронежской губернии в конце XIX в. рентабельность производственных затрат (см. показатель 11 в табл. 13) ни в одной из групп не оказывала воздействия на различия в общем уровне доходов крестьянских хозяйств. Здесь доходы определялись обеспеченностью основными производственно-экономическими фондами. В Пензенской губернии имел значение не только уровень обеспеченности этими фондами, но и эффективность их использования. Видимо, различия в воздействии факторов обусловлены тем, что бюджеты по Воронежской губернии характеризуют положение хозяйств в конце XIX в., а по Пензенской губернии относятся к 1913 г., то есть примерно через два десятилетия, когда подчиненность крестьянского хозяйства товарно-капиталистическим закономерностям, несомненно, стала более глубокой. Однако это предположение требует проверки по более широким данным.

Таким образом, регрессионный анализ позволяет углубить изучение внутреннего строя крестьянского хозяйства, дает возможность ставить и решать такие исследовательские задачи, которые неразрешимы не только при традиционном, но и в корреляционном анализе.

●

Наконец, можно применить еще один метод математико-статистической обработки данных, который позволяет установить, в какой мере социально-экономический строй был единым в основных своих чертах у разных типов крестьянских хозяйств. Таким методом является факторный анализ. Он дает возможность выявить тот интегральный фактор, который прежде всего и определяет суть социально-экономического строя. Интегральный фактор строится на основе тех же признаков, которые использовались для обычного и корреляционного анализа. Во всех группах состав признаков, которые раскрывают содержательную суть интегрального фактора в различных группах крестьян Пензенской губернии, оказался одинаковым (таблица 15).

Сюда вошли производственные и общие затраты средств, размеры землепользования (все надельные, купчие и арендованные земли, находящиеся в хозяйственном обороте), обеспеченность хозяйства инвентарем, рабочим и продуктивным скотом, с одной стороны, размеры доходов от основных отраслей сельского хозяйства (от земледелия и скотоводства) и расходы на продовольственные нужды — с другой. Эти признаки, как показал корреляционный анализ, составляли тесно взаимосвязанные компоненты внутреннего строя крестьянского хозяйства. В содержательном плане интегральный фактор, выражаемый этими признаками, характеризует производственные ресурсы, расходы и доходы кресть-

янского хозяйства, то есть его основную производственно-экономическую структуру.

Характерно, что такая структура была не только одинаковой у всех типов крестьянских хозяйств, но и во всех группах отличалась высокой монолитностью. Об этой монолитности свидетель-

Таблица 15

Основные признаки, характеризующие внутренний строй крестьянского хозяйства Пензенской губернии в 1913 г.

Номер признака	Характеристика совокупного фактора	Теснота связи признаков с фактором по группам хозяйств			
		1-я	2-я	3-я	4-я
1	Производственные затраты (руб. на душу)	0,95	0,92	0,90	0,89
2	Все затраты (руб. на душу)	0,95	0,90	0,92	0,86
3	Землепользование (дес. на душу)	0,91	0,85	0,77	0,93
	Стоимость (руб. на душу):				
4	Инвентаря	0,80	0,78	0,70	0,72
5	Всего скота	0,90	0,79	0,79	0,64
	Доход (руб. на душу):				
6	От земледелия	0,94	0,81	0,74	0,91
7	От скотоводства	0,68	0,56	0,61	0,77
8	Расход на питание (руб. на душу)	0,69	0,61	0,63	0,78

ствует тесная связь указанных признаков с интегральным фактором. Во всех группах подавляющая часть коэффициентов корреляции превышает значение 0,70.

На основе интегрального фактора каждый входящий в соответствующую группу двор получает свой индекс (факторный вес), который характеризует уровень его развития по данному фактору. Эти индексы могут служить основой для сравнения уровня развития отдельных хозяйств и их ранжирования.

Интегральные показатели уровня развития крестьянских хозяйств могут быть получены не только для хозяйств, входивших в те или иные группы, но и для всей их совокупности в целом. Эти показатели (или несколько таких показателей) можно использовать для обобщенного раскрытия уровня производственно-экономического развития отдельных групп хозяйств, а также и для самого выделения групп. И в том и в другом случае соответствующие характеристики будут многомерными, то есть они будут основываться не на отдельных признаках, как при традиционном анализе, а на целой их совокупности. Тем самым анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства станет значительно более глубоким, чем при обычном его раскрытии. Рассмотрим в этой связи вопрос о многомерной типизации крестьянских хозяйств.

§ 2. Многомерная типизация крестьянских хозяйств

Для всестороннего изучения истории крестьянства как в эпоху феодализма, так и особенно в период капитализма, необходимо выделение в его среде различных по своей внутренней природе слоев. Для такого исследования нужна группировка крестьянских хозяйств. Объективность группировки (классификации, типологизации) любой совокупности социальных объектов, то есть адекватное отражение ею реального положения, определяется теми принципами и критериями, которые положены в ее основу. Выбор таких принципов и критериев представляет не только чрезвычайно ответственную, но и весьма сложную исследовательскую процедуру. Эта сложность обусловлена многообразием тех черт и свойств, функций и взаимосвязей, которые присущи всем социальным объектам. К тому же все они находятся в непрерывном изменении и движении. Поэтому всякая типологическая группировка, то есть группировка, имеющая своей целью выделение качественно отличных совокупностей одноименных объектов, должна начинаться с определения ее цели. Лишь на такой основе могут быть определены принципы и критерии группировок.

Всестороннее обоснование методологических подходов и методических приемов группировки крестьянских хозяйств России эпохи капитализма и их практическая реализация в историко-экономических исследованиях выполнены В. И. Лениным. Разработанные им общие принципы и конкретные критерии группировки крестьянских хозяйств, прежде всего в работе «Развитие капитализма в России», лежат в основе всех советских исследований, связанных с изучением дифференциации, расслоения и разложения крестьянства в феодальную и капиталистическую эпохи.

Рассматривая группировки крестьянских хозяйств, сделанные земскими статистиками, В. И. Ленин подчеркивал: «Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки *размеры и типы хозяйства*. Признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия, — необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам «промыслов»[8].

Таким образом, учет ведущих направлений хозяйственной деятельности позволяет выявить те признаки, которые должны быть положены в основание группировки, а учет размеров хозяйств позволит установить границы качественной определенности выделяемых групп. Тем самым открывается возможность раскрыть не только экономическую, но и социально-классовую природу этих групп и при отсутствии прямых данных о ней. Такую возможность осуществил В. И. Ленин при анализе разложения крестьянства по данным земской статистики конца XIX в.

В. И. Ленин указал и те конкретные критерии, на основе которых при наличии соответствующих сведений можно непосредственно выделять социально различные типы крестьянских хозяйств — пролетарские, собственно крестьянские или мелкобуржуазные, и капиталистические. В. И. Ленин относил к пролетарским дворы, «в которых большинство» трудоспособного населения «является наемными рабочими», к мелкобуржуазным — хозяйства, в которых «число семейных рабочих больше числа наемных», к капиталистическим причислял те хозяйства, в которых «число наемных рабочих больше числа семейных»[9].

Основной методологической сутью ленинского подхода является *целостность* (*системность*), *многоаспектность* рассмотрения крестьянского хозяйства, вытекающая из многообразия его реальной природы. В полной мере такой подход может быть осуществлен на основе *многомерной* группировки крестьянских хозяйств, учитывающей не отдельные характеризующие их черты, а определенную их совокупность и присущую им взаимосвязь. В. И. Ленин подчеркивал: «Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи *со всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве»[10].

Диалектико-материалистические принципы многомерной типологической группировки крестьянских хозяйств (как и других социальных объектов), разработанные В. И. Лениным, намного опережали свое время и в полной мере могут быть реализованы лишь на современном этапе развития науки. Сам В. И. Ленин и другие марксисты, изучавшие процесс разложения крестьянства в России, не располагали необходимыми для исследования первичными подворными сведениями о крестьянском хозяйстве. Они вынуждены были пользоваться различными сводными данными, которые из-за несостоятельности теоретико-методологических посылок их составителей в большей мере обесценивали исходные показатели. С другой стороны, в то время еще не были разработаны эффективные методы многомерного математико-статистического анализа. В настоящее время стали доступными и все более широко вовлекаются в научный оборот и различные первичные подворные сведения о крестьянском хозяйстве.

●

Особенностью многомерного анализа, порождающей определенные сложности при его использовании представителями гуманитарных наук, является его абстрактный характер[11]. Исследуемые объекты фигурируют в нем не как некие реальные феномены, о свойствах которых можно судить по чувственно воспринимаемым признакам, а как их геометрическое отражение, как совокупность точек, расположенных в многомерном пространстве. Проиллюстрируем суть такого перехода на примере двухмерного пространства, которое можно представить наглядно (рис. 1).

Допустим, что имеется 6 крестьянских хозяйств, состояние которых характеризуется данными о размерах посевов (А) и количестве продуктивного скота (Б) на душу населения. Пусть 1-й и 2-й дворы имеют средние размеры посевов и низкую обеспеченность продуктивным скотом, 3-й и 4-й дворы, наоборот, со средней обеспеченностью продуктивным скотом и небольшими размерами посевов, а 5-й и 6-й дворы отличаются высоким уровнем и посевов, и обеспеченности продуктивным скотом. Тогда эти дворы будут располагаться, как указано на графике. Если мы будем группировать эти дворы по размерам посевов, то в высшей группе будут дворы 5-й и 6-й, в средней — 1-й и 2-й, а в низшей группе окажутся 3-й и 4-й дворы. Если выделить группы хозяйств по обеспеченности продуктивным скотом, то в высшей группе окажутся дворы 5-й и 6-й, в средней — 3-й и 4-й, а в низшей группе будут 1-й и 2-й дворы, то есть переход к другому группировочному признаку даст иное распределение 1-го — 4-го дворов по группам.

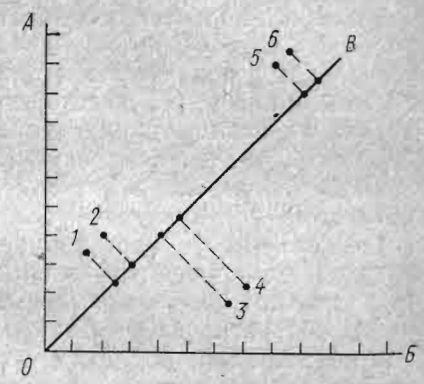

Рис. 1. График распределения крестьянских хозяйств в двухмерном пространстве

Выявленную ограниченность одномерной группировки можно преодолеть с помощью перехода к группировке двухмерной, но для этого надо отвлечься от реальных значений признаков и рассмотреть соотношение между точками, отражающими положение дворов в двухмерном пространстве. В данном случае и визуально очевидно наличие трех групп. В первую группу входят 1-й и 2-й дворы, во второй группе находятся 3-й и 4-й дворы, а третья группа включает 5-й и 6-й дворы.

Но очевидность наличия трех групп дворов еще не проясняет, насколько существенными были различия между ними по совокупному значению двух признаков — единому фактору, который в данном случае отражает уровень совокупного развития основных отраслей сельского хозяйства. Следовательно, нужен показатель, который будет характеризовать такой уровень. Этот показатель можно определить, если провести линию, расстояние от которой до всех 6 точек является наименьшим. На графике такой линией будет линия ВО. Затем на ВО проецируются все 6 точек. Расположение их на этой линии будет ранжировать каждый двор по совокупности двух признаков. Каждый ранг можно выразить количественно в виде индекса (факторный вес), который в данном случае отражает различия между дворами по уровню развития основных отраслей сельскохозяйственного производства. Как вид-

но из графика, этот уровень, во-первых, был в 5-м и 6-м дворах значительно более высоким, чем уровень 1—4-го дворов, и, во-вторых, различие между группами, в которые входили 1—2-й и 3—4-й дворы, является несущественным. Это позволяет предположить, что по совокупности двух признаков, то есть по единому интегральному показателю (факторному весу), дворы 1—4-й относятся к одной экономической группе. В данном случае это очевидно визуально, но такая группировка может быть проведена и строго математически на основе полученных факторных весов.

Разумеется, когда многомерной группировке подвергаются значительные совокупности объектов (практически это могут быть сотни объектов), характеризуемые десятками различных показателей, вся процедура значительно усложняется и ее выполнение невозможно без применения ЭВМ. Достаточно указать на то, что в абстрагированном виде анализируемая совокупность объектов представляет «облако» точек в пространстве, размерность которого определяется числом учитываемых показателей и математический анализ этого «облака» не столь прост, как в рассматриваемом примере, но принципы анализа те же. В данном случае его провели по материалам бюджетных обследований крестьян Пензенской и Воронежской губерний, которые рассматривались выше[12].

Для многомерной группировки крестьянских хозяйств Пензенской губернии было выделено 60 различных показателей (о размерах, отраслевой структуре и товарности хозяйства, обеспеченности средствами производства, статьях расходов и доходов в расчете на душу населения). Затем на этой основе был сформирован единый интегральный фактор, обобщенно характеризующий состояние крестьянского хозяйства. Содержательная суть интегрального фактора раскрывается наиболее тесно связанными с ним выделенными показателями (в скобках указаны коэффициенты корреляции, раскрывающие тесноту связи показателя с интегральным фактором):

1. Всего затрат капитала (0,95).
2. Производственные затраты капитала (0,93).
3. Доля сельскохозяйственного капитала в производственных затратах капитала (0,86).
4. Всего землепользования (0,86).
5. Размеры посевов (0,78).
6. Стоимость сельскохозяйственного инвентаря (0,80).
7. Стоимость всего скота (0,82).
8. Доход от земледелия (0,87).
9. Доход от скотоводства (0,73).
10. Всего валовой доход (0,77).
11. Расход на продовольствие (0,79).

Таким образом, из 60 учтенных показателей именно указанные прежде всего определили состояние крестьянского хозяйства. В целом сформированный интегральный фактор, как видим, отражает общий производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства. Этот уровень для каждого двора получил единую количественную оценку в виде индекса (факторного веса). Среднее значение индекса равно нулю. Положительные значения индекса показывают, насколько уровень хозяйства выше среднего, а отрицательные значения означают, что уровень хозяйства ниже среднего. Из 261 двора, учтенного в публикации, 111 дворов имели общий уровень хозяйства выше среднего (индексы колеблются от 0,003 до 4,40), а у 150 дворов уровень хозяйства ниже среднего (индексы от —0,0004 до —1,68). Таким образом, совокупные различия в производственно-экономическом уровне крестьянских хозяйств были значительно бо́льшими, чем это представляется данными по отдельным показателям.

По сведениям об общем уровне крестьянского хозяйства проведена группировка крестьянских дворов, в результате которой выделены 4 группы с тем, чтобы можно было сопоставить взаиморазпределение дворов по группам при одномерной и многомерной группировках (таблица 16).

Данное сопоставление показывает существенное несовпадение в распределении одних и тех же дворов по одномерным и многомерным группам. Такое явление может быть основой для многих наблюдений и заключений. Отметим лишь одно из них, а именно в какой мере дворы различных одномерных (в данном случае социальных) групп располагали экономическими возможностями для повышения уровня своих хозяйств, а следовательно, и для изменения своего социального статуса. Показателем, насколько были велики их шансы «выбиться на дорогу», является производственно-экономическая структура социальных групп.

Таблица 16

Социальный строй и уровень крестьянского хозяйства Пензенской губернии (1913 г.)

Многомерные (производственно-экономические) группы	Одномерные (социальные) группы				Всего
	1-я	2-я	3-я	4-я	
	Число дворов в группах				
I	58	28	3	3	92
II	24	45	24	11	104
III	5	17	18	10	50
IV	2	2	4	7	15
Всего	89	92	49	31	261
	Производственно-экономическая структура одномерных групп, %				
I	62,2	30,4	6,1	9,8	35,2
II	30,0	48,9	49,0	35,3	39,9
III	5,6	18,5	36,7	32,2	19,2
IV	2,2	2,2	8,2	22,6	5,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Подавляющая часть дворов (62,2%) беднейшей пролетарской группы (1-я социальная группа) имела наиболее низкий общий

уровень хозяйства, то есть не располагала возможностями для улучшения своего положения на основе собственного хозяйства. У 30,0% дворов этот уровень несколько выше. Но из 24 беднейших дворов с уровнем хозяйства, соответствующим второй производственно-экономической группе, только в 2 дворах он был выше среднего уровня по всей совокупности хозяйств. Это значит, что и такие дворы не имели шансов подняться вверх. И только у 7 дворов (7,8% всех беднейших дворов), уровень хозяйства которых соответствовал 3-й и 4-й производственно-экономическим группам, то есть был заметно выше среднего, при благоприятных условиях имелись какие-то возможности улучшить свое положение. Наиболее реальной такая возможность была лишь у 2 дворов (2,2% всех беднейших дворов), принадлежавших по общему уровню хозяйства к высшей (4-й) производственно-экономической группе. Таким образом, беднейший слой деревни не имел перспектив на улучшение своего хозяйства и изменение своего социального статуса.

Примерно половина дворов (48,9%) слоя бедных середняков (2-я одномерная группа) имела уровень хозяйства, соответствующий второй многомерной группе, и у более половины из них уровень хозяйства был ниже среднего. 30,4% дворов этой группы вообще имели самый низкий уровень хозяйства. Их перспективой могла быть лишь пролетаризация. И только у 19 дворов 2-й социальной группы (20,7%) уровень хозяйства заметно выше среднего; при этом только в 2 дворах он был наиболее высоким. Следовательно, лишь только у части хозяев из этих 19 дворов при благоприятных условиях могла быть некоторая возможность улучшить свое положение.

В «крестьянской» 3-й социальной группе только у трети дворов (16 из 49) уровень хозяйства был существенно выше среднего (индексы более 1,0) и лишь в 4 дворах его можно считать высоким. Следовательно, даже здесь не более 8—10% дворов группы при благоприятных условиях могли двинуться вверх.

Наконец, в высшей социальной группе (4-я группа) лишь немногим более пятой части дворов (22,6%) имели и самый высокий общий уровень хозяйства. Именно эти дворы по общему уровню своего производственно-экономического развития и обладали возможностью превращения в собственно капиталистические фермерские хозяйства.

Итак, многомерная группировка дворов подтверждает, что в пензенской деревне в начале XX в. господствовал мелкобуржуазный уклад. Высокий уровень развития товарного производства (товарность хозяйства по социальным группам колебалась от 42 до 53%)[13] сочетался с господством в подавляющей части хозяйств собственного труда. У значительной части хозяйств (34,1% дворов) большая часть трудовых ресурсов использовалась для работы по найму. Многомерная группировка дворов свидетельствует также и о том, что реальные экономические возможности для крестьян «пробиться в крупные хозяева» были крайне ограничен-

ными. Такую возможность имели дворы с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем хозяйства (4-я производственно-экономическая группа). Эти дворы составляли лишь 5,7% всех хозяйств. В целом многомерная группировка показывает, что различия в производственно-экономическом уровне хозяйств различных слоев деревни были более глубокими, чем это представляется группировкой одномерной.

* * *

По Воронежской губернии для многомерной группировки крестьянских хозяйств были использованы 53 различных показателя (взятых в расчете на душу населения или в процентах). По содержанию они аналогичны данным по Пензенской губернии, но несколько беднее их по набору.

Для многомерной группировки крестьянских хозяйств и интегральной оценки общего уровня их развития по исходным данным был сформирован единый фактор. Его содержательную сущность прежде всего определяют несколько исходных показателей (в скобках указана корреляционная связь признака с фактором):

1. Общий расход (0,93).
2. Хозяйственные расходы (0,87).
3. Стоимость строений и промышленных заведений (0,82).
4. Стоимость сельскохозяйственного инвентаря (0,79).
5. Стоимость всего скота (0,82).
6. Стоимость домашнего имущества (0,79).
7. Всего валовой доход (0,92).
8. Расходы на продовольствие (0,77).

Как видим, по своей сути набор показателей, определяющих общее состояние крестьянского хозяйства, оказался таким же, как и по Пензенской губернии. Сходство набора этих показателей свидетельствует о том, что производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства в целом определялся мощностью тех материальных и денежных ресурсов, которыми оно располагало и которые функционировали в производстве.

По данным совокупных индексов, показывающих общий уровень развития крестьянских хозяйств, выделены 4 группы дворов, имевших существенные различия по этому уровню.

Как и в Пензенской губернии, распределение одних и тех же дворов по группам при одномерной и многомерной группировках было различным (таблица 17). Не подвергая эти данные развернутой характеристике, отметим наиболее существенные моменты.

У большинства дворов (137 из 230) общий уровень хозяйства был ниже среднего: индексы колебались от (—0,019) до (—1,61). У этих хозяйств не было производственно-экономических предпосылок для заметного улучшения своего положения. Сюда входила подавляющая часть дворов 1-й и 2-й групп по размерам валового дохода.

У 93 дворов общий уровень хозяйства был выше среднего (индексы колебались от 0,019 до 5,68). Наиболее высокий уровень (4-я производственно-экономическая группа) имели лишь 5,2%

всех дворов. Заметим, что в Пензенской губернии такие дворы составляли 5,7% (см. таблицу 16). Видимо, почти одинаковые в двух разных районах доли дворов с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем не случайны. Собственно, только дворы с наиболее высоким общим уровнем хозяйства и обладали необходимыми экономическими предпосылками для успешного хозяйственного прогресса. Больше всего таких дворов и в Воро-

Таблица 17

Доходы и уровень крестьянского хозяйства Воронежской губернии в конце XIX в.

Многомерные (производственно-экономические) группы	Одномерные группы по размерам валового дохода				Всего
	1-я	2-я	3-я	4-я	
Число дворов в группах					
I	45	10	2	—	57
II	32	33	24	4	93
III	4	14	27	23	68
IV	—	1	3	8	12
Всего	81	58	56	35	230
Производственно-экономическая структура групп по размерам доходов, %					
I	55,6	17,2	3,2	—	24,8
II	39,5	57,0	42,9	11,4	40,4
III	4,9	24,1	48,1	65,7	29,6
IV	—	1,7	5,4	22,9	5,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

нежской губернии отмечено в высшей группе по валовому доходу (8 из 12). Однако и в этой группе они составляли несколько более пятой части дворов (22,9%). В Пензенской губернии в соответствующей одномерной группе (включавшей 35 дворов) доля таких дворов равнялась 22,6%. Удивительное и, вероятно, опять-таки не случайное совпадение.

В других группах по размерам валового дохода доля дворов с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем была весьма незначительной (в 1-й группе их вообще не было, во 2-й они составляли 1,7%, а в 3-й группе — 5,4%). Несколько большей была доля дворов, уровень хозяйства которых соответствовал 3-й производственно-экономической группе.

Таким образом, многомерная группировка крестьянских хозяйств и по Пензенской и по Воронежской губерниям показывает, что объективной возможностью для повышения уровня своего хозяйства располагала крайне незначительная часть крестьянства. Уделом большинства крестьян было превращение в полупролетариев с наделом и мизерным собственным хозяйством, а затем и в полных пролетариев.

Теперь посмотрим, насколько многомерная группировка более

глубоко по сравнению с одномерной раскрывает те различия, которые существовали между полярными типами крестьянских хозяйств. Сопоставим те средние по выделенным группам индексы (факторные весы), которые интегрально (многомерно) характеризуют производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства. Показателем различий в этом уровне между низшей и высшей группами может быть суммарное абсолютное значение средних индексов по данным группам. Напомним, что выделение одного фактора из исходной совокупности признаков дало возможность определить факторные весы (индексы) для каждого из 230 дворов. При одномерной группировке по размерам валового дохода на двор в беднейшую группу вошел 81 двор (см. таблицу 17). Средний индекс по группе, выведенный из 81 индекса, равен (—0,67). В высшую зажиточную группу вошло 35 дворов. Средний индекс по группе равен 1,26. Абсолютная сумма двух индексов составляет 1,93 (1,26+|—0,67|). Этот показатель в условных единицах характеризует разрыв в общем состоянии хозяйства полярных групп. Чем выше его значение, тем больше различий между группами. Содержательная информативность показателя становится очевидной лишь в сравнительном плане.

Посмотрим, каково значение такого показателя при многомерной группировке. При ней в беднейшую группу попало 57 дворов. Средний по группе индекс уровня хозяйства равен —0,95. В зажиточной группе оказалось 12 дворов. Средний индекс по этой группе составляет 3,35. Абсолютная сумма двух индексов равна 4,30, то есть в 2,2 раза выше, чем при одномерной группировке (1,93).

На первый взгляд может показаться, что большая производственно-экономическая полярность низшей и высшей групп при многомерной группировке обусловлена тем, что в них вошло значительно меньшее число дворов, чем при одномерной группировке (в беднейшей 57 вместо 81, а в зажиточной 12 вместо 35). Такой состав, естественно, в какой-то мере влияет на степень полярности крайних групп. Однако изменение группировочных интервалов при одномерной группировке таким образом, чтобы в крайние группы попало меньшее число дворов, не устраняет различий в показателе полярности при двух методах типизации. Это видно из следующего примера.

При многомерной группировке в зажиточную группу попало 12 дворов. Выделим 12 дворов с самым высоким валовым доходом на двор. В такую группу войдут дворы с доходами более 1670 руб. на двор. Напомним, что при одномерной группировке низший предел составлял 1001 руб., то есть был значительно ниже. Оказалось, что средний по этим 12 дворам индекс составляет 2,30, а по 12 дворам многомерной группы он равен, как указывалось, 3,35, то есть был в 1,5 раза выше. Более того, может быть такое положение, когда дворы с самым высоким валовым доходом отнюдь не относятся к дворам с самым высоким общим производственно-экономическим уровнем крестьянского хозяйства. Так, например, 6 дворов, получивших самый высокий валовой доход на двор (бо-

лее 2000 руб.), имели средний общий индекс состояния хозяйства, равный 1,28; то есть он значительно меньше, чем у 12 дворов с валовым доходом более 1670 руб.

Причина указанного явления очевидна. Полученный при многомерном (факторном) анализе индекс характеризует состоятельность крестьянского хозяйства интегрально, с учетом всех его основных производственно-экономических компонентов. Валовой доход крестьянина в том или ином году, а именно эти доходы и зафиксированы в бюджетных описаниях, может и не соответствовать общему производственно-экономическому уровню данного хозяйства. Вследствие множества причин валовой доход мог быть и выше и ниже производственно-экономического уровня. Так, 2 зажиточных двора, принадлежавших к хозяйствам с самым высоким общим производственно-экономическим уровнем (они занимали среди них второе и третье места с индексами 5,39 и 4,68), по размерам валового дохода (806—885 руб.) входили в третью группу (состоятельные середняки). Один двор высшей многомерной группы (с доходом 492 руб.) вообще вошел во вторую одномерную группу.

Все указанные примеры говорят о том, что одномерная группировка не только из-за затруднительности объективного определения интервалов для группировочного признака, но и вследствие своей одномерности не дает возможности адекватно определить численность соответствующих групп, выявить общий уровень развития различных типов крестьянских хозяйств и выразить его в едином интегральном показателе.

Сложные задачи типологии крестьянских хозяйств и других социальных объектов могут быть успешно решены лишь на основе многомерных методов анализа. Применительно к крестьянскому хозяйству такой анализ может быть основан на первичных подворных данных земской статистики, земельных банков, сельскохозяйственных переписей и других обследований.

§ 3. Анализ внутреннего строя хозяйства различных групп крестьян по сводным данным

Сводные сведения земских обследований характеризуют состояние крестьянского хозяйства в целом по отдельным селениям, волостям и уездам. В плане широкого территориального анализа наибольшую ценность здесь представляют поуездные групповые данные. Основные трудности их обработки и анализа, помимо различий в наборе показателей, характеризующих крестьянское хозяйство, состоят в том, что группы хозяйств выделены по различным признакам (размерам посевов, обеспеченности рабочим скотом и т. д.) с неодинаковыми групповыми интервалами и различным числом самих групп.

Оригинальный метод преодоления недостатков земской статистики был предложен В. И. Лениным. Он состоит в том, что из низших групп формируется группа в 50% всех крестьянских дворов, а из высших — в 20%. Затем выявляется удельный вес этих

групп в общем объеме населения, земли, средств производства и других компонентов крестьянского хозяйства. Тем самым открывается путь к выявлению роли в деревне различных типов крестьянских хозяйств. Обработав таким образом данные по 21 уезду за 80-е годы XIX в., В. И. Ленин нарисовал убедительную обобщенную картину разложения крестьян[14].

Для выявления тех сдвигов, которые произошли в разложении крестьян в последующее время, нами обработаны по ленинскому методу сведения земских описей конца 1890-х — начала 1900-х годов, содержащие похозяйственные группировки дворов. Выявленные данные охватывают 20 уездов[15]. Поскольку все сведения относятся к значительно более широкой территории, чем данные, использованные В. И. Лениным, их пришлось свести в 3 группы, которые характеризуют разложение крестьян в Черноземном (5 уездов), Центрально-Нечерноземном (10 уездов) и Северо-Уральском (5 уездов) регионах на рубеже XIX—XX вв. (таблица 18).

Таблица 18

Удельный вес в крестьянском хозяйстве 50% беднейших и 20% зажиточных дворов (% к общему итогу)*

Номер показателя	Показатели	1880-е годы		Конец 1890-х — начало 1900-х годов					
				Черноземный регион		Центрально-Нечерноземный регион		Северо-Уральский регион	
		50% дворов	20% дворов	50% дворов	20% дворов	50% дворов	20% дворов	50% дворов	20% дворов
1	Население обоего пола	39,5	28,5	38,1	28,2	40,7	27,7	41,5	27,4
2	Надельная земля	35,5	32,0	—	—	32,2	29,2	29,8	40,3
3	Купчая земля	9,2	74,0	11,2	71,7	27,1	44,9	29,1	36,7
4	Арендованная земля	11,2	60,0	13,3	68,0	27,3	41,9	12,5	62,0
5	Сданная земля	80,0	7,0	58,1	16,3	65,5	20,7	66,8	9,1
6	Всего землепользования	24,1	43,3	—	—	31,1	35,8	25,1	41,0
7	Рабочий скот	18,5	47,0	19,0	45,9	29,5	35,9	25,4	40,4
8	Крупный рогатый скот	22,0	45,0	23,3	36,9	33,1	33,1	28,2	38,1
9	Площадь посева	21,2	47,0	17,5	50,1	26,2	40,6	18,7	48,6
10	Дворы с батраками	9,8	63,2	11,7	61,8	20,9	44,4	18,9	59,2
11	Нанято рабочих	—	—	8,3	72,8	22,0	46,7	18,7	56,9
12	Дворы с заработками	67,5	11,0	53,7	17,6	50,1	20,6	55,1	17,6
13	Торгово-промышленные заведения	21,8	47,8	27,3	37,3	29,5	42,0	28,1	40,3

* Черноземный регион: Епифанский уезд Тульской губернии; Кромский и Дмитровский уезды Орловской губернии; Гадячский уезд Полтавской губернии; Бердянский уезд Таврической губернии. Центрально-Промышленный регион: Ковровский, Переяславский, Покровский уезды Влидимирской губернии; Моложский, Мышкинский уезды Ярославской губернии; Калужский, Лихвинский, Перемышльский уезды Калужской губернии; Новоржевский уезд Псковской губернии; Тверской уезд. Северо-Уральский регион: Грязовецкий уезд Вологодской губернии; Слободской уезд Вятской губернии; Верхотурский, Ирбитский, Шадринский уезды Пермской губернии.

Данные по Черноземному району сопоставимы с данными, приведенными В. И. Лениным, и их сравнение позволяет проследить соответствующие изменения.

Разложение крестьянства Черноземного региона к началу XX в. по сравнению с 80-ми — началом 90-х годов заметно углубилось. Об этом свидетельствуют снижение доли беднейшего слоя и увеличение доли зажиточного слоя в посевах, главном компоненте земледельческого производства, которое было в черноземных губерниях основной отраслью крестьянского хозяйства. Доля беднейшего слоя в посевах снизилась с 21,2 до 17,5%, а доля зажиточных возросла с 47,0 до 50,1%. При примерно одинаковых долях каждой группы в общей численности населения в оба периода (беднейшая 39,5 и 38,1% и зажиточная 28,5 и 28,2%) отмеченные различия означали, что изменились не просто доли групп в посевах, но и общий уровень хозяйства групп, показателем которого являются размеры посевов на душу населения. Так, в первый период на единицу населения у зажиточных дворов приходилось посевов в 3,1 раза больше, чем у бедных, а во второй период уровень земледелия у зажиточных крестьян стал уже в 3,9 раза выше, чем у беднейших, и это при том, что доля групп по численности рабочего скота фактически не изменилась (18,5 и 19,0% у беднейших и 47,0 и 45,9% у зажиточных), а доля сдаваемой беднейшими крестьянами земли значительно сократилась (с 80,0 до 58,1%). Иначе говоря, экономическая поляризация высших и низших слоев деревни в сфере основной отрасли хозяйства углубилась.

Социальное положение в деревне в целом не изменилось: доля дворов с батраками, приходящаяся на крайние группы, осталась почти одинаковой.

Заметные изменения произошли в неземледельческой деятельности крестьян. С одной стороны, снизилась доля беднейших крестьян (с 67,5 до 53,7%) и возросла доля зажиточных (с 11,0 до 17,6%) в общем числе дворов с заработками. С другой стороны, наоборот, увеличилась доля беднейшего слоя (с 21,8 до 27,3%) и уменьшилась доля зажиточного (с 47,8 до 37,3%) в общем числе торгово-промышленных заведений. И то и другое свидетельствуют об активизации всех слоев крестьян Черноземного региона в различных сферах неземледельческой деятельности.

Сведения по Центрально-Нечерноземному и Северо-Уральскому регионам показывают, что разложение крестьян на рубеже XIX — XX вв. находилось здесь примерно на том же уровне, что и в черноземных губерниях. Беднейший слой деревни на 50% дворов концентрировал примерно 40% всего населения и лишь 25—30% землепользования и рабочего скота, 19—26% посевов и 50—55% дворов с заработками. На зажиточные слои при 27—28% населения приходилось 36—41% землепользования и рабочего скота, 41—49% посевов, 45—57% нанятых рабочих и 40—42% торгово-промышленных заведений.

При примерно одинаковой общей картине разложения крестьян в трех районах между ними существовали и различия. Для более конкретной характеристики хозяйства полярных слоев деревни рассмотрим сведения о размерах и уровне хозяйства беднейшего и зажиточного крестьянства в указанных районах на рубеже XIX—XX вв. (таблица 19).

Размеры хозяйства беднейших и зажиточных крестьян существенно различались. Как показывают данные в расчете на двор, зажиточная группа, имея населения на двор в 1,6—1,8 раза боль-

Таблица 19

Размеры и уровень хозяйства беднейшего и зажиточного крестьянства Европейской России на рубеже XIX—XX вв.

Номер показателя	Показатели	Крестьянство Черноземного региона		Крестьянство Центрально-Нечерноземного региона		Крестьянство Северо-Уральского региона	
		беднейшее	зажиточное	беднейшее	зажиточное	беднейшее	зажиточное
	На двор:						
1	Население обоего пола	5,1	9,4	5,0	8,4	4,4	7,2
2	Землепользование (дес.)*	3,5	20,0	7,0	20,7	9,4	30,1
3	Площадь посева (дес.)	3,1	21,8	1,6	6,3	2,2	14,3
4	Рабочий скот (голов)	0,6	3,5	0,6	1,7	0,9	3,5
5	Крупный рогатый скот	0,6	1,8	1,0	2,4	0,9	2,9
	На душу населения:						
6	Землепользование (дес.)	0,69	2,13	1,37	2,36	2,15	5,30
7	Площадь посева (дес.)	0,60	2,33	0,33	0,75	0,51	1,99
8	Рабочий скот	0,11	0,37	0,12	0,21	0,20	0,49
9	Крупный рогатый скот	0,11	0,19	0,20	0,29	0,20	0,41
	Доля в группах дворов, %:						
10	С наймом рабочих	2,8	36,3	2,6	14,0	2,3	17,7
11	С купчей землей	5,0	17,9	18,9	35,3	13,7	20,6
12	С заработками	60,5	49,3	81,9	83,3	72,0	56,9
13	С торгово-промышленными заведениями**	3,0	10,1	2,3	8,3	2,8	9,9
	На десятину землепользования:						
14	Рабочий скот (голов)	0,17	0,18	0,09	0,08	0,10	0,10
15	Крупный рогатый скот	0,17	0,09	0,16	0,14	0,09	0,08

* Данные о землепользовании в Черноземном регионе рассчитаны на основе сведений о посевах на рубеже XIX—XX вв. и данных о доле групп в посевах и землепользовании в 80-е годы XIX в.

** Указано процентное отношение числа торгово-промышленных заведений к числу дворов. Данные охватывают лишь 12 уездов из 21.

ше, чем беднейшие крестьяне, располагала втрое большими размерами землепользования и еще большим количеством скота и посевов. Различия между беднейшими и зажиточными слоями в сфере сельскохозяйственного производства в Черноземном и Северо-Уральском регионах были большими, чем в Центрально-Нечерноземном.

Существенными оказались и различия в общем уровне земледельческого производства полярных групп, показателем которого являются количество земли, скота и посевов на душу населения. Этот уровень и у зажиточных и у беднейших крестьян Северо-

Уральского и Черноземного регионов значительно выше, чем в Центрально-Нечерноземном регионе, что связано с определенным сворачиванием здесь земледельческого производства (размеры посевов на душу в обоих группах тут намного меньше, чем в других регионах) и развитием неземледельческих занятий крестьян.

Поляризация противоположных слоев деревни наиболее значительной была в целом в Черноземном районе, затем шел Северо-Уральский и Центрально-Нечерноземный регионы. Такое направление поляризации очевидно из того, что зажиточные крестьяне имели на душу населения больше, чем беднейшие, соответственно по указанным регионам: землевладения в 3,1, 2,5 и 1,7 раза; посевов в 3,9, 3,9 и 2,3 раза; рабочего скота в 3,4, 2,5 и 1,8 раза; крупного рогатого скота в 1,7, 2,1 и 1,5 раза. Конечно, тут надо иметь в виду, что в тех местностях, где получили развитие торговое скотоводство, огородничество, производство технических культур и другие высокотоварные отрасли хозяйства, разложение крестьян в конце XIX — начале XX в. было более глубоким и шло быстрее, чем среди обычной массы земледельческого крестьянства. Для 80-х годов XIX в. это наглядно показано В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» (глава IV).

Между полярными группами имелись не только экономические, но и существенные социальные различия. Главное различие состояло в том, что в группе зажиточных крестьян прослеживается четко выраженная тенденция к применению наемного труда. В Черноземном регионе 36,3%, в Северо-Уральском 17,7% и в Центрально-Нечерноземном 14,0% дворов зажиточной группы имели наемных рабочих. В данном случае учтены лишь дворы с постоянными наемными рабочими. Среди беднейших крестьян доля дворов с наемными рабочими во много раз меньше (2,3—2,8%), чем в зажиточной группе.

Доля дворов с торгово-промышленными заведениями также у зажиточных крестьян значительно больше, чем у беднейших, и примерно одинаковая у той и другой группы во всех трех регионах (у зажиточных 8—10% и у беднейших 2—3%).

Иным было положение с купчей землей. И у беднейших и у зажиточных крестьян Центрально-Нечерноземного региона доля дворов с купчей землей была намного больше, чем в Черноземном и Северо-Уральском регионах. Видимо, крестьяне Центрально-Нечерноземного региона располагали бо́льшими средствами для покупки земли от своих неземледельческих занятий. Косвенным подтверждением такого предположения является более широкое распространение здесь неземледельческих занятий.

Различного рода заработками, основным видом которых была работа по найму в промышленности и сельском хозяйстве, крестьяне Центрально-Нечерноземного региона занимались значительно шире, чем крестьяне Черноземного и Северо-Уральского регионов. Особенностью Центрально-Нечерноземного региона можно считать даже несколько более высокую долю дворов с заработками

у зажиточных крестьян (83,3%), чем у беднейших (81,9%), и намного большую, чем в Черноземном и Северо-Уральском регионах, хотя и в них она также весьма высокая (соответственно 49,3 и 56,9%). У беднейших крестьян Черноземного и Северо-Уральского регионов доля дворов с заработками также была очень высокая (60,5 и 72,0% дворов).

Широкое распространение заработков среди всех категорий крестьян показывает, каким образом преодолевалось то значительное аграрное перенаселение, которое наблюдалось в деревне в конце XIX — начале XX в. В деревне происходила не пауперизация, охватившая широкие массы крестьян из-за невозможности найти применение излишней рабочей силе, как полагают некоторые исследователи, а активное включение всех категорий крестьян в различного рода неземледельческие занятия, главным из которых вообще и для беднейших слоев деревни в первую очередь была работа по найму.

Количество рабочего и продуктивного скота в расчете на десятину землепользования отражает производственно-экономический уровень хозяйства беднейших и зажиточных слоев деревни. В целом количество и рабочего и продуктивного скота на десятину землепользования у беднейших и зажиточных крестьян всех трех регионов фактически было одинаковым (см. таблицу 19).

Крупного скота зажиточные крестьяне Черноземного региона имели даже меньше, чем беднейшие. Это, видимо, можно объяснить тем, что при специализации хозяйства на зерновом производстве внимание зажиточных крестьян к животноводству было ослаблено. Кроме того, в расчет не шел мелкий скот, которым зажиточные крестьяне были обеспечены лучше беднейших.

Таким образом, широкие по своему региональному размаху сведения подтверждают уже выявленную закономерность: в условиях развития в деревне товарно-денежных отношений все категории крестьян подчинялись единым требованиям, предъявляемым товарно-капиталистическим рынком. Суть этих требований состояла в том, что все типы хозяйств под воздействием конкуренции должны были организовывать производство, ориентируясь (разумеется, стихийно) на общественно необходимые затраты, определяемые условиями производства в соответствующих экономических регионах. Поэтому степень сходства производственно-экономического уровня разных типов хозяйств является показателем глубины связи их с рынком и подчиненности действовавшим на нем закономерностям, присущим товарно-капиталистическим отношениям. Как было показано на подворных данных, степень этой подчиненности рынку находит свое выражение не только в обеспеченности хозяйства различных слоев крестьянства производственными ресурсами в соответствии с размерами производства, но и во всем его внутреннем производственно-экономическом и социально-экономическое строе.

Для анализа внутреннего строя хозяйства беднейших и зажиточных крестьян по 20 уездам Черноземного, Центрально-Нечерноземного и Северо-Уральского регионов были выделены 15 показателей и выявлена теснота взаимосвязи между ними (таблица 20).

Количество населения на двор, отражающее обеспеченность крестьянского хозяйства трудовыми ресурсами, у беднейших крестьян имело слабую прямую взаимосвязь с размерами посева на двор (коэффициент 0,42). С другими признаками, характеризующими размеры хозяйства (показатели на двор) и его уровень (показатели на душу населения), численность населения не имела прямой взаимосвязи. Не было ее по этим показателям и в зажиточной группе крестьян. Следовательно, населенность дворов не влияла на размеры и уровень хозяйства в том смысле, что бóльшая населенность двора не сочеталась в целом с бóльшими размерами хозяйства и более высоким его уровнем.

У беднейших и зажиточных крестьян существовала слабая обратная взаимосвязь между населенностью двора и размерами землепользования на душу (—0,41 и —0,56). Там, где численность семей была больше, размеры душевого землепользования были меньше. У зажиточных крестьян имелась обратная и достаточно тесная (—0,63) взаимосвязь между количеством населения на двор и численностью продуктивного скота на душу. Это значит, что в местностях с наиболее высокой обеспеченностью коровами (прежде всего в районах молочного животноводства) были самые небольшие размеры семей.

Размеры и уровень крестьянского сельскохозяйственного производства характеризуются сведениями о землепользовании, посевах, рабочем и продуктивном скоте. Между этими показателями в расчете и на двор и на душу существовала положительная и в целом тесная взаимосвязь.

Сопряженность основных компонентов крестьянского хозяйства не ограничивалась лишь их взаимосвязью в показателях «двор», «душа населения». Имелась взаимосвязь между показателями и в расчете на двор и на душу.

В данном случае ярко подтверждается то выявленное В. И. Лениным положение, что в крестьянском хозяйстве общий уровень развития сельскохозяйственного производства (показатели на душу населения) определяется прежде всего размерами этих хозяйств (показатели на двор).

Совокупная взаимосвязь всей системы основных признаков, характеризующих структуру крестьянского сельскохозяйственного производства (признаки 2—9, см. таблицу 20), равнялась у беднейшего слоя 0,66, а у зажиточных крестьян 0,77. Иначе говоря, сбалансированность основных компонентов сельскохозяйственного производства была у обоих слоев крестьянства весьма тесной.

Тесно сбалансированная внутренняя структура хозяйства и низших и высших слоев деревни на обширном пространстве Евро-

Таблица 20

Внутренний строй хозяйства беднейших и зажиточных крестьян нечерноземных и черноземных районов Европейской России на рубеже XIX—XX вв. (коэффициент корреляции 0, ... В поддиагональной части — беднейшие, в надиагональной части — зажиточные крестьяне)*

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
	На двор:															
1	Население	×	—	—	—	—	—56	—	—	—63	—	—	—45	—	64	—
2	Землепользование	—	×	78	85	43	95	89	89	48	—	—57	н/с	—54	—	—
3	Площадь посева	42	50	×	59	—	61	98	80	—	80	—62	—	—	—	—
4	Рабочий скот	—	59	68	×	—	74	93	96	—	59	—62	—	—	—	—
5	Продуктивный скот	—	58	—	64	×	47	—	—	93	—	—	—	—	—	—
	На душу:															
6	Землепользование	—41	97	43	55	43	×	78	87	63	—	—51	н/с	—	—47	—
7	Площадь посева	—	63	96	68	—	61	×	87	—	74	—64	—	—	—	—
8	Рабочий скот	—	62	59	96	58	64	67	×	×	46	59	—	—43	—	—
9	Продуктивный скот**	—	64	—	59	94	58	—	62	×	—	—	41	—	—	—
	Доля в группах дворов, %:															
10	С наймом рабочих	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—58	—	82	42	—
11	С заработками	—	—	—54	—	—	—	—62	—	—	×	×	—	—	—	—
12	С торгово-промышленными заведениями	—	н/с	—	—	—46	—	—	—	—	93	—	×	н/с	н/с	—
	Доля земли, %:															
13	Купчая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	78	—	н/с	×	48	73
14	Арендованная	45	—52	—	—48	—	—59	—	59	—	—	—	н/с	58	×	—
15	Сданная	—	—48	—	—	—	—47	—	—	—	—	—54	н/с	—	—	×

* Знак «—» означает отсутствие взаимосвязи между признаками, а знак «н/с» — отсутствие необходимых сведений для вычисления коэффициента корреляции.

** Здесь учтен лишь крупный скот, подавляющую часть которого составляли коровы.

пейской России свидетельствует о глубоком вовлечении всех категорий хозяйств в общую для страны систему товарно-капиталистического производства. Тут естественно возникает вопрос, насколько различалась эта вовлеченность на беднейшем и зажиточном полюсах деревни, какие различия имелись в их внутреннем строе.

Выявленные корреляционным анализом показатели сопряженности компонентов хозяйства беднейших и зажиточных крестьян дают возможность установить эти различия.

У беднейших крестьян 20 уездов Европейской России применение наемного труда имело положительную и тесную взаимосвязь с долей дворов с торгово-промышленными заведениями (0,93) и с долей дворов, владевших купчей землей (0,78), и не было связано с признаками, характеризующими размеры и уровень сельскохозяйственного производства. У зажиточных крестьян, наоборот, размах применения наемных рабочих коррелировал не очень тесно с количеством рабочего скота на двор (0,59) и на душу населения (0,46), очень тесно с размерами посевов (соответственно 0,80 и 0,74) и долей купчей земли (0,82). Следовательно, у зажиточного слоя деревни применение наемного труда было обусловлено прежде всего размерами и уровнем земледельческого производства, основной отрасли хозяйства, и распространением в полной мере свободной формы крестьянского землевладения, долей купчих земель.

Доля дворов с заработками у беднейших крестьян имела обратную взаимосвязь с размерами посевов на двор (—0,54) и душу (—0,62) и долей сданной земли (—0,54), то есть у беднейших крестьян распространение работы по найму оказалось шире там, где меньше размеры посевов и где крестьяне меньше сдавали земли. Следовательно, чем шире беднейшие крестьяне были вовлечены в заработки вне своего хозяйства, тем меньше они сдавали земли. Работа по найму здесь была источником поддержания земледельческого производства.

У зажиточных крестьян доля дворов с заработками была обратно взаимосвязана с обеспеченностью крестьян землей, рабочим скотом и размерами посевов (см. в таблице 20 взаимосвязь признака 11 с 2—4 и 6—8). У зажиточных крестьян с меньшими размерами земледельческого производства образовывался избыток рабочей силы, которая и поглощалась заработками.

Доля дворов с торгово-промышленными заведениями у беднейших крестьян имела обратную слабую взаимосвязь с количеством продуктивного скота на двор (—0,46) и тесную прямую взаимосвязь с распространением найма (0,93), то есть среди этого слоя крестьян торгово-промышленная деятельность была шире распространена там, где не получило развития торговое (молочное) животноводство и выше был общий уровень развития капитализма в крестьянском хозяйстве, который в большой мере определялся выделением из беднейших земледельцев-крестьян владельцев торгово-промышленных заведений. У зажиточных крестьян торгово-промышленная деятельность была более распространена там, где меньше была населенность дворов (связь между долей дворов с торгово-промышленными заведениями и количеством населения на двор — 0,41) и выше был уровень животноводства (связь с количеством продуктивного скота на душу равна 0,41). Иначе говоря, у зажиточного слоя крестьян торгово-промышленная деятельность развивалась там, где условия для земледелия оказались менее благоприятными.

Доля купчей земли по отношению к наделу у беднейших крестьян была больше там, где выше доля дворов с наемными рабочими (коэффициент равен 0,78) и где выше доля арендованной земли по отношению к наделу (0,58). Формирование свободного землевладения стимулировалось более широким размахом применения наемного труда.

У зажиточных крестьян доля купчих земель наиболее значительна там, где у крестьян меньше размеры землепользования на двор (—0,54), и особенно, где более широко распространилось применение наемного труда (0,82), а также, что весьма интересно, где доля сданной ими земли была выше (0,73). Иначе говоря, свободное буржуазное землевладение на зажиточном полюсе деревни имело тесную связь с развитием капиталистических отношений и стимулировалось стремлением расширить землепользование, а сами купчие земли использовались не только в хозяйстве зажиточных крестьян, но и сдавались в аренду другим крестьянам. При сдаче купчей земли зажиточный крестьянин выступал как рантье, получавший земельную ренту.

Аренда земли у беднейших крестьян была шире распространена там, где обеспеченность землей и рабочим скотом на душу населения была ниже. Совокупная средняя взаимосвязь свидетельствовала, следовательно, о том, что аренда земли у беднейших крестьян была арендой потребительской, арендой из нужды, поскольку землю арендовали прежде всего наиболее малоземельные и плохообеспеченные лошадьми крестьяне. Зажиточные крестьяне арендовали землю больше там, где выше была населенность дворов (0,64), где меньше было землепользования на душу (—0,47), больше была доля дворов с наймом (0,42%) и выше доля купчих земель по отношению к наделу (0,48). Здесь очевиден предпринимательский характер аренды. Так как почти повсеместно зажиточные крестьяне арендовали подавляющую часть земли (см. таблицу 18), то по площади арендованных земель безусловно преобладала аренда предпринимательская.

Беднейшие дворы больше сдавали земли там, где меньше были размеры землепользования на двор и душу (—0,48 и —0,47) и меньше доля дворов с заработками (—0,54), то есть землю сдавали прежде всего те среди наиболее малоземельных беднейших крестьян, которые меньше были втянуты в работу по найму. Эту группу можно считать наиболее бедствующей частью даже среди беднейших крестьян.

У зажиточных крестьян доля сданной земли имела прямую

взаимосвязь лишь с долей купчих земель (0,79), то есть зажиточные крестьяне сдавали прежде всего покупные земли, что служило, как уже указывалось, одним из источников их доходов.

Как видим, во внутреннем строе хозяйства беднейших и зажиточных крестьян были и весьма существенные различия.

Посмотрим теперь, что представляла структура крестьянского хозяйства рассматриваемых уездов в ее целом, то есть применительно ко всем типам крестьянских хозяйств (беднейших, средних и зажиточных). Для этого были вычислены коэффициенты корреляции по той же совокупности признаков, что и для беднейшего и зажиточного крестьянства. Они показывают, что основные производственные компоненты крестьянского хозяйства были тесно взаимосвязаны (таблица 21).

Средний коэффициент, выведенный из 15 показателей, равняется 0,85, то есть, как и в бюджетных данных, он несколько вы-

Таблица 21

Внутренний строй хозяйства всех типов крестьянских хозяйств на рубеже XIX—XX вв. (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5	6
	На двор:						
1	Площадь посева (дес.)	×					
2	Рабочий скот	83	×				
	На душу:						
3	Площадь посева (дес.)	97	87	×			
4	Рабочий скот	69	95	79	×		
5	Сданная земля, % к наделу	85	81	91	79	×	
6	Арендованная земля, % к наделу	86	78	91	74	98	×

ше среднего коэффициента по зажиточному слою крестьянства (0,77). Кроме указанных взаимосвязей, о буржуазной структуре крестьянского хозяйства свидетельствует и то, что доля дворов, применявших наемный труд, была больше там, где у крестьян больше имелось купчих земель (0,51) и особенно дворов с торгово-промышленными заведениями (0,80). Доля дворов с заработками была выше там, где размеры посева на душу были меньше (—0,52), то есть там, где крестьяне (беднейшие слои деревни) не имели возможности расширять свое земледельческое производство.

Следовательно, и поуездные данные показывают, что социально-экономический строй крестьянского хозяйства, степень развития в деревне буржуазных отношений могут быть выявлены не только по данным о разных типах крестьянских хозяйств, но и по сводным данным, охватывающим все слои крестьянства. В этом своем выражении структура крестьянского хозяйства определялась прежде всего социально-экономическим строем зажиточного крестьянства, которое имело наиболее тесные связи с рынком. По-

этому условия производства зажиточного слоя деревни и определяли те общественно необходимые условия, соблюдать которые вынуждены были и другие слои деревни.

Таким образом, товарно-капиталистические тенденции развития разных слоев крестьянства, выявленные на ограниченных данных бюджетных подворных сведений, полностью подтверждаются сводными уездными данными, охватывающими различные регионы Европейской России. Разумеется, и здесь количественные показатели этого развития нельзя экстраполировать на всю территорию тех районов, которые были исследованы, но выражаемая ими буржуазная суть внутреннего строя крестьянского хозяйства, несомненно, была присуща в той или иной степени всем изучаемым районам.

●

Сводные уездные данные при соответствующей обработке позволяют выявить и те местности, в которых буржуазное развитие крестьянского хозяйства достигло наивысшего уровня и где этот уровень оказался особенно низким.

Из совокупности признаков, характеризующих беднейший и зажиточный слои крестьянства, было отобрано 13 показателей: данные о посевах, рабочем и продуктивном скоте (в расчете на двор и душу населения), сведения о численности населения на двор, о доле каждой из групп в общем числе населения, посевов, рабочего и продуктивного скота, о количестве рабочего и продуктивного скота (на десятину посева), которые могут служить основными показателями размеров крестьянского хозяйства, его производственно-экономического уровня и удельного веса беднейшего и зажиточного слоев крестьян в общем объеме крестьянского производства.

Затем методом главных компонент по каждой группе хозяйств выделено по 3 фактора, интегрально характеризующих крестьянское хозяйство.

У зажиточных крестьян *первый фактор* характеризовался такими признаками (в скобках указана теснота связи признака с фактором):

1 — посев на душу населения (0,315), 2 — посев на двор (0,295), 3 — доля группы в продуктивном скоте (0,252) и 4 — доля группы в посевах (0,212). По содержанию этот фактор отражает размеры и уровень земледельческого производства и их место в сельскохозяйственном производстве всех крестьян.

Второй фактор раскрывают такие признаки:

1 — доля группы в рабочем скоте (0,444), 2 — количество рабочего скота на двор (0,381) и 3 — количество рабочего скота на душу (0,337). Этот фактор отражает производственно-технический (точнее, энергетический) уровень земледелия.

Третий фактор включает:

1 — доля группы в продуктивном скоте (0,408) и 2 — доля про-

дуктивного скота на душу (0,303). Третий фактор характеризует уровень развития скотоводства у зажиточных крестьян и их место в данной отрасли.

Все 9 показателей объясняют состояние хозяйства зажиточных крестьян (при характеристике по 13 указанным признакам) на 82,9%.

У беднейших крестьян *первый фактор* включает: 1 — рабочий скот на двор (0,402), 2 — рабочий скот на душу (0,390) и 3 — рабочий скот на десятину посева (0,235). Первый фактор отражает производственно-технический уровень земледелия у беднейших крестьян.

Второй фактор включает: 1 — посев на двор (0,452), 2 — доля группы в населении (0,320) и 3 — численность населения на двор (0,234). Это трудовые ресурсы и размеры земледелия у беднейших крестьян.

Третий фактор включает: 1 — продуктивный скот на душу (0,350) и 2 — продуктивный скот на двор (0,218). Эти признаки характеризуют размеры и уровень скотоводства. Три фактора имеют вес, равный 82,8%.

Примечательно, что сущность внутреннего строя и зажиточного и беднейшего крестьянства характеризуется в общем одними и тем же факторами. Только у зажиточных крестьян основное место в их хозяйстве занимали размеры и уровень земледельческого производства, которые оказывали заметное влияние на сельское хозяйство, а у беднейших крестьян производственный уровень имел ведущее значение и определял наряду с трудовыми ресурсами размеры земледельческого производства.

По трем указанным факторам в каждой группе вошедшие в анализ 19 уездов (из факторного анализа исключен Слободский уезд Вятской губернии из-за пробелов в сведениях) получили свой индекс, который показывает уровень их сравнительного развития по данному фактору. Средний уровень этого развития равен нулю, положительные индексы характеризуют уровень развития выше среднего, а отрицательные индексы показывают, что уровень развития ниже среднего (таблица 22). Поскольку все выделенные факторы характеризуют производственно-экономический строй крестьянского хозяйства, их индексы можно суммировать. Полученный таким образом совокупный интегральный индекс отражает общий производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства зажиточной и беднейшей групп в каждом уезде.

Указанные индексы дают возможность выявить уровень развития хозяйства зажиточных и беднейших крестьян по каждому аспекту, характеризуемому выделенными факторами. Так, например, размеры и уровень земледельческого производства (первый фактор) у зажиточных крестьян были наиболее высокими в Бердянском (5,38) и Шадринском (4,76) уездах, а наиболее низкими — в Гадячском (—3,24) и Тверском (—3,11) уездах. Производственно-технический (энергетический) уровень у беднейших крестьян (первый фактор) был самым высоким в Калужском (4,54) и

Перемышльском (4,27) уездах, а наиболее низким в Шадринском (—3,78) и Бердянском (—3,45) уездах.

Наибольший интерес представляет выявление тех районов, где разложение крестьянства, а следовательно, и общий уровень развития в деревне буржуазно-капиталистических отношений достигли наибольшей глубины и где разложение крестьянства было ме-

Таблица 22

Уровень хозяйства зажиточных и беднейших крестьян черноземных и нечерноземных уездов на рубеже XIX—XX вв.

Номер	Уезд	Группы зажиточных крестьян				Группы беднейших крестьян			
		I	II	III	I—III	I	II	III	I—III
1	Бердянский	5,38	1,56	1,14	8,08	—3,45	2,91	—1,60	—2,15
2	Гадячский	—3,21	4,82	2,79	4,37	0,90	—3,78	0,30	—2,58
3	Кромский	0,70	0,81	—1,06	—0,45	—1,50	0,83	0,64	—0,03
4	Дмитровский	0,28	1,90	—1,84	0,34	—1,03	0,50	0,99	0,46
5	Епифанский	1,00	1,54	—2,51	0,03	—2,81	—1,32	3,51	—0,62
6	Калужский	—2,56	—0,53	0,28	—2,81	4,54	0,92	—0,10	5,36
7	Перемышльский	—2,61	1,08	—0,05	—1,58	4,27	1,06	0,98	6,31
8	Лихвинский	1,40	0,30	—1,29	—2,39	2,93	1,61	—0,39	4,15
9	Тверской	—3,11	—1,09	—0,38	—5,08	2,51	0,78	—0,94	2,35
10	Новоржевский	—0,52	0,15	0,22	—0,15	0,51	0,17	—0,08	0,60
11	Покровский	0,16	—1,46	—0,36	—1,66	0,24	—1,16	—0,32	—1,24
12	Переяславский	1,09	0,09	—0,71	0,47	0,83	—0,26	0,14	1,71
13	Ковровский	0,27	—0,70	—0,20	—0,63	—0,70	0,43	0,32	—0,81
14	Моложский	—0,43	—2,14	—0,11	—2,68	—0,18	—1,07	—0,17	—1,42
15	Мышкинский	—2,17	—2,26	0,95	—3,48	1,06	1,13	—0,53	1,66
16	Грязовецкий	—0,63	—2,51	1,92	—1,22	—1,50	—0,70	—0,25	—2,45
17	Ирбитский	2,41	—0,71	0,13	1,83	—2,06	2,21	—0,25	—4,52
18	Верхнетурский	2,80	—1,99	1,32	3,04	—0,78	—4,80	—2,46	—8,04
19	Шадринский	4,76	0,15	0,35	5,26	—3,78	1,44	—0,77	—3,11

нее глубоким. Анализ суммарных индексов дает возможность ответить на этот вопрос.

Наиболее глубоким процесс обуржуазивания крестьян, выделения из среды зажиточного крестьянства хозяйств фермерского типа был естественно в уездах с наиболее высоким общим производственно-экономическим уровнем крестьянского хозяйства. Это прежде всего Бердянский (суммарный индекс 8,08) и Шадринский (5,26) уезды, затем шли Гадячский (4,37) и Верхнетурский (3,04) уезды.

Степень пролетаризации беднейшего земледельческого крестьянства была наибольшей в тех уездах, где производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства был наименьшим. Это уезды Верхнетурский (—8,04), Ирбитский (—4,52) и Шадринский (—3,11).

Таким образом, как отмечал В. И. Ленин, имеются местности, которые характеризуются либо преимущественным выделением из среды крестьян мелких аграриев-капиталистов, либо сельских пролетариев.

С помощью факторного анализа можно отметить и такие уезды, где наибольшей глубины достигли оба процесса, то есть выделить местности с наиболее глубоким общим разложением крестьян и развитием капитализма в деревне. К ним относятся такие уезды, в которых производственно-экономический уровень хозяйства зажиточных крестьян был самым высоким, а экономический уровень хозяйства беднейших крестьян оказался самым низким. Иначе говоря, это уезды, где богатые крестьяне были наиболее богатыми, а бедные крестьяне наиболее бедными. Показателем развития указанного процесса являются абсолютные суммы наиболее высоких общих индексов зажиточных крестьян и наиболее низких индексов беднейших крестьян. К числу таких уездов относились Верхнетурский, имеющий по модулю индекс, равный 11,08 (3,04+ +|—8,04|), Бердянский с модульным индексом 10,23 (8,08+ +|—2,15|) и Шадринский с модульным индексом 8,37 (5,26+ +|—3,11|). Как видим, к районам наиболее глубокого разложения крестьян на рубеже XIX—XX вв., как и в 80-х годах XIX в.[16], относились Степной Юг и Приуралье. Следует также отметить, что в Бердянском и Шадринском уездах общая глубина разложения крестьянства определялась прежде всего состоятельностью зажиточного слоя крестьян, а в Верхнетурском уезде — пролетаризацией беднейшего крестьянства.

Наряду с местностями, отличавшимися наиболее глубоким общим разложением крестьян, выделяются и уезды, где глубина такого разложения была наименьшей. Здесь общий производственно-экономический уровень хозяйства зажиточных крестьян был наиболее низким, у беднейших крестьян этот уровень был наиболее высоким. К таким местностям относятся уезды: Калужский, где модульный индекс равнялся 8,17(|—2,81|+5,36), Тверской с модульным индексом 7,43 (|—5,08|+2,35), Лихвинский с индексом 6,54(|—2,39|+4,15) и Мышкинский с индексом 5,14 (|—3,48|+1,66). Все это уезды Нечерноземной полосы, в которых земледельческое производство, основная отрасль крестьянского хозяйства, в целом было наименее развито, исключая его специальные торговые отрасли (технические культуры, картофель и т. д.), развитие которых не отражено в использованных данных. Не отражены в них должным образом и неземледельческие занятия крестьян. Поэтому указанные уезды являются местностями с наименее глубоким разложением земледельческого крестьянства, а не с разложением крестьян вообще. Общий более низкий уровень разложения крестьян характеризовался в Тверском и Мышкинском уездах прежде всего тем, что здесь был наиболее низким общий производственно-экономический уровень хозяйства зажиточных крестьян, а в Калужском и Лихвинском уездах расслоение крестьянства определялось тем, что в этих уездах был самый высокий уровень хозяйства беднейших крестьян, то есть в Тверском и Мышкинском уездах богатые крестьяне были наименее богаты, а в Калужском и Лихвинском уездах бедные крестьяне наименее бедны.

Таким образом, факторный анализ открывает широкие возможности для интегральной оценки уровня развития крестьянского хозяйства в отдельных его проявлениях и в целом, а также и для выявления региональных различий в уровне развития этого хозяйства, глубине разложения крестьян и развития в деревне буржуазно-капиталистических отношений.

●

Итак, существует обширный арсенал методов изучения внутреннего социально-экономического строя различных типов крестьянских хозяйств на основе первичных (подворных), а также пространственно-сводных (на уровне селений, волостей и уездов) данных. Такой анализ является наиболее эффективным при применении совокупности разных методов, что позволяет путем сопоставления результатов, полученных разными методами, наиболее адекватно раскрыть присущие этому строю черты и закономерности функционирования и развития. Однако следует подчеркнуть, что при всей эффективности математико-статистических методов по сравнению с традиционными методами, основанными на описательном подходе и применении простейших приемов количественной обработки статистических данных, ни в коей мере не следует недооценивать традиционные методы. Как было показано на примере обработки сведений бюджетных обследований, при соответствующем выборе анализируемых признаков и способов их измерения и на основе традиционного подхода могут быть получены существенные и новые исследовательские результаты. Успех здесь определяется, как и при применении любых методов, глубиной теоретико-методологического проникновения в суть изучаемых явлений и процессов.

В целом при анализе социально-экономического строя различных типов крестьянских хозяйств как по первичным, так и по сводным данным было установлено, что функционирование всех типов крестьянских хозяйств подчинено объективным закономерностям, присущим товарно-капиталистическому производству. Эти закономерности вынуждали всех крестьян вести хозяйство с учетом общественно необходимых условий и требований. В соответствии с законами товарно-капиталистического рынка крестьяне на равные расходы в целом получали и одинаковые доходы. В этом смысле все типы крестьянских хозяйств, имеющих собственное производство, были буржуазными, прежде всего мелкобуржуазными, ибо у подавляющей части крестьян их производство основывалось на собственном труде.

Однако единство основных черт социально-экономического строя всех типов крестьянских хозяйств сочеталось с существенными различиями в этом строе у высших и низших слоев деревни и с разными перспективами развития их хозяйства. Хозяйство зажиточных крестьян было *товарно-предпринимательским*, а у беднейших крестьян хозяйство имело *товарно-потребительский*

характер. Развитие хозяйства зажиточных крестьян в основном определялось закономерностями товарно-капиталистического производства, требованиями непрерывного совершенствования и рационализации производства. Зажиточные крестьяне достигали эффективности производства путем его расширения, применения наемного труда, сочетания сельскохозяйственного производства с торгово-промышленной деятельностью, все более широкого включения в различного рода заработки вне своего хозяйства, в том числе и работу по найму, поскольку при низкой норме сельскохозяйственной прибыли занятия ими экономически было вполне оправдано. Разумеется, далеко не всем зажиточным крестьянам удавалось устоять во все обостряющейся конкуренции. Отсюда неизбежное и естественное в условиях капитализма сокращение этого слоя.

Развитие сельскохозяйственного производства у беднейшего крестьянства на рубеже XIX—XX вв. также подчинялось законам товарно-капиталистического рынка. Однако хозяйство беднейших крестьян приспосабливалось к этим законам иными путями, чем хозяйство зажиточных крестьян. Беднейшие крестьяне осуществляли сельскохозяйственное производство на уровне общественно необходимых требований не столько в результате его рациональной организации на основе затраты средств, добытых в форме самой сельскохозяйственной деятельности, сколько путем чрезмерного напряжения собственного труда и вложения в сельское хозяйство дополнительных средств, полученных ими вне его пределов, прежде всего работой по найму.

Та же сфера социально-экономических отношений на беднейшем полюсе деревни, которая не была заполнена отношениями, присущими товарно-капиталистическому производству, несомненно, была ареной активной деятельности соседнего помещика, купца и односельчанина — ростовщика или кулака из среды зажиточного крестьянства. Навязываемые ими беднейшему крестьянину, нуждавшемуся в земле, деньгах или хлебе, отношения были экономически неэквивалентны.

Существенные различия во внутреннем строе хозяйства и положении различных слоев крестьянства определили и различные тенденции в их развитии. В условиях все углубляющейся конкуренции лишь наиболее состоятельный слой крестьян имел возможность повышать производственно-технический уровень хозяйства и производительность труда и тем самым устоять в конкуренции. У беднейших слоев деревни хозяйство неминуемо снижало свой уровень и шло к разорению, ибо возможности для интенсификации и напряжения своего труда были ограниченными, а ресурсы для повышения производственно-технического уровня хозяйства либо были мизерными, либо вовсе отсутствовали. Это хозяйство могло отодвинуть на какой-то период свое окончательное разорение путем сокращения размеров производства и привлечения средств, добытых вне собственного хозяйства, что позволяло обеспечить необходимые условия его ведения. Но конечная перспектива такого хозяйства была одна — разорение. В условиях товарно-капиталистического производства ярко проявлялась та тенденция в развитии крестьянского хозяйства, которая выражалась в возвышении небольшого слоя состоятельных хозяйств и в падении массы слабых хозяйств, в поглощении мелких хозяйств крупными. В деревне неумолимо проявлял себя закон «большей продуктивности, а следовательно, и большей устойчивости крупных крестьянских хозяйств», который вел «к вытеснению среднего и бедного крестьянства крестьянской буржуазией»[17].

Разумеется, вопрос о том, в какой мере указанные черты и тенденции были присущи всему крестьянскому хозяйству России, каковы были пространственные и временные особенности буржуазной эволюции крестьянского хозяйства в эпоху капитализма, требует специального и систематического конкретно-исторического освещения.

В плане перспектив такого изучения, кроме уже отмеченной необходимости сочетания различных методов анализа социально-экономического строя крестьянского хозяйства, принципиально важное значение имеет источниковедческий и методологически-методический итог, полученный в результате анализа этого строя у различных типов крестьянских хозяйств. Он состоит в том, как было показано, что социально-экономический строй, степень буржуазного развития крестьянского хозяйства можно успешно исследовать не только по конкретно-историческим данным, характеризующим разные типы крестьянских хозяйств, но и крестьянское хозяйство в целом, без выделения в его среде различных слоев. Это позволяет радикально расширить информационную основу и возможности изучения буржуазного развития деревни.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 191.

[2] Там же. С. 213.

[3] Развернутая характеристика бюджетных обследований крестьян дана в работах: Чаянов А., Студенский Г. История бюджетных исследований. 2-е изд. М., 1922; Чаянов А. В. Бюджетные исследования: История и методы. М., 1929; Корневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954 и др.

[4] Здесь прежде всего необходимо отметить работу П. Г. Рындзюнского «Экономический строй крестьянского хозяйства России в пореформенное время» (ВИ. 1971. № 11).

[5] Итоги оценочно-статистического обследования Пензенской губернии 1909—1913 гг. Сер. III. Ч. III. Вып. 1. Пенза, 1923.

[6] См.: Щербина А. Ф. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.

[7] См.: Ковальченко И. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма // История СССР. 1983. № 5.

[8] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 96.

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 329.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 117.

[11] О сути и методах многомерного анализа см.: Математические методы в исторических исследованиях: Учебное пособие. М., 1984. Гл. 10; Бородкин

кин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

[12] См., например: Развитие сельских поселений: (Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов). М., 1977; Социально-демографическое развитие села. Региональный анализ. М., 1980; Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.: (Опыт многомерного количественного анализа)// История СССР. 1979. № 1; Миркин Б. Г. Группировки в социально-экономических исследованиях. М., 1985 и др.

[13] См.: Ковальченко И. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1983. № 5. С. 56.

[14] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. Гл. II. С. 61—180.

[15] В выявлении этих материалов и их первоначальной сводке нам оказал помощь Л. В. Разумов.

[16] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 131—132.

[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 66.

Глава 4
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ПО СВОДНЫМ ДАННЫМ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ

§ 1. Сравнительный анализ размеров и уровня крестьянских хозяйств в полярных группах уездов, волостей и общин

В этой главе мы стремились показать возможность использования сводных нерасчлененных данных земских подворных переписей для анализа социально-экономической дифференциации крестьянских хозяйств Центрально-Черноземного региона в процессе развития капитализма в аграрных отношениях.

В тех случаях, когда невозможна группировка собственно крестьянских дворов, выявить отличительные черты различных социально-экономических типов крестьянских хозяйств возможно на основе их регионально-пространственной типизации, то есть сгруппировав данные на уровне территориальных единиц, отличающихся условиями и характером аграрного развития. Одним из основных направлений изучения структуры сельского хозяйства является районирование. Выделяя на основе географических или экономических признаков (а также их различных сочетаний) однородные совокупности территориально-смежных единиц, большинство исследователей рассматривают эти местности как определенные стадии, или зоны эволюции сельского хозяйства[1]. Наряду с широко распространенной крупномасштабной типизацией в пределах всей Европейской России на уровне губерний и уездов в литературе встречаются, хотя и значительно реже, опыты группировки мелких территориальных единиц — волостей, общин, селений[2].

В ряде случаев такие исследования выходят за рамки традиционных работ по сельскохозяйственному районированию, по-

скольку их авторы выделяют группы общин, не учитывая принцип территориальной смежности, а исходят главным образом из общности экономических и исторических условий развития крестьянских хозяйств. Пожалуй, наибольший интерес представляют опыты группировки общин на основе таких критериев, как расстояние от рынка сбыта сельскохозяйственной продукции[3], доля маломощных дворов в общине[4], организационно-производственные типы сельского хозяйства[5] и др. Однако большинство дореволюционных исследователей группировали общины, как правило, по размерам надельного землевладения и предназначали такие группировки прежде всего для изучения общеэкономических условий развития различных общин в той или иной местности, а не для анализа буржуазного расслоения крестьянства внутри общины. В соответствии с теорией социальной однородности крестьянства они понимали процесс его дифференциации в основном как образование имущественных прослоек в среде однородного в социально-экономическом плане трудового «народного производства» и рассматривали крестьянскую общину как самую мелкую не только территориальную, но и хозяйственную единицу[6].

Принципиально иной подход к группировке территориальных единиц выдвинут в работах советских историков-аграрников. В отличие от дореволюционных исследователей они используют территориальные группировки для того, чтобы заглянуть внутрь крестьянского мира, выявить существенные различия в социально-экономической структуре крестьянских хозяйств, обусловленные формированием в его среде новых классов капиталистического общества. Пространственная типизация производственных и социально-экономических форм сельского хозяйства и крестьянского хозяйства в частности, по существу, выступает в качестве одного из методов стадиально-типологического изучения развития капитализма в аграрных отношениях.

В последние годы вопросы аграрной типологии занимают все больше места в исследованиях буржуазной эволюции сельского хозяйства в пределах всей Европейской России (на уровне губерний и уездов)[7], а также ее микрорегиональных особенностей, то есть на уровне отдельных волостей и общин[8].

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, советские историки рассматривают совокупности территориальных единиц, отличающиеся масштабами и характером развития товарно-денежных и капиталистических отношений, как различные варианты (или стадии) буржуазной аграрной эволюции.

Формируя совокупности волостей и общин, в которых крестьянские дворы одного социально-экономического типа составляют большинство или преобладают экономически, исследователи прибегают к различным принципам их группировки, исходя из набора показателей источника и специфики развития крестьянского хозяйства в той или иной местности.

Обычно группировочными признаками служат показатели, которые отражают не только производственный потенциал кресть-

янского хозяйства, но и содержат информацию о его социально-экономическом строе: объем товарной продукции, доля купчей земли от надельной, удельный вес хозяйств без лошади и коровы и, напротив, доля зажиточных многолошадных и многокоровных дворов, а также их соотношение и др. Стремясь по возможности учесть многообразие условий развития крестьянского хозяйства в той или иной местности и достигнуть за счет этого максимальной поляризации селений, исследователи обычно используют комбинацию двух или нескольких группировочных признаков. В последнее время созданы также многомерные группировки территориальных единиц с помощью методов факторного анализа[9].

Таким образом, к настоящему времени наметился новый подход к использованию территориальных сводок для анализа буржуазной эволюции крестьянского хозяйства. На его основе уже получены первые конкретно-исторические результаты. Однако у исследователей до сих пор нет полного и четкого представления об информационных возможностях территориальных сводок, о том, могут ли они в какой-то мере восполнить отсутствие подворных сведений, при анализе каких проблем сводный характер такого источника не позволяет ему служить адекватной заменой похозяйственным группировкам и, напротив, в каких случаях интегральность территориальных таблиц является их несомненным достоинством и т. д. Мы рассмотрим эти вопросы на основе территориальных сводок земских переписей крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона.

Черноземный центр избран в качестве объекта анализа по той причине, что по сравнению с другими районами России он отличался относительно низким уровнем и замедленными темпами развития аграрного капитализма вообще и в крестьянском хозяйстве в особенности. Сильные остатки крепостничества тормозили процесс буржуазной дифференциации крестьянства, под гнетом феодальных пережитков снижался общий уровень крестьянских хозяйств, деформировалась их структура, нивелировались различия в хозяйственной состоятельности крестьянских дворов. Если нам удастся проследить качественные отличия нескольких социально-экономических типов крестьянских хозяйств на материалах Центрально-Черноземного региона, то можно полагать, что в местностях с более высоким уровнем развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве подобные различия обнаружатся еще рельефнее.

Чтобы получить оптимальную группировку территориальных единиц, раскрывающую общие закономерности и региональные особенности социального расслоения крестьянства, мы группировали данные на всех уровнях сводки, постепенно спускаясь от уездного уровня через волостной до самой мелкой административно-территориальной единицы — общины. Анализ крестьянского хозяйства проводился в двух основных направлениях: с одной стороны, мы изучали качественные отличия в структуре различных социально-экономических типов крестьянских дворов, а с

другой стороны, стремились оценить общий уровень развития аграрного капитализма в крестьянском хозяйстве Центрально-Черноземного региона.

Чтобы заглянуть внутрь крестьянского мира и проследить различия в социально-экономическом строе крестьянских хозяйств, обусловленные формированием в среде крестьянства новых классов капиталистического общества, мы выделили местности, где преобладали тенденции пролетаризации крестьянства или его обуржуазивания. 37 уездов Черноземного центра (остальные уезды не вошли в данную группировку из-за отсутствия в источниках сопоставимых показателей), в которых земские переписи проводили в 80-е годы XIX в., были разбиты на 3 группы. Сначала уезды распределялись в зависимости от доли безлошадных и однолошадных дворов (1-я группа включает уезды, в которых такие дворы составляли более 60% от общего числа крестьянских хозяйств, ко 2-й группе относятся уезды, где безлошадные и однолошадные дворы достигали 45—60%, 3-я группа представлена уездами, где доля безлошадных и однолошадных составляла менее 45%), а затем те же самые уезды были сгруппированы в зависимости от удельного веса дворов с 4 и более лошадьми (I группа включает уезды, где имеется менее 5% многолошадных хозяйств, II группа представлена уездами, где дворы с 4 и более лошадьми составляют 5—9%, III группа уездов насчитывает более 10% таких хозяйств).

Насколько полярны выделенные совокупности и обладают ли они существенными отличиями, которые давали бы возможность представить характерные черты различных групп крестьянских дворов? Сравнительный анализ средних характеристик крестьянского хозяйства (таблица 23), а также удельного веса основных средств производства, приходящихся на каждую группу (таблица 24), обнаруживает значительные различия в размерах и общем уровне хозяйства, а также в социальной структуре крестьянства выделенных групп. Примечательно, что различия эти практически однотипны и при группировке уездов по степени пролетаризации деревни, и по степени ее обуржуазивания, что свидетельствует о правомерности использования обоих группировочных признаков. Естественно, что «чистота» проявления различий, являющихся равнодействующей нескольких противоположных по своей сути тенденций развития крестьянского хозяйства, зависит от степени достигнутой поляризации территориальных единиц и максимальна прежде всего на противоположных полюсах деревни.

В массе своей дворы 3-й (III) группы более зажиточны по сравнению с хозяйствами 2-й (II) и в особенности 1-й (I) групп. Неравномерно распределение даже надельного землевладения — наиболее уравнительной сферы крестьянской жизни: в 3-й группе доля надельной земли превышает долю приходящихся на нее хозяйств (соответственно 26,5 и 22,3%), а в 1-й группе, напротив, удельный вес удобной надельной земли меньше удельного веса дворов этой группы (20,6 и 28,7%). Отношение аренды к наделу,

землевладению и землепользованию, так же как размер аренды на приписной двор, правильно повышается от 1-й группы к 3-й, то есть по мере роста удельного веса зажиточных дворов (таблицы 23, 24).

Таблица 23

Средние значения основных показателей крестьянского хозяйства в группах уездов с различной долей безлошадных — однолошадных и многолошадных дворов

Номер показателя	Показатели	Группы					
		1-я	2-я	3-я	I	II	III
	На двор:						
1	Землепользование (дес.)	7,6	11,3	15,4	9,1	10,3	13,8
2	Надельная земля (дес.)	5,9	8,9	9,8	7,2	8,2	10,7
3	Арендованная земля (дес.)	1,6	2,5	5,6	1,8	2,2	3,1
4	Рабочий скот	0,9	1,4	1,7	1,1	1,3	1,8
5	Продуктивный скот	1,9	2,3	2,8	2,4	2,2	2,7
6	Арендованная земля, % к надельной земле	27,5	27,8	56,7	24,8	27,4	28,6
7	Арендующие дворы, % ко всем дворам	24,7	29,4	31,0	31,6	29,4	31,0
8	Сданная земля, % к надельной земле	10,6	3,7	3,8	7,6	6,1	2,6
9	Хозяйства, сдающие весь надел, % по всем дворам	8,6	7,7	8,3	7,5	3,4	8,5

Таблица 24

Удельный вес основных средств земледельческого производства в группах уездов с различной долей безлошадных, однолошадных и многолошадных дворов

Номер показателя	Доля групп в общем числе соответствующего показателя, %	Группы					
		1-я	2-я	3-я	I	II	III
1	Безлошадные и однолошадные дворы	32,0	49,5	18,5	14,5	51,1	34,4
2	Приписные дворы	28,7	49,0	22,3	22,5	55,6	21,9
3	Землепользование (дес.)	19,5	49,8	30,7	18,9	53,1	28,0
4	Надельная земля (дес.)	20,6	52,9	26,5	19,1	53,3	27,6
5	Арендованная земля (дес.)	16,1	41,5	42,4	17,4	53,6	29,0
6	Рабочий скот	19,5	51,5	29,0	17,2	54,1	28,7
7	Продуктивный скот	23,2	49,0	27,0	22,8	32,0	25,2
8	Арендаторы вненадельной земли	24,8	50,3	24,9	23,5	54,1	22,4
9	Сданная земля (дес.)	42,3	38,0	19,7	26,7	60,1	13,2
10	Хозяйства, сдающие весь надел	30,3	46,7	23,0	20,5	56,8	22,7

3-я группа уездов (22,3% всех дворов) сосредоточила у себя 26,5% всей надельной земли и 42,4% арендованной, тогда как 1-я группа (28,7% всех дворов) имела соответственно 20,6 и 16,1% земли. Вследствие сдачи и аренды земли распределение общей

площади землепользования выглядит еще более неравномерно (30,7 и 19,5%) и указывает на отделение монополии на землю как на объект собственности и как на объект хозяйствования, свойственное развитию аграрного капитализма. Те же тенденции проявляются и в распределении скота: доля тяглового и продуктивного скота в 3-й группе больше доли дворов (29,0, 27,0 и 22,3%), а в 1-й группе меньше (19,5, 23,2 и 28,7%). Степень обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим и продуктивным скотом, так же как и землей, выше в 3-й группе по сравнению с 1-й группой почти в 2 раза: в 1-й группе — соответственно 0,9, 1,9 голов и 7,6 десятины, в 3-й группе — 1,7, 2,8 голов и 15,4 десятины. Налицо процесс концентрации основных средств земледельческого производства в руках состоятельного крестьянства, присущий проникновению капиталистических отношений в сельское хозяйство.

Перейдем теперь от поуездного к поволостному и пообщинному уровню анализа территориальных сводок земской статистики. Группируя более мелкие и сходные в хозяйственном отношении административно-территориальные единицы, мы получим и более однородные совокупности крестьянских дворов, в которых ярче проявляются свойства, присущие «чистым» социально-экономическим типам крестьянских хозяйств. Выбор в качестве объекта исследования Воронежской губернии объясняется тем, что из всех земско-статистических сборников публикации по Воронежской губернии содержат наиболее полную и разнообразную характеристику крестьянского хозяйства, в том числе существенные для анализа буржуазной аграрной эволюции массовые данные о найме рабочей силы и товарности крестьянского хозяйства.

Для выделения полярных совокупностей волостей и общин, дающих представление о структуре крайних типов крестьянских хозяйств, в качестве группировочных признаков использованы данные об общей сумме выручки на продающее хозяйство (учет всей продукции, реализованной на рынке, а не только излишков собственного потребления позволяет более точно оценить масштабы развития товарно-денежных отношений)[10] и доле зажиточных многолошадных дворов. Поскольку подворные переписи не учитывали найм поденных и сезонных рабочих, содержащиеся в них данные о купле рабочей силы не дают полного представления о масштабах развития капитализма в деревне и уступают избранным показателям в качестве группировочных признаков. 88 волостей Бобровского, Богучарского, Новохоперского и Павловского уездов, отличавшихся наибольшей буржуазной дифференциацией крестьянства и наивысшей товарностью крестьянских хозяйств[11], были разбиты по медиане (значение признака в центре ранжированного ряда) на две равные совокупности. Из группы волостей с большим объемом товарного производства выбрано 70 общин, в которых доля многолошадных хозяйств равна или больше 20%, а из второй группы взято 70 общин, в которых дворы с 4 и более лошадьми отсутствовали или составляли менее 3%.

Выделенные совокупности волостей и общин существенно разнятся по соотношению беднейшего, среднего и зажиточного крестьянства, представляя местности с преобладающей тенденцией обуржуазивания или пролетаризации крестьянства. Если в высшей группе общин доля зажиточных многолошадных дворов (24,1%) лишь в 1,7 раза меньше доли безлошадных и однолошадных хозяйств (41,3%), то в низшей группе общин доля многолошадных дворов (2,7%) меньше доли безлошадных и однолошадных (77,7%) хозяйств уже в 28,8 раз. Значительно выше в 4-й группе и доля дворов с батраками, купчей и арендованной землей, хозяйств, продававших хлеб, и соответственно меньше дворов, покупавших хлеб и сдававших свой надел (таблица 25). По

Таблица 25

Соотношение основных социально-экономических слоев крестьянства в полярных группах волостей и общин

Номер показателя	Доля хозяйств, %	Группы			
		1-я	2-я	3-я	4-я
1	Безлошадных и однолошадных	77,7	62,3	50,6	41,3
2	С 2 и 3 лошадьми	19,6	29,3	35,9	34,6
3	С 4 и более лошадьми	2,7	8,4	13,5	24,1
4	С батраками	5,0	5,1	6,3	9,4
5	С нанимающимися в батраки	11,4	19,9	16,7	11,2
6	С купчей землей	0,2	0,9	0,13	0,6
7	С арендованной землей	34,3	41,1	44,5	44,4
8	Сдававших надельную землю	22,3	14,1	24,4	8,6
9	Покупавших	96,3	96,8	99,4	99,9
10	Покупавших хлеб	51,3	37,5	21,9	20,6
11	Покупавших скот	25,7	28,8	38,4	40,6
12	Продававших	75,5	78,4	86,1	91,1
13	Продававших хлеб	37,7	46,3	65,3	76,9
14	Продававших скот	39,8	56,6	52,9	57,8
15	С промышленниками	80,3	84,4	75,4	71,6
16	С торгово-промышленными заведениями	6,3	6,7	7,4	2,9

всей видимости, в 1-й группе большую часть крестьянских дворов составляли хозяйства сельских пролетариев и батраков с наделом, тогда как в противоположной ей 4-й группе преобладали мелкобуржуазные слои крестьянства и собственно крестьянская буржуазия.

Советские историки уже обращали внимание на замедленное образование сельской буржуазии в среде бывших помещичьих крестьян по сравнению с бывшими государственными, которые были лучше обеспечены надельной землей[12]. Напомним, что в 4-й группе по сравнению с 1-й значительно выше размер надела (16,9 и 8,7 десятин на двор) и удельный вес свободного землепользования (23,1 и 11,0 десятин). В 4-й группе доли купчей и арендованной земли по отношению к наделу составляют 0,6 и 30,0%, то есть больше, чем в 1-й группе (0,2% и 22,0%). «Чем богаче землей крестьянство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от надельной земли, втягивание всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле»[13]. Между тем во владении землей существенное значение имеет не только размер надела, но и его расположение, во многом определявшееся величиной общины. Однако такой показатель крайне редко учитывают при анализе процесса расслоения крестьянства. Отметим, что полярные совокупности заметно отличаются в этом плане: средняя община состоит в 1-й группе из 278 дворов, во 2-й группе из 260 дворов, в 3-й группе из 167 дворов, в 4-й группе из 161 двора. А чем больше дворов в общине, тем сильнее проявляется неудобство землепользования — чересполосица, длинно- и дальноземелье, тем труднее и невыгоднее обработка наделов для маломощных крестьян (пашня, удаленная от селения свыше чем на 3 км, обычно находится за чертой навозного удобрения и вообще более тщательной обработки)[14], тем быстрее крестьяне забрасывают землю, отвлекаясь от ведения собственного хозяйства.

В 1-й группе по сравнению с 4-й почти в 3 раза больше доля хозяйств, сдававших наделы (22,3 и 8,6%), больше дворов без рабочего скота (29,3 и 14,1%) и без всякого скота (12,9 и 5,6%). По мере проникновения капитализма в сельское хозяйство крестьянский мир все менее успешно справляется со своими функциями по поддержанию платежеспособности дворов и воспроизводству рабочей силы членов общины[15]. Чем крупнее община, тем сложнее выступать ей в качестве регулятора единого уровня экономической состоятельности крестьянских дворов, проводить в жизнь принцип уравнительности, а следовательно, тем глубже социальная дифференциация крестьянства, тем интенсивнее протекает процесс «раскрестьянивания», разорения и пролетаризации беднейшего крестьянства.

Существенно отличаются все 4 группы и уровнем развития крестьянских хозяйств. От 1-й группы к 4-й правильно и достаточно быстро растут: общая площадь землепользования, надельной, купчей и арендованной земли, обеспеченность двора тягловым и продуктивным скотом, молотилками, собственными работниками и батраками (таблица 26).

Анализ уровня развития крестьянских хозяйств свидетельствует о том, что в 4-й группе по сравнению с другими группами и в особенности с 1-й группой крестьянский двор был значительно лучше обеспечен орудиями и средствами производства, трудовыми ресурсами и т. д. Крестьяне этой группы в массе своей более состоятельны по сравнению с крестьянством первых 3 групп. Особенно велико различие по показателям с социальной окраской: выручка от продажи хлеба в 4-й группе в 4 раза выше, чем в 1-й группе, размеры купчей земли — в 20 раз больше, число усовершенствованных сельскохозяйственных орудий в 34 раза больше, чем в 1-й группе (см. таблицу 26).

Размеры хозяйства определяли и соотношение основных источников денежных поступлений крестьянства. Доля хозяйств, покупавших хлеб, убывает от 1-й группы к 4-й, и, напротив, растет доля хозяйств, его продававших; в группе зажиточных общин соотношение данных групп крестьянства почти достигает соотношения 1 : 4 (см. таблицу 25). В этом направлении уменьшаются и затраты на покупку хлеба (в группе беднейших общин расходы на хлеб составляют значительно большую часть от общей суммы затрат); здесь резко возрастает выручка от продажи хлеба. В 1-й группе общин общая сумма расходов, в том числе на продовольствие, одежду, топливо, скот, инвентарь, а также на различные

Таблица 26

Размеры хозяйства в полярных группах волостей и общин

Номер показателя	Показатели (на двор)	Группы			
		1-я	2-я	3-я	4-я
1	Душ обоего пола	5,8	7,7	7,3	7,6
2	Землепользование (дес.)	11,0	13,5	19,7	23,1
3	Удобная надельная земля (дес.)	8,7	10,2	15,6	16,9
4	Купчая земля (дес.)	0,04	0,1	0,3	0,8
5	Арендованная земля (дес.)	2,7	3,5	4,0	5,9
6	Рабочий скот	1,2	1,5	1,9	2,6
7	Продуктивный скот	2,7	2,8	3,5	4,6
8	Батраки	0,05	0,07	0,08	0,14
9	Нанимающиеся в батраки	0,11	0,14	0,17	0,11
10	Промышленники	1,4	1,4	1,3	1,3
11	Усовершенствованные орудия	0,005	0,01	0,06	0,17
12	Дворов в общине	278	260	167	161

прямые и косвенные налоги[16], превышает доходы от собственного земледельческого хозяйства (продажи хлеба, скота, сдачи земли и т. д.), а в 4-й группе наоборот выручка от собственного земледельческого хозяйства была выше, чем общая сумма расходов (таблица 27).

По всей вероятности, в высшей группе общин значительная часть крестьянства осуществляла расширенное воспроизводство; на рынок поступали прежде всего излишки от собственного потребления, а не только часть необходимого продукта беднейшего крестьянства. В то же время земледельческое хозяйство большинства крестьян беднейшей группы общин вследствие незначительных размеров не покрывало всех их денежных расходов. Невозможность получить в своем хозяйстве, в том числе с учетом его натуральной продукции, всей массы жизненных средств, диктовала необходимость обращения к другим источникам доходов — промысловым занятиям, продаже рабочей силы и т. д.

Таким образом, социальные различия между группами крестьянских дворов в значительной мере сопряжены с различиями в размерах крестьянских хозяйств. Однако сравнительный анализ средних характеристик крестьянского хозяйства в полярных груп-

пах уездов, волостей и общин еще не раскрывает качественного своеобразия нескольких социально-экономических форм его организации. Проследить общие закономерности функционирования крестьянских хозяйств, а также специфику их проявления в различных группах крестьянства возможно лишь на основе математического моделирования внутренней структуры крестьянского хозяйства.

Таблица 27

Товарность и рыночная специализация крестьянского хозяйства в полярных группах волостей и общин

Номер показателя	Показатели (руб.)	Группы			
		1-я	2-я	3-я	4-я
1	Общая сумма расходов	82,9	102,6	104,8	129,7
2	Расходы на покупку хлеба	5,7	6,0	2,9	2,2
3	Расходы на покупку скота	8,4	9,8	17,7	23,8
4	Общая сумма доходов	113,9	—	—	175,1
5	Доходы от сельского хозяйства	46,4	46,6	91,1	134,0
6	Доходы от продажи хлеба	19,1	18,7	49,0	81,5
7	Доходы от продажи скота	19,7	20,7	30,1	42,6
8	Доходы от промыслов	67,5	—	—	41,1

§ 2. Корреляционные и факторные модели внутреннего строя крестьянского хозяйства в полярных группах селений

Корреляционное моделирование структуры крестьянского хозяйства позволяет выявить устойчивые взаимосвязи его различных элементов, а также количественно оценить тесноту этих взаимосвязей. Мы анализируем корреляционные модели крестьянского хозяйства в 1-й и 4-й группах территориальных единиц, то есть в тех группах общин, которые представляют наиболее полярные варианты его внутреннего строя. Во 2-й и 3-й группах (волостей) различия в размерах и характере крестьянского хозяйства проявляются не столь ярко, что объясняется большей неоднородностью волости в экономическом отношении. Волость была прежде всего административно-территориальной, а не хозяйственной единицей, поэтому корреляционные модели социально-экономического строя крестьянского хозяйства в группах волостей представляют «промежуточные», более смазанные варианты его структуры (приложение в главе 4, таблицы I, II).

Процесс формирования единого товарного и капиталистического рынка составлял основу буржуазной аграрной эволюции. К 80-м годам XIX в. относится завершение формирования единого товарного рынка на основную продукцию земледелия и значительной глубины достигает процесс складывания аграрного капиталистического рынка[17]. Корреляционное моделирование дает

возможность оценить сбалансированность структуры крестьянского хозяйства, которая является важнейшим показателем его подчинения законам рыночного производства.

В условиях натурального хозяйства, направленного на собственное потребление, большинство элементов внутреннего строя крестьянского хозяйства не образует устойчивых взаимосвязей. Однако по мере втягивания крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения и развития аграрного капитализма функционирование крестьянского хозяйства все больше подчиняется действию закона стоимости, что проявляется в более жесткой детерминированности его структуры, усилении ее внутренней сбалансированности. Расширение действия товарно-денежных и капиталистических закономерностей ведет к увеличению тесноты взаимосвязей между различными компонентами крестьянского хозяйства: производственно-технической базой, трудовыми ресурсами и т. д. Характер внутреннего строя крестьянского хозяйства, степень согласованности его элементов отражают общий уровень развития в нем товарно-капиталистических отношений.

Прежде всего рассмотрим взаимосвязи группы признаков, характеризующих обеспеченность крестьянского двора основными средствами и условиями производства; землей, тягловым скотом, усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями (таблицы 28, 29).

В полярных группах общин, и в первую очередь в группе зажиточных общин, отчетливо прослеживается возникновение сравнительно устойчивых взаимосвязей между данными показателями.

Статистические характеристики данных выборок дают представление лишь о ведущих тенденциях, а не о фактических отличиях производственного и социально-экономического облика различных категорий крестьянских дворов. Поскольку данная группировка проводилась для сравнения наиболее полярных из поддающихся выделению вариантов структуры крестьянского хозяйства и не преследовала цели выяснить количественное соотношение социально-экономических слоев крестьянства Воронежской губернии и Центрально-Черноземного региона и общего уровня их производства, статистические параметры приводятся в данном случае без их доверительных интервалов, а коэффициенты корреляции без учета средней стандартной ошибки.

В группе зажиточных общин общая площадь землепользования крестьянского двора находится в прямой зависимости от численности тяглового скота (0,52) и числа усовершенствованных земледельческих орудий (0,46) (корреляция двух последних признаков между собой равна 0,31). При расчете показателей на душу населения данные взаимосвязи еще выше — соответственно 0,91, 0,68, 0,61. В группе беднейших общин зависимость данных признаков менее тесная (0,36, 0,34 и 0,13), что говорит о более низком уровне развития капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве. И хотя эти взаимосвязи были еще довольно

Таблица 28

Корреляционная модель крестьянского хозяйства в группе зажиточных общин (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
	На двор																	
1	Землепользование (дес.)	×	49	37	52	40	29	46	−29	−32	36	−8	18	47	57	−9	−42	50
2	Надельная земля (дес.)	84	×	−33	3	−25	−6	−35	−10	−33	−14	−1	10	2	16	−28	−34	−15
3	Арендованная земля (дес.)	70	43	×	57	59	36	24	−16	8	29	−4	−10	37	39	−9	−5	−6
4	Рабочий скот	91	77	81	×	74	44	31	−10	14	40	−24	9	56	51	32	−2	17
5	Продуктивный скот	90	71	82	98	×	25	18	−24	1	40	−36	8	52	34	50	−10	30
6	Батраки	52	33	54	54	52	×	19	12	13	18	6	−8	27	33	2	−7	16
7	Усовершенствованные орудия	68	63	54	61	59	39	×	−16	−18	−4	−12	−8	23	39	−27	−31	1
8	Нанимающиеся в батраки	34	34	30	48	43	32	20	×	16	−2	33	−3	−23	−24	−5	27	−15
9	Промышленники	85	73	76	97	95	48	54	53	×	0	12	−25	−20	−28	13	77	−12
10	Все расходы (руб.)	89	71	77	96	95	51	55	49	94	×	2	53	64	57	36	6	36
11	Расходы на покупку хлеба (руб.)	84	75	72	92	89	47	51	59	93	92	×	−15	−26	−18	−25	24	−7
12	Расходы на покупку скота (руб.)	58	49	50	60	59	22	27	28	56	69	56	×	62	49	48	−21	2
13	Доходы от сельского хозяйства (руб.)	88	69	78	92	92	54	59	35	85	93	81	74	×	90	52	−31	25
14	Доходы от продажи хлеба (руб.)	85	67	74	82	80	55	64	26	73	84	69	67	95	×	12	−42	22
15	Доходы от продажи скота (руб.)	78	61	72	91	93	45	42	43	90	90	84	72	90	73	×	12	9
16	Доходы от промыслов (руб.)	74	63	75	91	88	41	44	58	96	89	91	50	76	61	84	×	−12
17	Купчая земля (дес.)	22	−12	−5	1	6	13	0	−4	0	9	−5	0	11	13	3	−13	×
	На душу																	

Таблица 29

Корреляционная модель крестьянского хозяйства в группе беднейших общин (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
	На двор																	
1	Землепользование (дес.)	×	76	52	36	29	13	34	—6	—27	12	—30	47	62	43	40	—4	42
2	Удобная надельная земля (дес.)	77	×	—25	15	12	11	8	—6	—44	—16	—26	13	46	24	27	0	—6
3	Арендованная земля (дес.)	36	—33	×	37	31	3	38	2	22	39	—13	51	33	33	23	—6	72
4	Рабочий скот	23	2	35	×	68	39	13	1	—1	8	—44	59	55	44	60	—19	20
5	Продуктивный скот	16	1	27	60	×	21	—2	13	—2	7	—57	49	49	30	65	12	8
6	Батраки	14	11	4	43	23	×	2	—22	—17	38	—13	30	38	29	25	0	—8
7	Усовершенствованные орудия	36	10	36	14	—3	5	×	15	3	13	—4	46	10	6	8	—6	48
8	Нанимающиеся в батраки	—9	—7	0	—1	11	—18	14	×	18	—16	—14	6	—1	7	5	40	—2
9	Промышленники	—34	—47	19	—17	—10	—9	—1	40	×	13	—4	46	10	6	8	20	19
10	Все расходы (руб.)	—1	—23	30	—16	—12	36	10	—20	33	×	33	43	21	22	1	21	38
11	Расходы на покупку хлеба (руб.)	—31	—24	—15	—57	—67	—9	—7	—15	32	37	×	—25	—48	—29	—50	32	—10
12	Расходы на покупку скота (руб.)	35	4	45	49	37	31	45	1	—8	30	—33	×	52	45	60	3	46
13	Доходы от сельского хозяйства (руб.)	58	42	28	49	37	38	10	—8	—50	7	—52	46	×	72	75	0	30
14	Доходы от продажи хлеба (руб.)	34	15	30	39	19	27	7	2	—42	10	—31	41	68	×	39	2	29
15	Доходы от продажи скота (руб.)	32	21	19	55	58	25	7	1	—33	—15	—57	55	70	32	×	—15	18
16	Доходы от промыслов (руб.)	—7	—2	—8	—26	7	0	—6	33	16	20	12	—2	—4	—1	—20	×	—4
17	Купчая земля (дес.)	88	—9	70	15	2	9	16	—9	—5	31	—10	44	27	28	14	—4	×
	На душу																	

слабыми в группе беднейших общин, они, несомненно, свидетельствуют о том, что рынок все больше выступает в качестве регулятора не только обмена, но и производства различных по хозяйственной состоятельности групп крестьянских дворов.

Вторая группа признаков, связанных между собой и с производственными характеристиками крестьянского хозяйства, отражает структуру денежных поступлений и затрат крестьянских хозяйств. Подавляющее большинство крестьянских дворов в обеих группах общин были в той или иной форме вовлечены в товарно-денежные отношения: доля покупавших хозяйств близка к 100% (в 1-й группе — 96,3% от общего числа крестьянских дворов, а в 4-й группе — 99,9%), доля продававших хозяйств соответственно составляла 75,5 и 91,1% Взаимосвязи этих признаков еще теснее, чем зависимости показателей, отражающих размеры сельскохозяйственного производства крестьянства. Так, например, общий доход от реализованной на рынке продукции сельского хозяйства в полярных группах общин находится в тесной прямой зависимости от производственного потенциала крестьянского двора: общей площади землепользования, численности рабочего и продуктивного скота. В 1-й группе все эти зависимости соответственно равны 0,62, 0,55, 0,49, а в 4-й группе они равны 0,47, 0,56, 0,52. Аналогичные взаимосвязи образуют и такие показатели, как выручка от продажи хлеба и скота (таблица 30).

Данные корреляционные взаимосвязи свидетельствуют, что практически все типы крестьянских хозяйств независимо от уровня и тенденций их экономического развития подчинялись объективным требованиям, диктуемым законами рыночного производства. Эти требования были едины и по отношению к крупному хозяйству сельской буржуазии, и по отношению к мизерному земледельческому производству «батраков с наделом». Несмотря на различия в размерах сельскохозяйственного производства и высоте товарности, функционирование всех категорий крестьянских хозяйств определялось едиными закономерностями товарно-денежных отношений.

Сходство корреляционных взаимосвязей показателей товарности крестьянского хозяйства в 1-й и 4-й группах общин указывает на ошибочность мнения о том, что поставщиками товарного хлеба были в основном лишь зажиточные крестьяне, продававшие излишки собственного потребления, тогда как продукты земледельческого производства разоряющегося крестьянства потреблялись главным образом в собственном хозяйстве и не поступали на рынок. Осенью в период низкой рыночной конъюнктуры (а к этому времени была специально приурочена уплата различных податей и повинностей крестьянства)[18] на рынок выбрасывалась масса дешевого крестьянского хлеба. Однако весной значительная часть крестьян была вынуждена закупать хлеб для продовольствия по повышенным ценам и уже в начале года наниматься в счет задатка хлебом или деньгами на исполнение различных отработок с более низкой, чем при свободном найме, оплатой труда

Таблица 30

Взаимосвязи показателей товарности с основными элементами крестьянского хозяйства в полярных группах общин (коэффициент корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели (на двор)	В группе беднейших общин							В группе зажиточных общин						
		расходы (руб.)			доходы (руб.)				расходы (руб.)			доходы (руб.)			
		всего	на хлеб	на скот	от сельского хозяйства	от продажи			всего	на хлеб	на скот	от сельского хозяйства	от продажи		
						хлеба	скота						хлеба	скота	
1	Землепользование (дес.)	12	—30	47	62	43	40		36	—8	18	47	57	—9	
2	Надельная земля (дес.)	—16	—26	13	46	24	27		—14	—1	10	2	16	—28	
3	Купчая земля (дес.)	38	—10	46	30	29	18		36	—7	2	25	22	—9	
4	Арендованная земля (дес.)	39	—13	51	33	33	23		29	—4	10	37	39	9	
5	Рабочий скот	8	—44	59	55	44	60		40	—24	9	56	51	32	
6	Продуктивный скот	7	—57	49	49	30	65		40	—36	8	52	34	50	
7	Батраки	38	—13	30	38	29	25		18	—6	—8	27	33	2	
8	Усовершенствованные орудия	13	—4	46	10	6	8		—4	—12	—8	23	39	—27	
9	Все расходы (руб.)	X	33	43	21	22	1		X	2	53	64	57	36	
10	Расходы на покупку хлеба (руб.)	33	X	—25	—48	—29	—50		2	X	—15	—26	—18	—25	
11	Расходы на покупку скота (руб.)	43	—25	X	52	45	60		53	—15	X	62	49	48	
12	Доходы от сельского хозяйства (руб.)	21	—48	52	X	72	75		64	—26	62	X	90	52	
13	Доходы от продажи хлеба (руб.)	22	—29	45	72	X	39		57	—18	49	90	X	12	
14	Доходы от продажи скота (руб.)	1	—50	60	75	39	X		36	—25	48	52	12	X	
15	Доходы от промыслов (руб.)	21	12	3	0	2	—15		6	24	—21	—31	—42	12	
16	Доля хозяйств без инвентаря	31	53	—45	—43	—36	—56		—37	44	—26	—53	—39	—42	
17	Доля хозяйств без рабочего скота	30	56	—45	—44	—36	—57		—34	43	—27	—53	—43	—40	
18	Доля хозяйств без лошади и с 1 лошадью	14	42	—33	—38	—25	—50		—35	34	—27	—67	—55	—46	
19	Доля хозяйств с 2 и 3 лошадьми	—9	—31	34	37	29	43		23	—12	30	41	28	36	
20	Доля хозяйств с 4 и более лошадьми	41	—14	44	38	32	32		40	—26	10	48	53	13	
21	Доля хозяйств с батраками	36	—17	33	39	30	29		22	1	—9	28	33	3	
22	Доля хозяйств с промышленниками	32	22	10	—31	—24	—23		—18	19	—23	—40	—43	—6	

(«зимняя наемка»). Зачастую крестьянин продавал осенью более дорогой товарный хлеб, а для собственного потребления покупал более дешевый. При неблагоприятных условиях такой своеобразный обмен хлебов также выступал одним из факторов разорения беднейшего и среднего крестьянства.

Однако наряду с тем общим, что было присуще крестьянскому хозяйству беднейших и зажиточных общин, корреляционный анализ показывает и существенные различия в его внутреннем строе. В целом парные коэффициенты корреляции основных компонентов крестьянского хозяйства значительно выше в группе зажиточных общин (прежде всего при расчете показателей на душу населения), что свидетельствует о более высоком уровне развития капиталистических отношений. В отличие от взаимосвязей показателей обеспеченности крестьянского двора землей и скотом, характеризующих прежде всего его производственную деятельность, зависимости таких признаков, как число батраков и усовершенствованных земледельческих орудий, позволяют оценить не только экономический потенциал, но и социальный тип хозяйства и, таким образом, дают представление о широте, глубине и зрелости буржуазных отношений. В группе зажиточных общин показатели обеспеченности крестьянского двора батраками и усовершенствованными орудиями образуют прямые, довольно тесные зависимости почти со всеми характеристиками крестьянского хозяйства, тогда как в группе беднейших общин наблюдается лишь несколько устойчивых взаимосвязей, а большинство коэффициентов корреляции незначимо (см. таблицы 28—30). Средняя теснота взаимосвязей между обеспеченностью крестьянского двора землей, тягловым скотом, наемными рабочими и усовершенствованным инвентарем составляет в 1-й группе 0,23 при расчете показателей на двор и на душу, а в 4-й группе 0,37 при расчете на двор и 0,61 при расчете на душу.

Несмотря на замедленность темпов формирования сельской буржуазии из среды зажиточного крестьянства и относительную слабость этого слоя даже в группе многолошадных общин (доля дворов с батраками составляла 5,0% в 1-й группе и 9,4% в 4-й группе), процессы становления собственно капиталистических форм сельскохозяйственного производства определяли направление социально-экономического развития деревни и проявлялись в качественных изменениях внутреннего строя крестьянского хозяйства. Именно в этом плане в наибольшей мере отличаются корреляционные модели крестьянского хозяйства в полярных группах общин. К тому же следует учитывать, что в Центрально-Черноземном регионе, в отличие от западных губерний, батрачество не было главным видом продажи рабочей силы (доля батраков от населения составляла в 1-й группе общин 1,1%, а в 4-й группе она была ненамного выше — 1,9%) и гораздо большее значение имел сезонный и поденный найм, сведения о котором, к сожалению, отсутствуют в источниках. Вероятно, при сравнении корреляционных моделей крестьянского хозяйства по данным по-

казателям различия между ними проявились бы еще отчетливее.

Одной из закономерностей товарного производства является вытеснение мелких хозяйств крупными. Полярные группы общин существенно отличаются и степенью концентрации средств производства. Особенно ясно этот процесс прослеживается в группе зажиточных общин с большим удельным весом крестьян-предпринимателей (таблица 31).

В полярных группах общин наблюдается обратная зависимость характеристик обеспеченности крестьянского двора средст-

Таблица 31

Взаимосвязи основных показателей крестьянского хозяйства с долей различных социально-экономических слоев крестьянства в полярных группах общин (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели на двор	Доля хозяйств, %					
		без лошади и с 1 лошадью	с 2 и 3 лошадьми	с 4 и более лошадьми	без лошади и с 1 лошадью	с 2 и 3 лошадьми	с 4 и более лошадьми
		1-я группа			4-я группа		
1	Землепользование (дес.)	—26	26	18	—56	29	50
2	Надельная земля (дес.)	—11	8	6	—16	26	5
3	Купчая земля (дес.)	—22	31	—1	—36	34	7
4	Арендованная земля (дес.)	—28	34	17	—31	—25	59
5	Рабочий скот	—71	75	59	—75	13	82
6	Продуктивный скот	—58	47	40	—62	14	66
7	Батраки	—7	—13	83	—26	—4	43
8	Усовершенствованные орудия	—2	12	0	—23	—6	40
9	Нанимающиеся в батраки	11	10	—18	27	—18	—5
10	Промышленники	11	13	—9	13	—19	—3
11	Доля продававших хозяйств (%)	—37	34	10	—28	13	18
12	Доля хозяйств, продававших хлеб (%)	—42	37	14	—46	33	43
13	Доля хозяйств, продававших скот (%)	—59	44	17	—43	34	9
14	Доля покупавших хозяйств (%)	4	11	7	8	—2	—7
15	Доля хозяйств, покупавших хлеб (%)	43	—33	—20	38	—22	—23
16	Доля хозяйств, покупавших скот (%)	—42	33	23	—22	19	13

вами производства (землей, скотом и орудиями труда) с долей безлошадных и однолошадных хозяйств. В 4-й группе общин площадь землепользования, численность рабочего и продуктивного скота, а также число батраков и усовершенствованных орудий находятся в тесной прямой зависимости с долей многолошадных дворов при слабых взаимосвязях аналогичных признаков с долей хозяйств с 2 и 3 лошадьми (агрегированные коэффициенты корреляции равны соответственно 0,56 и 0,09). В 1-й группе общин вследствие незначительного удельного веса сельской буржуазии большая часть земли, тяглового и рабочего скота сосредото-

чивалась в руках среднего крестьянства (средняя теснота зависимостей этих показателей с долей дворов с 2 и 3 лошадьми составляет 0,49, а с долей хозяйств с 4 и более лошадей — 0,39). Лишь численность батраков находится в тесной прямой взаимосвязи с долей многолошадных хозяйств (0,83). При более низком общем уровне крестьянского хозяйства в 1-й группе общин использование в ней наемной рабочей силы было возможно только для самых зажиточных дворов.

Значительно большая рентабельность и конкурентоспособность крупных хозяйств зажиточного крестьянства проявляются и в прямых взаимосвязях стоимостных характеристик реализованной на рынке сельскохозяйственной продукции и доли дворов, ее продававших, с удельным весом среднего и зажиточного крестьянства и в обратных зависимостях с неимущими слоями деревни (см. таблицы 30, 31).

Разложение крестьянства в процессе буржуазной аграрной эволюции создает внутренний рынок. В низшей группе крестьянства формирование рынка происходит за счет предметов потребления, в то время как появление крестьянской буржуазии, в том числе и мелкой, создает рынок двояким путем: за счет личного потребления и главным образом за счет средств производства. Корреляционный анализ обнаруживает существенные отличия в общем характере потребления крестьянства в полярных группах общин. От 1-й группы к 4-й возрастает доля производительного и соответственно снижается доля личного потребления.

В группе беднейших общин рост общей суммы затрат, которая не зависит от хозяйственной состоятельности дворов, и определяется главным образом расходами на покупку хлеба (0,33) и долей разоряющихся слоев крестьянства (0,30). В группе зажиточных общин, напротив, общая сумма затрат возрастает вместе с обеспеченностью хозяйства землей (0,36), рабочим (0,40) и продуктивным скотом (0,40) и затратами на его покупку (0,53) и не зависит от расходов на личное потребление (0,02) (см. таблицу 30). Здесь общая сумма затрат находится в прямой зависимости с долей зажиточного крестьянства (0,40) и в обратной зависимости с долей беднейшего крестьянства (—0,35). О значительном распространении покупки недостающего хлеба среди беднейшего и части среднего крестьянства свидетельствуют прямые зависимости расходов на покупку хлеба и муки с долей хозяйства без тяглового скота и инвентаря, а также обратные зависимости с обеспеченностью крестьянского двора основными средствами производства, с общей суммой доходов от земледелия и выручкой от продажи хлеба и скота. Закономерно, что при общем сходстве таких зависимостей в полярных группах общин они значительно теснее в 1-й группе, где доля неимущих слоев деревни гораздо выше.

Корреляционный анализ обнаруживает прямую взаимосвязь затрат на покупку скота в группе беднейших общин с землей (0,47), рабочим (0,59) и продуктивным скотом (0,49), батрака-

ми (0,30), молотилками (0,46), с удельным весом многолошадных хозяйств (0,44) и хозяйств с батраками (0,33). В группе зажиточных общин данные коэффициенты, за исключением положительного коэффициента с долей среднего крестьянства, незначимы. В группе беднейших общин теснее, чем в группе зажиточных связь затрат на покупку скота с суммой выручки от его продажи (0,48 и 0,60) (см. таблицу 30). Все эти наблюдения говорят о том, что в беднейшей группе общин покупали скот прежде всего представители сельской буржуазии для расширения собственного производства и для перепродажи (здесь было широко распространено прасольство торгово-ростовщических слоев)[19]. В группе зажиточных общин покупка скота как один из показателей производительного потребления характерна не только для зажиточного, но и для среднего крестьянства, преобладавшего количественно.

Полярные группы общин существенно различаются и характером рыночной специализации. Корреляционные модели отражают разные по отраслевому направлению формы сельскохозяйственного производства, видоизменяющиеся не только в разных местностях, но и в различных типах крестьянских дворов. Если в группе зажиточных общин доминирующее положение занимала продажа зерновых культур, то в группе беднейших селений на рынок в равной мере поступали продукты земледелия и животноводства. От 1-й группы к 4-й растут доля дворов, продававших хлеб (в 1-й группе — 38%, в 4-й группе — 77%), и удельный вес выручки от его продажи в общей сумме доходов от сельскохозяйственного производства в 1-й группе — 41%, в 4-й — 61%, а также усиливаются корреляционные взаимосвязи данных признаков с землей, рабочим и продуктивным скотом, усовершенствованными земледельческими орудиями, батраками и др. (средняя теснота данных признаков составляет 0,30 в группе беднейших общин и 0,42 в группе зажиточных). К тому же в 4-й группе доходы от сельского хозяйства в большей мере определяются суммой выручки от продажи хлеба, чем от продажи скота (0,90 и 0,52), а в 1-й группе наоборот (0,72 и 0,75).

В зажиточных общинах обеспеченность крестьянского двора основными средствами производства (землей, тягловым и продуктивным скотом, молотилками и т. д.), а также размеры найма рабочей силы значительно сильнее влияют на сумму выручки от продажи хлеба, чем на доходы от продажи скота. В беднейших общинах более тесные зависимости с указанными признаками, напротив характерны для доходов от продажи скота (см. таблицу 30). Примечательно, что обеспеченность двора молотилками, необходимыми прежде всего в зерновом производстве и имеющимся лишь у зажиточного крестьянства, находится в прямой зависимости от продажи хлеба только в 4-й группе. Соответственно в этой группе доли многолошадных дворов и дворов с батраками образуют более тесные взаимосвязи с выручкой от продажи хлеба, а в 1-й группе устойчивые взаимосвязи прослеживаются с выручкой от продажи скота (см. таблицу 30). На большее распространение «прасольства» то есть перепродажи скота в беднейшей группе общин, указывает и более тесная связь расходов на покупку скота и доходов от его продажи (в 1-й группе 0,60, в 4-й группе 0,48). Пореформенная эпоха характеризовалась быстрым ростом общественного разделения труда — основы товарного производства. Одним из проявлений этого процесса можно считать выраженное экономическое районирование, то есть выделение местностей, специализирующихся на одной отрасли сельского хозяйства. Таким образом, сама обнаружившаяся сельскохозяйственная специализация при группировке волостей и общин одного природно-географического региона по объему проданной продукции свидетельствует о широком развитии в крестьянском хозяйстве товарно-денежных отношений.

Очевидно, что связь крестьянского хозяйства с рынком осуществлялась в первую очередь через ведущую отрасль производства. «Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой — другую сторону сложного земледельческого хозяйства, причем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной стороне»[20]. Рост товарности, расширение сферы действия товарно-капиталистических закономерностей шли в данном регионе прежде всего путем подчинения рынку зернового производства. Чем ущербнее было земледельческое хозяйство беднейшего крестьянства, тем в большей мере восполняющим фактором становилось животноводство. Вероятно, в определенной мере эти процессы были связаны также с недостаточно рациональным использованием тяглового скота в собственном хозяйстве беднейших и средних слоев деревни. При исчезнувшем, или точнее, исчезавшем, после реформы 1861 г. единстве производственно-технической базы крестьянского и помещичьего хозяйства, обеспеченность скотом разных групп крестьянских дворов превышала нормы, необходимые для обработки имеющейся у крестьян земельной площади. «Избыток» тягловой силы использовался при обработке помещичьей земли («отработки первого рода»), а также при занятиях различного рода «промыслами», например извозом.

Расположенный в сельской местности двор представлял сложное единство сельскохозяйственной и промысловой деятельности крестьянства, обусловленное общностью трудовых и материальных ресурсов. Без анализа соотношения и взаимодействия земледельческого хозяйства и промыслов невозможно составить истинное представление о характере социально-экономического строя крестьянского хозяйства. Полярные группы общин довольно существенно различаются и в этом плане. В 4-й группе общин такие показатели, как число промышленников на душу населения (при расчете показателей на двор различия в тесноте взаимосвязей данных показателей проявляются не столь отчетливо) и до-

ходы от промыслов, образуют тесные прямые взаимосвязи со всеми компонентами крестьянского хозяйства (агрегированные коэффициенты корреляции 0,80 и 0,73), тогда как в 1-й группе общин большинство коэффициентов корреляции данных признаков незначимо (средняя теснота их взаимосвязи составляет — 0,08 и 0,01). Однако вряд ли эти различия можно объяснить лишь различиями в масштабах промысловой деятельности крестьянства в полярных группах общин. Занятия промыслами были характерны для большинства крестьянских дворов: и в 1-й и в 4-й группах общин хозяйства с промышленниками составляли около 3/4 от общего числа дворов (в 1-й группе — 80,3%, в 4-й группе — 72,1%), а число промышленников на двор было примерно одинаковым (в 1-й группе 1,4 и в 4-й группе 1,3). Однако место «промыслов» в хозяйственной деятельности крестьянского двора определялось не только и не столько числом занятых в них крестьян, сколько формой организации промысловой деятельности, ее продолжительностью и доходностью. По-видимому, решающее значение имел неоднозначный характер крестьянских «промыслов» в различных социально-экономических группах крестьянства — увеличение работы по найму в беднейшей группе и распространение торгово-ростовщической деятельности в высшей группе.

В группе беднейших общин картина корреляционных взаимосвязей промысловой деятельности определяется прежде всего преобладанием беднейших слоев крестьянства, не получавших в своем земледельческом хозяйстве всех средств, необходимых для его воспроизводства. Наряду с сельскохозяйственным пролетариатом здесь функционировала масса мелких и мельчайших хозяйств, экономическая деятельность которых во многом определялась их промысловыми занятиями. Доход от промыслов (67,5 руб. на двор) составлял в такой группе общин 60% от общей суммы денежных поступлений, а доход от сельского хозяйства (46,4 руб.) не превышал 40%. В группе зажиточных общин соотношение этих источников денежных поступлений было противоположным: соответственно 24 и 76% (41,1 и 134,0 руб. на двор). Сумма денежных поступлений от промыслов в 1-й группе непосредственно не зависела от производственного потенциала крестьянского двора и ее использовали преимущественно на уплату податей и личное потребление. На это указывает отсутствие взаимосвязей выручки от промыслов и числа промышленников на двор с основными элементами крестьянского хозяйства, исключение составляют лишь слабые прямые зависимости с расходами на покупку хлеба (0,32) и числом нанимающихся в батраки (0,40) и обратные зависимости с доходностью сельскохозяйственного производства (—0,50) и размерами надела (—0,44) (см. таблицу 28).

Для зажиточного крестьянства основным источником жизненных средств служило в первую очередь собственное сельскохозяйственное производство, а «промыслы» имели второстепенное значение. Общая сумма расходов на двор растет в группе зажиточных общин вместе с суммой выручки от сельского хозяйства и

продажи зерновых (0,64 и 0,57), а взаимосвязи с долей промышленников и доходами от промыслов практически незначимы (0,00 и 0,06). Размеры, характер и продолжительность промысловых занятий крестьян определялись в этой группе общин главным образом нуждами земледельческого производства. Такие показатели, как число промышленников и выручка от промыслов, образуют тесные прямые взаимосвязи практически со всеми компонентами крестьянского хозяйства и прежде всего с его обеспеченностью основными средствами производства (средняя теснота зависимостей данных признаков составляет 0,81 и 0,73) (см. таблицу 29). Это говорит о том, что по мере роста хозяйственной состоятельности двора возрастала доходность промысловых занятий, связанная с возможностью экономического маневрирования, а, с другой стороны, все большая часть денежных поступлений от промыслов использовалась для расширения сельскохозяйственного производства.

Основным средством расширения земледельческого производства крестьян была земельная аренда, которая занимала неоднозначное место в хозяйстве различных социально-экономических типов крестьянства. Качественное отличие предпринимательской и потребительской аренды определяет противоположный характер зависимостей арендных показателей с другими элементами внутреннего строя крестьянского хозяйства. Продовольственная аренда, в которой участвовали неимущие слои деревни, была вызвана острой нуждой в земле, то есть ее распространение было тем больше, чем меньше размер надела, выше удельный вес беднейших слоев крестьянства, хуже их обеспеченность основными средствами производства. В случае предпринимательской аренды, участниками которой были зажиточные крестьяне, лучше обеспеченные землей и скотом, система взаимосвязей данных показателей будет противоположной. Аренда находится в тесной прямой зависимости с долей зажиточного крестьянства, с показателями хозяйственной состоятельности, землей, рабочим и продуктивным скотом и в обратной зависимости с долей неимущих слоев крестьянства.

Однако такие зависимости характерны для каждого типа арендных отношений в чистом виде. В действительности в арендных отношениях переплетались и капиталистические и полукрепостнические черты, а предпринимательская и потребительская аренда сосуществовали. Таким образом, можно выделить 3 основных варианта соотношения этих двух типов аренды: преобладание предпринимательской более чем на половине площади арендованной земли; преобладание потребительской аренды и их приблизительно равный удельный вес. В зависимости от степени преобладания той или иной формы аренды отличается от теоретических моделей предпринимательской и потребительской аренды и действительная картина корреляционных взаимосвязей арендных показателей. В первом варианте характер взаимосвязей арендованной площади с другими показателями будет напоминать

модель предпринимательской аренды, в большей или меньшей степени отличаясь от нее в зависимости от удельного веса аренды из нужды. Во втором варианте картина будет в большей или меньшей мере близка к теоретической модели продовольственной аренды. При третьем варианте противоположные и приблизительно равные по силе тенденции уравновесят друг друга, и мы вообще не получим достаточно сильных взаимосвязей [21].

Анализ корреляционных взаимосвязей арендованной площади в полярных группах общин раскрывает противоречивый характер крестьянской аренды, которая могла быть не только сделкой под влиянием нужды, но и выгодным средством расширения хозяйства для производства продуктов на продажу. От 1-й группы к 4-й ясно прослеживается усиление прямой взаимосвязи размеров аренды с общей площадью землепользования, числом тяглового и продуктивного скота, числом батраков, усовершенствования сельскохозяйственных орудий, а также общей суммой выручки от продажи сельскохозяйственной продукции и в первую очередь от продажи зерновых (основной торговой культуры в Центрально-Черноземном регионе). Средняя теснота взаимосвязей данных признаков составляет 0,32 в 1-й группе и 0,41 в 4-й группе (при расчете показателей на двор) и 0,28 в 1-й группе и 0,70 в 4-й группе (при расчете показателей на душу населения; см. таблицы 28, 29). Эти взаимосвязи свидетельствуют, что аренда крестьянских дворов возрастала по мере увеличения их производственного потенциала, и в группе зажиточных общин уже в значительной степени преобладала предпринимательская аренда.

В полярных группах общин различается и социальный состав арендаторов: в беднейших селениях большинство съемщиков земли относились к среднему крестьянству, а в группе зажиточных общин среди арендаторов преобладали крупные многолошадные хозяйства. Об этом говорят положительные коэффициенты корреляции арендованной площади с долей хозяйств с 2 и 3 лошадьми (0,34) в 1-й группе и удельном весом дворов с 4 и более лошадьми в 4-й группе (0,59) при отрицательных коэффициентах корреляции с другими группами крестьянских хозяйств (см. таблицу 31).

Разная ориентация хозяйственной деятельности зажиточного и беднейшего крестьянства, неоднозначный характер крестьянских «промыслов» и земельной аренды и т. д. объясняют и различия в корреляционных моделях крестьянского хозяйства при расчете показателей на разные единицы измерения (на душу и на двор). В группе беднейших общин взаимосвязи признаков практически однотипны, тогда как в группе зажиточных общин теснота зависимостей в целом значительно выше при расчете показателей на душу, чем на двор, причем особенно отличаются, как мы уже отмечали, характеристики промысловой деятельности (см. таблицы 28, 29). Это явление практически не рассматривалось исследователями. Между тем выбор единицы измерения основных характеристик крестьянского хозяйства (а их можно рассчитать на двор, на душу, на работника, на единицу земельной площади и т. д.) не является формально методическим вопросом построения математических моделей крестьянского хозяйства и позволяет раскрыть существенные стороны его внутреннего строя.

Как уже отмечалось, в зажиточной группе общин основной сферой деятельности крестьянства было собственное земледельческое производство, а в беднейшей группе общин из-за ничтожных размеров хозяйства значительная часть населения систематически занималась «промыслами». В этом случае при расчете основных характеристик крестьянского хозяйства на двор не учитывается действительный объем производительных сил в сельском хозяйстве, численность и труд той части крестьян, для которых «промыслы» и продажа рабочей силы были основной сферой деятельности.

Различия во внутреннем строе крестьянского хозяйства, проявляющиеся при сопоставлении показателей на разные единицы измерения, связаны также с разной обеспеченностью крестьянского двора трудовыми ресурсами и с разной нагрузкой на работника в собственном хозяйстве. Средний размер семьи составлял в 1-й группе общин 5,8 человека, а в 4-й группе — 7,6 человека. Для зажиточного крестьянства, лучше обеспеченного собственными трудовыми ресурсами, характерна высокая интенсивность использования своей рабочей силы при распространении в той или иной мере найма чужой рабочей силы. Семейная кооперация являлась основой капиталистической кооперации. В этой группе «душа» представляет более точную и емкую единицу измерения сбалансированности производственного потенциала крестьянских хозяйств и их трудовых ресурсов.

В то же время для большей части беднейшего крестьянства была характерна неполная занятость членов семьи в собственном земледельческом производстве, которую можно считать одной из проявлений аграрного перенаселения. Эта форма относительного перенаселения при капитализме выражается прежде всего в создании огромного избытка рабочей силы в сельском хозяйстве, который возникает в процессе расслоения крестьянства [22]. Скрытый характер аграрного перенаселения проявляется в том, что разорившиеся или разоряющиеся крестьяне, оставаясь формально самостоятельными хозяевами, вынуждены пополнять армию наемных рабочих. В пореформенной деревне существовала громадная резервная армия труда, многомиллионная армия пролетариев и полупролетариев, неспособных существовать только за счет собственного хозяйства и вынужденных в той или иной мере прибегать к продаже своей рабочей силы. В России аграрное перенаселение, являющееся необходимым условием и неизбежным результатом всякого развития капитализма, имело свои особенности. Они были связаны главным образом с наличием полукрепостнических пережитков, которые не гарантировали крестьянство от расслоения, но в то же время задерживали его отрыв от земли, придавая тем самым перенаселению деревни особую остроту.

Таким образом, корреляционный анализ дает возможность выявить и оценить тесноту взаимосвязей различных элементов внутреннего строя крестьянского хозяйства, но не всегда раскрывает причины, определяющие характер этих взаимосвязей. Факторное моделирование крестьянского хозяйства позволяет выйти на новый более обобщенный уровень изучения его структуры. От анализа нескольких сотен парных взаимосвязей мы переходим к изучению нескольких, тесно связанных между собой блоков признаков, которые отражают действие более общих закономерностей функционирования и развития крестьянского хозяйства различных социально-экономических типов.

●

В данном случае был использован один из методов факторного анализа — метод экстремальной группировки параметров. Суть его заключается в том, что при обработке корреляционной матрицы выявляются наиболее тесно связанные группы признаков, причем каждый из них включается только в одну группу (фактор). Таким образом, фактор становится новым интегральным показателем, который отражает скрытые причины, определяющие взаимную близость данных признаков. Из 34 показателей, характеризующих основные стороны деятельности крестьянского хозяйства (землевладение и землепользование крестьянского двора, количество рабочего и продуктивного скота, число батраков и промышленников, денежные доходы и расходы хозяйства и др.), нами было первоначально выделено 6 вариантов факторных моделей, с различной степенью обобщения описывающих крестьянское хозяйство в полярных группах общин — они включали соответственно 1, 2, 3, 4, 5 и 6 факторов. С точки зрения содержательной интерпретации данных факторов, а также формальных критериев (темпов роста совокупного веса факторных нагрузок) оптимальным оказался вариант из 4 факторов, который представляет достаточно обобщенную, но в то же время развернутую модель внутреннего строя крестьянского хозяйства в полярных группах общин.

Самым большим по набору признаков и их суммарной факторной нагрузке является первый фактор (в 1-й группе — 7,78 и в 4-й группе — 12,77). Он отражает общий уровень развития крестьянского хозяйства в данной местности, прежде всего его производственно-экономический потенциал. В обеих группах общин содержание данного фактора определяют высокие факторные нагрузки признаков, характеризующих обеспеченность крестьянского двора основными средствами производства и доходность сельского хозяйства (таблица 32).

В 1-й группе общин с первым фактором образуют тесные прямые взаимосвязи такие показатели, как обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим и продуктивным скотом, а также доходы от его продажи (соответственно 0,84; 0,73; 0,75); в 4-й группе общин с первым фактором взаимосвязаны численность рабочего

и продуктивного скота (0,99, 0,97), общая площадь землепользования (0,93), надельной и арендованной земли (0,78 и 0,81), а также доходы от сельского хозяйства (0,95) и продажи хлеба и скота (0,86; 0,92), а также доходы от промыслов (0,89).

В группе беднейших селений общий уровень и условия развития крестьянского хозяйства в значительной мере зависели также от соотношения численности беднейшего и среднего крестьянства. Этот уровень был тем выше, чем меньше в общей массе крестьянства удельный вес неимущих слоев деревни — хозяйств без лошади и с 1 лошадью (—0,78), не обрабатывающих земли (—0,75), покупавших хлеб (—0,73), и чем многочисленнее прослойка дворов с 2 и 3 лошадьми (0,66).

Однако наряду со сходством в наборе признаков, образующих первый фактор, наблюдаются и заметные отличия, связанные с различной отраслевой специализацией крестьянского хозяйства в полярных группах селений, уже отмеченные при анализе его корреляционных моделей. О преимущественном развитии земледельческого производства в группе зажиточных общин свидетельствует высокие положительные факторные нагрузки таких показателей, как общая площадь землепользования (0,93), размеры надельной (0,78) и арендованной земли (0,81), число усовершенствованных земледельческих орудий (0,63), доходы от продажи хлеба (0,86) и др. Отсутствие данных признаков в группе беднейших общин наряду с высокими положительными факторными нагрузками доли хозяйств, продававших и покупавших скот, а также выручки от его продажи (соответственно 0,81; 0,59; 0,75) указывают на животноводческую специализацию хозяйства.

Содержательный смысл второго фактора (его суммарная факторная нагрузка составляет 6,10 в 1-й группе и 5,37 в 4-й группе общин) раскрывают две основные группы признаков. С одной стороны, тесные прямые взаимосвязи образуют с данным фактором характеристики промысловой деятельности крестьянства — число промышленников на душу населения, доля хозяйств с промыслами и с торгово-промышленными заведениями. В 1-й группе общин факторные нагрузки этих признаков соответственно равны 0,69, 0,49 и 0,34, а в 4-й группе с данным фактором коррелирует лишь доля дворов с промышленниками (0,56) (см. таблицу 32).

И напротив, отрицательные факторные нагрузки имеют показатели общего уровня и товарности земледельческого производства. В обеих группах общин к ним относятся характеристики земельной площади (размеры надела и общей площади землепользования в 1-й группе — 0,62; —0,69 и купчей земли —0,56, в 4-й группе), удельного веса всех продававших хозяйств и хозяйств, продававших хлеб (в 1-й группе —0,83 и —0,85, а в 4-й группе —0,52 и —0,65), а также доходы от сельского хозяйства и продажи хлеба в беднейших селениях (—0,88, —0,71). Такой набор факторных нагрузок позволяет с известными оговорками интерпретировать второй фактор как показатель развития крестьянских «промыслов». Незначительные размеры собственного земледельческого хо-

Таблица 32

Факторные модели крестьянского хозяйства в полярных группах общин (факторные нагрузки 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	Факторы							
		Беднейшая группа общин				Зажиточная группа общин			
		I	II	III	IV	I	II	III	IV
	На душу								
1	Землепользование (дес.)		—69			93			
2	Надельная земля (дес.)		—62			78			
3	Купчая земля (дес.)			91			—56		
4	Арендованная земля (дес.)			83		81			
5	Сданная земля (дес.)			70				87	
6	Рабочий скот	84				99			
7	Продуктивный скот	73				97			
8	Батраки				94				82
9	Нанимающиеся в батраки				—30	49			
10	Промышленники		69			96			
11	Усовершенствованные орудия			53		63			
12	Расходы (руб.)				53	98			
13	Расходы на покупку хлеба (руб.)	—87				93			
14	Расходы на покупку скота (руб.)			58		68			
15	Доходы от сельского хозяйства (руб.)		—88			95			
16	Доходы от продажи хлеба (руб.)		—71			86			
17	Доходы от продажи скота (руб.)	75				92			
18	Доходы от промыслов (руб.)	—27				89			
	Доля хозяйств от общего числа								
19	Без лошади и с одной лошадью	—78					81		
20	С 2 и 3 лошадьми	66					—69		
21	С 4 и более лошадьми				90				69
22	С батраками				96				87
23	С промышленниками		49				56		
24	С торгово-промышленными заведениями		34						—31
25	Не обрабатывающие землю	—75						65	
26	Покупающие				15			—28	
27	Покупающие хлеб	—73					56		
28	Покупающие скот	59						—45	
29	Продающие		—83				—52		
30	Продающие хлеб		—85				—65		
31	Продающие скот	81					—46		
32	Купчая земля от землепользования				66			—56	
33	Сданная земля от надела				84			88	
34	Арендованная земля от землепользования				39				42
35	Суммарная факторная нагрузка	778	610	544	378	1277	537	313	311
36	Суммарная факторная нагрузка, %	29	18	16	11	38	16	9	9

зяйства большинства крестьян вынуждали их искать иные источники средств существования. Лишь сочетание земледельческой и промысловой деятельности крестьян, взаимодополняющих друг друга, удерживали массу мелких товаропроизводителей от окончательного разорения, позволяя сохранять им свое хозяйство в положении «неустойчивого равновесия». Различные внеземледельческие занятия, среди которых существенную часть занимала работа по найму, становились уделом прежде всего неимущих слоев деревни. Об этом говорит то, что в группе зажиточных общин со вторым фактором образует тесную прямую взаимосвязь доля безлошадных и однолошадных дворов (0,81), хозяйств, покупавших хлеб (0,56), при обратных зависимостях удельного веса дворов с 2 и 3 лошадьми (—0,69).

Следующее место по величине суммарной факторной нагрузки (в 1-й группе 5,44 и в 4-й группе 3,13) занимает фактор, характеризующий земельные отношения. В обеих группах общин с ним тесно связаны показатели сдачи надельной земли (факторные нагрузки таких признаков, как размер сданной земли на душу населения и ее доля от надела составляют в 1-й группе общин 0,70; 0,84 и 0,87; 0,88 в 4-й группе, а в беднейших селениях и размеры купчей и арендованной земли (0,91; 0,83) (см. таблицу 32). Интерпретация третьего фактора не требует развернутых пояснений. Отметим лишь одну любопытную деталь. Корреляционный анализ структуры крестьянского хозяйства в полярных группах общин указывает на преобладание в них различных форм крестьянской аренды: потребительской — в беднейших селениях и предпринимательской — в группе зажиточных. Поэтому в группе зажиточных общин характеристики земельной аренды не вошли в третий фактор, который отражает участие в арендных отношениях преимущественно беднейших слоев крестьянства. К ним принадлежала подавляющая часть сдатчиков надельной земли в обеих группах общин и большая часть арендаторов в группе беднейших селений. Буржуазный характер аренды в группе зажиточных общин определяется тем, что размах арендных отношений, то есть доля аренды от землепользования, является одним из показателей перестройки земледелия на капиталистический лад и входит в четвертый фактор, характеризующий общий уровень развития буржуазных отношений в крестьянском хозяйстве.

И наконец, наименьший вес во внутреннем строе крестьянского хозяйства имеет фактор, отражающий развитие собственно аграрного капитализма (в 1-й группе —3,78, в 4-й группе —3,11). В обеих группах общин содержание этого фактора определяют в первую очередь высокие факторные нагрузки найма рабочей силы — числа батраков и доли дворов с батраками (в 1-й группе, 0,94; 0,96; в 4-й группе 0,82; 0,87), а также удельного веса зажиточных многолошадных дворов в (1-й группе — 0,90, в 4-й группе 0,69). Кроме того, в 1-й группе четвертый фактор включает также такой признак, как общая сумма расходов на душу населения (его факторная нагрузка равна 0,53), а в 4-й группе, как уже от-

мечалось, долю аренды от землепользования (0,42). Безусловно, все эти показатели являются существенными характеристиками проникновения капиталистических отношений в крестьянское хозяйство.

Итак, основной результат математического моделирования крестьянского хозяйства на основе группировки территориальных сводок земской статистики заключается в возможности выявить степень подчинения крестьянского хозяйства закономерностям товарного производства, которая проявляется в количественных оценках взаимосвязей его основных элементов, а также обнаружить различия во внутреннем строе крестьянского хозяйства, обусловленные существованием нескольких социально-экономических форм его организации.

Главная трудность в интерпретации корреляционных и факторных моделей заключается в том, что группировка территориальных единиц, а не собственно крестьянских дворов не дает возможности получить предельно «чистые» модели социально-экономических типов крестьянских хозяйств. Анализируемые совокупности включают все категории крестьянских дворов, отличаясь лишь их количественным соотношением. Тем не менее результаты анализа средних характеристик, корреляционных и факторных моделей крестьянского хозяйства в выделенных группах волостей и общин позволяют, во-первых, наметить основные направления поляризации крестьянских хозяйств, а во-вторых, выявить крайние типы, «полюса», к которым в конечном итоге они приближаются в процессе буржуазной эволюции.

Резюмируя итоги сравнительного анализа крестьянского хозяйства в полярных группах волостей и общин, следует подчеркнуть, что хозяйственная деятельность всех слоев и категорий крестьянских дворов независимо от уровней и тенденций их экономического развития в значительной мере определялась законами рыночного производства. Эта закономерность проявляется в общей согласованности элементов крестьянского хозяйства, прежде всего характеристик его обеспеченности основными условиями и средствами производства (землей, скотом, инвентарем и др.).

Однако процесс проникновения капиталистических отношений в крестьянское хозяйство имел заметные отличия в полярных группах общин. От 1-й к 4-й группе значительно возрастает объем товарного производства, увеличивается специализация крестьянского хозяйства, при этом процесс развития товарно-денежных отношений идет прежде всего за счет подчинения рынку зернового производства. В таком же направлении повышается общий уровень крестьянского хозяйства, его обеспеченность основными средствами производства. Отчетливо прослеживается тенденция к расширению производства, его концентрации состоятельными слоями крестьянства. Меняется характер экономической деятельности: расширение собственного земледельческого хозяйства происходит за счет снижения значения «промыслов». Наблюдаются существенные изменения и в соотношении купли-продажи рабочей

силы: в группе зажиточных общин все более ярко выраженный и систематический характер приобретает капиталистический найм в противовес значительному развитию продажи собственной рабочей силы в группе беднейших селений. Явственно обнаруживаются две основные тенденции: в группе зажиточных общин интенсивнее идет процесс формирования фермерских слоев крестьянства, тогда как в группе беднейших общин преобладает тенденция пролетаризации и пауперизации мелких товаропроизводителей.

§ 3. Корреляционная и факторная модель крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона по уездным данным

Корреляционная модель крестьянского хозяйства, созданная на основе несгруппированных данных о всех крестьянских дворах 57 уездов Центрально-Черноземного региона, позволяет охарактеризовать несколько иной аспект его социально-экономической эволюции, а именно общий уровень буржуазной перестройки крестьянского хозяйства. При отсутствии группировки территориальных и хозяйственных единиц теснота взаимосвязей основных элементов крестьянского хозяйства представляет равнодействующую различных, зачастую противоположных тенденций его социально-экономического развития и отражает преобладающий тип производственных отношений. При данном математическом аппарате степень вовлечения крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения характеризует теснота взаимосвязей показателей его обеспеченности основными средствами производства, в первую очередь землей и скотом, а также их взаимосвязи с долей различных типов крестьянских хозяйств. Основным недостатком анализируемой модели крестьянского хозяйства является отсутствие в ней показателей купли-продажи рабочей силы и товарности крестьянских хозяйств, что не дает возможности определить соотношение высших и низших форм аграрного капитализма. К сожалению, эти данные не содержатся в большинстве публикаций земской статистики по Центрально-Черноземному региону. Корреляционные зависимости общей площади землепользования, численности рабочего и продуктивного скота равны соответственно 0,47; 0,60; 0,46 при расчете показателей на двор и 0,79; 0,41; 0,43 при расчете показателей на душу населения. Средняя теснота взаимосвязей производственно-экономических характеристик крестьянского хозяйства превышает 0,5 (таблица 33).

Характер этих корреляционных зависимостей свидетельствует о сбалансированности структуры крестьянских хозяйств, детерминированности ее объективными экономическими закономерностями товарно-денежных отношений, а следовательно, о превращении крестьян в мелких товаропроизводителей. Воспроизводство основных хозяйственных и жизненных средств все более широкой массы крестьянства становится невозможным без постоянных связей с рынком; крестьянское хозяйство пореформенной эпохи приобретает мелкобуржуазный характер.

Однако значительная часть коэффициентов корреляционных моделей далека от экстремальных значений. Это говорит о заметном влиянии на силу и чистоту проявления товарно-капиталистических закономерностей феодально-крепостнических пережитков. Их гнетущее воздействие в области аграрных отношений выражалось в общей замедленности буржуазной эволюции дерев-

Таблица 33

Корреляционная модель крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона (поуездный уровень сводки данных)

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5	6	7
		Коэффициенты корреляции 0, ...						
		На двор						
1	Удобная надельная земля (дес.)	×	76	35	53	66	87	63
2	Надельная пашня (дес.)	77	×	37	60	29	85	57
3	Арендованная земля (дес.)	39	39	×	43	27	60	40
4	Рабочий скот	52	61	50	×	46	47	50
5	Продуктивный скот	61	37	35	43	×	60	46
6	Землепользование (дес.)	70	69	65	41	79	×	68
7	Средняя теснота зависимости признаков	60	57	46	50	51	65	×
		На душу						

ни, слабости и незначительности предпринимательских слоев крестьянства, а также неполноте отделения разорившихся товаропроизводителей от средств производства. Обязательные повинности по наделу, отсутствие у крестьян свободы передвижения и поселения мешали свободному предложению труда на рынке, ставили крестьянина в зависимость от помещика, торговца, ростовщика, неизбежно порождали худшие кабальные формы его эксплуатации. Отвлекаясь от земледелия, крестьянин опять-таки по большей мере оставался в мелкой, а не в крупной промышленности, в сфере действия низших неразвитых форм капитализма [23]. Существование двойного гнета — капиталистического и полуфеодального — снижало жизненный уровень трудящихся. Развитие кабалы, консервация «примитивных» форм капитализма в значительной мере задерживали общественный прогресс.

Противоречивый характер общественного прогресса при капитализме и в развитии сельскохозяйственного производства в частности, достаточно далеко зашедший процесс расслоения крестьянства, борьбу интересов, «плюс» для одних и «минус» для других наглядно отражают корреляционные взаимосвязи основных элементов крестьянского хозяйства с удельным весом различных социально-экономических слоев крестьянства. Практически все эти

показатели дают положительные коэффициенты корреляции с долей зажиточных дворов и отрицательные — с долей разоряющихся крестьянских хозяйств (таблица 34).

В условиях утверждения капиталистического способа производства количественные различия в имущественной состоятельности крестьянских дворов приобретают качественно новое содержа-

Таблица 34

Взаимосвязи основных элементов крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона с долей различных социально-экономических слоев крестьянства (коэффициенты корреляции 0, ...)

Номер показателя	Показатели	Доля хозяйств					
		без лошади и с 1 лошадью	с 2 и 3 лошадьми	с 4 и более лошадьми	без лошади и с 1 лошадью	с 2 и 3 лошадьми	с 4 и более лошадьми
		На двор			На душу		
1	Землепользование (дес.)	—43	13	53	—31	1	49
2	Удобная надельная земля	—33	29	56	—30	16	53
3	Надельная пашня (дес.)	—43	42	62	—42	33	57
4	Арендованная земля (дес.)	—38	16	52	—29	10	46
5	Купчая земля (дес.)	49	41	—47	49	—45	—50
6	Сданная земля (дес.)	23	—2	—1	26	—8	—6
7	Рабочий скот	—73	80	80	—77	73	76
8	Продуктивный скот	—25	27	40	—18	8	25
9	Душ обоего пола	—59	51	41	—	—	—

ние. Неравномерность распределения основных средств производства (земли, тяглового и продуктивного скота и др.) указывает на социально-экономическую дифференциацию крестьянства, выделение из его среды новых типов сельского населения. Небольшое число многолошадных дворов, составлявших в среднем по региону всего 7%, лучше обеспеченных трудовыми ресурсами (коэффициент корреляции с числом душ обоего пола 0,41), концентрировало у себя значительную часть средств производства. На это указывают прямые зависимости данного показателя со всеми ведущими компонентами крестьянского хозяйства: надельной землей (0,56), надельной пашней (0,62), арендованной землей (0,52), общей площадью землепользования (0,53), рабочим скотом (0,80), продуктивным скотом (0,40). В то же время беднейшая группа крестьянства (55% безлошадных и однолошадных хозяйств), включавшая в основном малосемейные дворы (коэффициент корреляции с числом душ обоего пола равен —0,59), при недостаточной обеспеченности их рабочим скотом (—0,73), землей (—0,33), надельной пашней (—0,43), арендой (—0,38) сокращала свою долю в общем объеме земледельческого производства, получая все большую часть средств существования от продажи собственной рабочей силы.

Общие закономерности социально-экономической эволюции крестьянских дворов в пореформенный период отчетливо прояв-

ляются и при анализе отдельных сторон их хозяйственной деятельности, например, в системе земельных отношений. Мы подробно останавливаемся на характеристике крестьянского землевладения и землепользования, поскольку в публикациях земской статистики эта сфера деятельности крестьянских хозяйств освещена с наибольшей полнотой.

Надельное землевладение — наиболее уравнительная сфера крестьянской жизни. Распределение надельной земли проводилось в зависимости от численности крестьянского населения: пропорциональность его четко проявляется в тесной прямой взаимосвязи величины крестьянской семьи (число душ обоего пола на двор) с обеспеченностью хозяйства надельной землей (0,66). Размеры купчей и арендованной земли не зависят от численности крестьянского двора (коэффициенты корреляции между этими признаками равны соответственно —0,20 и 0,19). Однако даже надельное землевладение — малодинамичное, с наибольшими остатками средневековых перегородок, само по существу бывшее пережитком крепостничества, испытывало на себе влияние развивающегося капитализма. Влияние хозяйственной состоятельности крестьянских дворов отражают положительные коэффициенты корреляции размеров удобной надельной земли с многолошадными хозяйствами и отрицательные коэффициенты корреляции с безлошадными и однолошадными дворами (см. таблицу 34).

Характер взаимосвязей арендованной и сданной земли противоположен: размер аренды тем больше, чем выше удельный вес многолошадных дворов (0,52) и меньше доля безлошадных и однолошадных дворов (—0,38); площадь сданной земли находится в прямой зависимости от удельного веса беднейших слоев деревни (0,23), взаимосвязь с долей зажиточных отсутствует (—0,01) (см. таблицу 34). Суть данных явлений состоит в перераспределении земельного фонда между различными слоями крестьянства: беднейшие слои теряли землю — основное условие производства, а зажиточные крестьяне сосредоточивали в своих руках площадь, доля которой в общей площади землепользования значительно превышала удельный вес этой категории крестьян. На «перебивание» аренды зажиточными предпринимательскими слоями указывает прямая зависимость размеров аренды с производственно-экономическим потенциалом крестьянского двора, обеспеченностью его основными средствами и условиями производства — землей, рабочим и продуктивным скотом (0,60, 0,43, 0,27) (таблица 35).

Именно хозяйственная состоятельность арендаторов определяла исход конкурентной борьбы за арендный фонд и концентрацию снятой земли в руках сельской буржуазии.

Еще одно доказательство этого положения — характер взаимосвязей между арендованной площадью и размерами надельного землевладения. Размеры арендованных участков росли вместе с обеспеченностью крестьянского хозяйства надельной землей (0,37), что указывает на преобладание арендных отношений предпринимательского типа. При господстве аренды из нужды арендная и надельная земля находятся в обратной зависимости. В многонадельном крестьянстве более интенсивно протекал процесс формирования сельской буржуазии, а именно влияние и численность этих слоев крестьянства определяли размах торговой аренды.

Однако преобладание того или иного типа аренды по площади земли неоднозначно ее преобладанию по числу дворов, а мотивы

Таблица 35

Связь аренды земли с основными элементами крестьянского хозяйства (коэффициенты корреляции, 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	Размер аренды		Доля арендаторов вненадельной земли
		на двор	на душу	
1	Землепользование (дес.)	0,60	0,65	—0,24
2	Удобная надельная земля (дес.)	0,35	0,39	—0,56
3	Надельная пашня (дес.)	0,37	0,39	—0,44
4	Рабочий скот	0,43	0,50	0,08
5	Продуктивный скот	0,27	0,35	—0,20
6	Доля хозяйств без лошади и коровы	—0,35	—0,29	—0,10
7	Доля хозяйств без лошади и с 1 лошадью	—0,38	—0,29	—0,20
8	Доля хозяйств с 2 и 3 лошадьми	0,16	0,10	0,08
9	Доля хозяйств с 4 и более лошадьми	0,52	0,46	0,03

участия в аренде различных слоев крестьянства существенно отличались. Доля арендаторов (к сожалению, в пределах всего региона сопоставимы лишь данные о съемщиках вненадельной земли) не образует взаимосвязи ни с обеспеченностью хозяйства рабочим скотом (0,08), ни с удельным весом различных социально-экономических групп крестьянства (—0,20 с долей хозяйств без лошади и с 1 лошадью, 0,08 с долей хозяйств с 2 и 3 лошадьми, 0,03 с долей многолошадных хозяйств; см. таблицу 35).

Это свидетельствует о том, что в Центрально-Черноземном регионе уровень развития товарно-капиталистических отношений обусловливал преобладание предпринимательской аренды по площади. Однако причины участия в аренде основной массы крестьянства были иными. Отрицательные коэффициенты корреляции доли арендаторов с характеристиками надельного землевладения (—0,56 с удобной надельной землей и —0,44 с надельной пашней) означают, что число участников арендных сделок уменьшалось по мере роста надела, а следовательно, для подавляющего большинства съемщиков земли аренда носила вынужденный характер из-за острого малоземелья, по числу арендаторов явно преобладала аренда из нужды. Участие в аренде предполагало не только формальное, но и фактическое наличие у арендатора собственного хозяйства, определенную обеспеченность его скотом, инвентарем и рабочей силой. Доля арендаторов по отношению к

общей численности населения зависела и от степени развития «промыслов». Хотя в нашем распоряжении нет прямых показателей, характеризующих данное явление, так как сведения о «промыслах» несопоставимы в пределах всего региона, косвенным показателем может служить отношение налично-приписных дворов ко всем приписным. Прямая взаимосвязь этого показателя с числом арендаторов (0,35) указывает на обратное соотношение между участием в аренде и числом отсутствующих крестьян, большей частью ушедших в город на заработки.

По сравнению с арендой покупка земли в Центрально-Черноземном регионе в конце XIX в. имела гораздо меньшее значение. Купчая земля составляла от надела 6%, а арендованная (преимущественно вненадельная) земля почти в 5 раз больше (29%); доля арендаторов вненадельной земли (33%) значительно превышала удельный вес хозяйств с купчей землей (5%). Как и в случае аренды, покупая землю, крестьяне увеличивали свое землепользование за счет угодий, необходимых для развития отраслей хозяйства, отражающих производственно-экономическую специализацию данного региона. Как правило, крестьяне покупали пахотную землю. На приобретение пашни указывает обратная зависимость характеристик купчего землевладения (отношение купчей земли к надельной, размеры купчей земли на приписной двор, доля хозяйств с купчей землей) с надельной пашней, долей пашни в наделе, а также прямая взаимосвязь этих признаков с надельным сенокосом и долей сенокоса в наделе (таблица 36).

Еще одним доказательством покупки пашни может служить обратная взаимосвязь удельного веса хозяйств с купчей землей с размерами надельной аренды на приписной двор (—0,29). Поскольку доля сенокосных угодий в наделе была крайне мала, при надельной аренде снимали главным образом пахотную землю; с размерами вненадельной аренды доля хозяйств с купчей землей не коррелирует из-за увеличения доли сенокосов в общей площади арендованной земли (—0,02).

«Капиталистическое землевладение есть владение землей со стороны того, кто имеет капитал и лучше всего приспособляется к рынку» [24]. Буржуазный характер покупки земли проявляется во взаимосвязях такого показателя, как размер купчей земли на хозяина с купчей. Он образует прямые зависимости с обеспеченностью крестьянского двора основными средствами производства (размерами надельной земли, общей площадью землепользования, численностью рабочего и продуктивного скота), с долей многолошадных хозяйств и обратные взаимосвязи с неимущими слоями деревни — хозяйствами без лошади и с 1 лошадью (см. таблицу 36).

Указанные взаимосвязи свидетельствуют о том, что, как и при аренде земли, зажиточность двора становилась определяющим фактором: более состоятельные крестьяне больше и покупали. Отметим также прямую зависимость этого показателя от размера аренды на арендующий двор (0,51); такая взаимосвязь указывает, что изменения данных признаков в значительной мере вызывались общими причинами.

Однако покупка земли была распространена не только и не столько среди зажиточного крестьянства. Об этом говорят положительные коэффициенты корреляции удельного веса хозяйств с купчей землей с неимущими слоями деревни — долей дворов без лошади и с 1 лошадью (0,60), без избы (0,50), а также отрицательные коэффициенты с дворами с 2 и 3 лошадьми (—0,52) и многолошадными хозяйствами (—0,46). Аналогичные взаимосвязи характерны и для таких показателей, как доля купчей земли от надельной и размер купчей земли на приписной двор (см. таблицу 36).

Таблица 36

Связь покупки земли с основными элементами крестьянского хозяйства (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	Отношение купчей земли к надельной	Доля хозяйств с купчей землей	Размер купчей земли на приписной двор	Купчей земли на хозяина с купчей
	На двор:				
1	Землепользование (дес.)	—	—	—	—
2	Удобная надельная земля (дес.)	—57	—48	—42	43
3	Надельная пашня (дес.)	—62	—57	—52	36
4	Надельный сенокос (дес.)	—58	71	58	—25
5	Однолетняя аренда	50	42	51	11
6	Долгосрочная аренда	—40	—37	—35	15
7	Аренда на арендующий двор	—35	—33	—29	51
8	Рабочий скот	—58	—56	—48	19
9	Продуктивный скот	—23	—20	—11	29
	Доля:				
9	Пашни в наделе	—30	—30	—38	—2
10	Сенокоса в наделе	68	74	66	—31
11	Хозяйств без лошади и с 1 лошадью	53	60	49	—37
12	Хозяйств с 2 и 3 лошадьми	—46	—52	—40	4
13	Хозяйств с 4 и более лошадьми	—53	—46	—45	26
14	Хозяйств без избы	44	50	37	—35

Вероятно, на низших стадиях развития капитализма в земледелии при неустойчивой рыночной конъюнктуре и недостатке у большинства крестьян свободных денег покупка земли была связана для них с большим риском и менее выгодна, чем аренда. При неблагоприятных условиях у арендатора оставался неоплаченным его собственный труд, а также издержки на амортизацию средств производства. Для крестьянина при неудачной покупке земли значительно тяжелее была потеря свободного денежного капитала, поэтому, расширяя свое хозяйство, он предпочитал арендовать землю, а не покупать. Борьба за арендный фонд складывалась в пользу состоятельных слоев деревни. Менее конку-

рентоспособная часть крестьян, стремившихся увеличить свое землепользование, была вынуждена покупать недостающую землю, делая при этом большие затраты, чем при аренде тех же участков. Итак, по всей видимости, покупка земли могла получить значительный размах лишь при определенном уровне зрелости капиталистических отношений. В конце XIX в. в Центрально-Черноземном регионе в условиях преимущественного развития мелкобуржуазных форм капитализма более эффективным способом перестройки земледелия на буржуазный лад, ломки старых полукрепостнических форм землепользования была аренда, а не покупка земли.

В этой связи определенные параллели можно провести с характером соотношения в Центрально-Черноземном регионе различных форм арендной платы. В конце XIX в. здесь преобладала денежная аренда (51%), что само по себе свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений. В то же время в Центрально-Черноземном регионе относительно велика была и доля натуральной аренды (28%), а в остальных случаях тип арендных платежей в источниках не указан. Исследователями уже отмечено широкое распространение испольной и отработочной форм аренды в местностях наибольшего развития аграрного капитализма. Для многих крестьян, стремившихся к расширению производства и располагавших необходимыми резервами орудий производства и рабочей силой, но не имевших еще избытка денежных средств, предпочтительнее могла быть натуральная или смешанная арендная плата, значительную часть которой составлял неоплаченный крестьянский труд [25]. Косвенным доказательством этого положения служит и прямая зависимость показателей покупки земли с арендой на один посев (0,51) и обратная зависимость с долгосрочной арендой (—0,35), более выгодной экономически (см. таблицу 36).

●

Факторная модель крестьянского хозяйства дает возможность оценить характер и стабильность причин, которые определяли сущностные свойства его внутреннего строя. Применение данного математического аппарата к территориальным сводкам земской статистики позволяет получить обобщенные характеристики социально-экономической организации крестьянского хозяйства, выявить на (губернском, уездном, волостном и общинном уровнях) региональные особенности развития крестьянского хозяйства и таким образом конкретизировать общую аграрную типологию России рубежа XIX—XX вв. Как и при моделировании структуры крестьянских хозяйств в полярных группах общин, мы использовали метод экстремальной группировки параметров, при котором число факторов заранее задано. В данном случае мы выделили 6 вариантов факторной модели крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона, которые с различной степенью детализации отражают его внутренний строй. В 1-м варианте 17 призна-

ков, характеризующих размеры надельной, купчей, сданной, арендованной земли и общей площади землепользования, численность населения, рабочего и продуктивного скота, способы обработки надела, а также долю крестьянских дворов с различной обеспеченностью рабочим скотом, входили в один фактор; во 2-м варианте эти же признаки разбивали на два фактора, в 3-м варианте — на 3 фактора ... и так до 6 факторов. Поскольку в таком сравнительно бедном наборе признаков отсутствуют характеристики товарности крестьянских хозяйств, купли-продажи рабочей силы (как уже отмечалось, эти показатели практически несравнимы в пределах всего региона), созданная на их основе факторная модель крестьянского хозяйства отражает главным образом производственный строй крестьянских хозяйств Черноземного Центра.

Для факторной структуры крестьянского хозяйства характерна прежде всего стабильность. Она проявляется в однотипности выделенных факторов и образующих их признаков, а также в удивительной одинаковости величин факторных нагрузок признаков во всех 6 вариантах факторной модели (таблица 37).

Увеличение числа факторов не ведет к принципиальным изменениям факторной модели крестьянского хозяйства, а лишь способствует конкретизации тех или иных черт его производственного строя. Это еще раз свидетельствует о том, что производственный процесс у всех типов крестьянских хозяйств независимо от размеров производства был подчинен единым требованиям, объективным по отношению к мелким товаропроизводителям.

Во всех вариантах самым большим по суммарной факторной нагрузке является фактор обеспеченности крестьянских хозяйств тягловым скотом (во 2-м варианте суммарная факторная нагрузка этого фактора равна 9,33, в 3-м варианте — 4,96, в 4-м варианте — 4,95, в 5-м варианте — 4,65, в 6-м варианте — 3,59). В фактор обеспеченности тягловым скотом с высокими факторными нагрузками входят такие признаки, как число рабочего скота на двор (коэффициенты корреляции данного признака с собственным фактором колеблются от 0,88 до 0,94), доля крестьянских дворов с различной обеспеченностью тягловым скотом — без лошади и с 1 лошадью, с 2 и 3 лошадьми, с 4 и более лошадей (корреляционная зависимость всех этих признаков с фактором превышает 0,80). Очевидно, что в конце XIX в. в Черноземном Центре размеры и общий уровень крестьянских хозяйств, их производственный потенциал определялись главным образом наличием у них основных средств производства, в первую очередь тяглового скота.

Вторым по значению является фактор обеспеченности крестьянского хозяйства землей, который четко выделяется с 3-го варианта факторной модели. Его суммарная факторная нагрузка равна в 3-м варианте 4,47, в 4-м варианте — 3,45, в 5-м варианте — 3,45, в 6-м варианте — 3,45. Содержание второго фактора во всех вариантах определяет прежде всего такой показатель, как общая площадь землепользования (положительные коэффициенты корреляции указанного признака с фактором превышают

Таблица 37

Факторная модель крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона (факторные нагрузки 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	вариант 1	2		3			4			5				6					
		фактор 1	1	2	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4	1	2	3	4	5	6
	На двор																			
1	Землепользование (дес.)	74	74			97			90			90				90				
2	Надельная земля (дес.)	73	74			89			93			93				93				
3	Купчая земля (дес.)	—56	—57		—74			—74						—97				—97		
4	Арендованная земля (дес.)	54	54			58				59					56					83
5	Сданная земля (дес.)	—12		—88			—54												—92	
6	Рабочий скот	88	88		89			89						—92	91		94			
7	Продуктивный скот	60	60			76			83			83				83				
8	Душ обоего пола	61	62			70			79			79				79				
	Доля хозяйств от общего числа																			
9	Без лошади и коровы	—56	—56			—57				—59				—60						—83
10	Без лошади и с 1 лошадью	—79	—78		—86			—86						—90			—89			
11	С 2 и 3 лошадьми	72	72		83			83						80			88			
12	С 4 и более лошадьми	81	81		83			83						88			88			
13	Обрабатывающие надел своим инвентарем	44	44				70			68			89				88			
14	Обрабатывающие надел наймом	—66	—65			—81			—90			—86				—86				
15	С купчей землей	—67	—68		—81			—81					—97					—97		
16	Арендующие вненадельную землю	37		42			62			64		68				68				
17	Сдающие надел	—19		—90			—69							—92					—92	—91
	Суммарная факторная нагрузка	999	933	220	496	447	335	495	345	340	465	345	243	184	359	345	242	194	184	183	166
	Суммарная факторная нагрузка, %	59	55	13	29	26	20	29	20	20	27	20	14	11	21	20	14	11	11	11	10

0,90); столь же высоки положительные факторные нагрузки надельной земли, чуть ниже — числа душ обоего пола и численности продуктивного скота (см. таблицу 37). С увеличением числа факторов в факторной модели начинается детализация фактора, характеризующего земельные отношения. Из него выделяются факторы, описывающие различные сферы земельных отношений: сдачу земли (такой фактор присутствует в 2—6-м вариантах), аренду земли (в 4—6-м вариантах), и, наконец, покупку земли (в 5—6-м вариантах). Однако характеристики надельного землевладения ни в одном из вариантов не выделяются в самостоятельный фактор и всегда присутствуют во втором факторе вместе с общей площадью землепользования. Все это свидетельствует о том, что в 80—90-е годы XIX в. производственный потенциал крестьянского хозяйства в сфере земельных отношений, по всей видимости, все еще определялся прежде всего размерами надела, несмотря на все большее распространение аренды и покупки земли. Пропорциональность распределения надельной земли (в зависимости от числа душ обоего пола) объясняет, почему демографические характеристики крестьянского двора всегда оказываются в том же факторе, что и размеры надела, и общая площадь землепользования. Присутствие в этом факторе также такого показателя, как численность продуктивного скота, говорит о том, что при преобладании в Черноземном Центре экстенсивного зернового производства численность продуктивного скота в крестьянском хозяйстве определялась прежде всего собственными потребностями крестьянского двора, а следовательно, зависела от численности крестьянской семьи и практически не испытывала влияния рыночной конъюнктуры.

Обращает внимание еще одна любопытная деталь. Прямо противоположный характер факторных нагрузок обнаруживают показатели аренды и покупки земли. Если площадь арендованной земли находилась в прямой зависимости от производственного потенциала крестьянского хозяйства, его обеспеченности землей и скотом, доли среднего и зажиточного крестьянства, то характеристики купчего землевладения (наряду с показателями сдачи надельной земли, доли хозяйств без лошади и коровы, без лошади и с 1 лошадью, а также обрабатывающих надел наймом) входят в 1-й фактор с отрицательными факторными нагрузками (см. таблицу 37). Это еще раз подтверждает неоднозначное значение аренды и покупки земли в перестройке земледелия на капиталистический лад.

Однако, пожалуй, наиболее эффективен факторный анализ для изучения сравнительного уровня социально-экономического развития отдельных территориальных и хозяйственных единиц (уездов, волостей, общин, отдельных крестьянских дворов) в целом и по отдельным показателям аграрных отношений. Естественно, что уровень и условия развития крестьянских хозяйств, определявшиеся комплексом природных и исторических причин, заметно отличались в разных губерниях и уездах Черноземного Цент-

ра. Как правило, этот аспект истории крестьянского хозяйства исследователи оценивают исходя из одного-двух показателей, например, обеспеченности крестьянского двора землей, скотом, доли зажиточных или, напротив, беднейших дворов и т. д. Между тем в одних местностях хозяйственная мощь крестьянского двора зависела главным образом от уровня развития зернового производства, в других местностях — от молочного животноводства, в третьих — решающее значение имели внеземледельческие заработки крестьян.

Факторный анализ позволяет оперировать характеристиками, которые отражают суммарное действие всех этих причин, и, следовательно, оценивать совокупный уровень развития крестьянского хозяйства с учетом основных сторон его производственной деятельности. Интегральными показателями уровня развития отдельных уездов являются факторные веса, то есть значения выделенных факторов для каждого объекта. Среднее значение этих индексов равно нулю. Положительные факторные веса имеют объекты, обладающие степенью проявления свойств больше среднего уровня, а отрицательные факторные веса характеризуют объекты, в которых степень проявления данных свойств меньше среднего уровня. В данном случае таким интегральным показателем является первый и единственный фактор первого варианта факторной модели, включающей все 17 характеристик крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона. Высокие положительные коэффициенты корреляции с этим фактором таких признаков, как число душ обоего пола (0,61), размеры надела (0,73), аренды (0,54) и общей площади землепользования (0,74), численность рабочего и продуктивного скота (0,88 и 0,60), доли среднего (0,72) и зажиточного крестьянства (0,81) и отрицательные доли хозяйств без скота (—0,56), без лошади и с 1 лошадью (—0,79), и не оставляют сомнений, что первый фактор отражает общий уровень развития сельскохозяйственного производства в крестьянском хозяйстве Черноземного Центра (см. таблицу 37).

Трехфакторная модель крестьянского хозяйства позволяет ранжировать уезды Центрально-Черноземного региона с учетом развития отдельных сторон сельскохозяйственного производства: по степени обеспеченности крестьянских дворов тягловым скотом, с одной стороны, и землей — с другой. Такими индексами являются факторные веса объектов по 1-му и 2-му факторам. Содержание 1-го фактора в этом варианте факторной модели определяет высокие положительные факторные нагрузки численности рабочего скота (0,88) и доли дворов с различной обеспеченностью тягловым скотом (0,83), тогда как со 2-м фактором тесно коррелируют такие показатели, как размер надела (0,89), аренды (0,58) и общей площади землепользования (0,97). 3-й фактор отражает способ обработки надела: с ним образуют прямые корреляционные зависимости такие признаки, как доля крестьян, обрабатывающих надел собственным инвентарем (0,70); и отрицательные зависимости такие признаки, как доля хозяйств, обрабатывающих

надел наймом (—0,81) и сдающих его, а также размеры сданной надельной земли (см. таблицу 37).

Производственный потенциал крестьянского хозяйства в более чем в половине уездов (29) Черноземного Центра был выше среднего. Среди них преимущественно уезды Воронежской, Курской и отчасти Тамбовской губерний, где более плодородные почвы и не столь сильные позиции помещичьего землевладения обеспечивали более благоприятные условия развития крестьянского хозяйства по сравнению с другими 25 уездами (в основном Рязанской и Орловской губерний), где общий уровень развития крестьянского хозяйства был ниже среднего по всему региону (таблица 38).

Причем, если верхний уровень развития крестьянского хозяйства (его богатство) определялся в первую очередь его обеспеченностью тягловым скотом (оба таких индекса, то есть интегральный фактор, характеризующий общий уровень крестьянского хозяйства, и 1-й фактор из трехфакторной модели, характеризующей обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим скотом, достигает своего максимума в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии — соответственно 2,02 и 2,26), то степень бедности крестьянских хозяйств, нижняя граница общего уровня развития сельскохозяйственного производства зависели главным образом от степени обеспеченности крестьянского двора землей (минимальные значения оба индекса, то есть интегральный фактор, характеризирующий общий уровень крестьянского хозяйства, и 2-й фактор трехфакторной модели, характеризующий обеспеченность крестьянского хозяйства землей, имеют в Егорьевском уезде Рязанской губернии — соответственно —2,45 и —3,79).

Таким образом, использование традиционных и новых математических методов анализа сводных данных земской статистики позволяет охарактеризовать социально-экономический строй крестьянского хозяйства на противоположных полюсах деревни, а также общий уровень его буржуазной перестройки и при отсутствии в источниках непосредственных показателей развития капитализма в аграрных отношениях. С одной стороны, чтобы выявить различия в структуре крестьянского хозяйства, обусловленные существованием нескольких социально-экономических форм его организации, мы группировали территориальные единицы и проводили сравнительный анализ крестьянского хозяйства в полярных совокупностях волостей и общин. С другой стороны, создав математическую модель крестьянского хозяйства на основе несгруппированных данных, мы смогли оценить общий уровень его буржуазной перестройки и охарактеризовать основные компоненты его внутреннего строя. Хотя, естественно, правомерны и необходимы оба направления исследования крестьянского хозяйства, мы были вынуждены уделить несколько большее внимание первому направлению анализа территориальных таблиц земской статистики, поскольку из-за нерасчлененного характера сводки данных этот источник долгое время считался практически непригодным

Таблица 38

Сравнительный уровень развития крестьянского хозяйства в Центрально-Черноземном регионе* (факторные веса)

Уезды	Факторы			
	1	1	2	3
Воронежская губерния	0,66	0,88	0,53	—0,21
1. Воронежский	1,56	1,28	1,46	—0,58
2. Острогожский	0,41	1,00	0,60	1,79
3. Землянский	0,16	0,08	0,12	—0,47
4. Задонский	—0,41	—0,41	0,35	—0,03
5. Коротоякский	1,51	1,81	0,82	0,92
6. Нижнедевицкий	1,54	1,81	0,83	1,06
7. Павловский	—0,01	—0,11	0,15	0,70
8. Богучарский	0,85	1,97	0,67	1,70
9. Новохоперский	1,76	1,97	1,15	0,80
10. Бобровский	0,64	0,89	0,52	—0,17
11. Бирюченский	—0,31	—0,25	—0,32	—0,01
12. Валуйский	0,25	0,52	0,02	—0,16
Курская губерния	0,33	—0,13	0,51	0,51
13. Курский	0,49	—0,22	0,73	0,11
14. Льговский	0,01	—0,48	0,16	1,18
15. Суджанский	0,57	—0,22	0,99	0,56
16. Рыльский	—0,17	—0,68	0,08	0,94
17. Путивльский	0,06	—1,30	0,86	1,24
18. Щигровский	0,49	0,38	0,36	0,52
19. Грайворонский	0,08	—0,54	0 54	0,27
20. Белгородский	—0,24	—0,58	—0,09	0,13
21. Новооскольский	—0,28	0,21	—0,07	—0,60
22. Тимский	1,13	0,46	1,20	0,86
23. Корочанский	0,84	0,72	0,56	0,87
24. Старооскольский	0,38	0,43	0,15	0,26
26. Обоянский	0,94	0,37	1,19	0,49
Орловская губерния	—0,20	—0,43	—0,36	0,79
26. Мценский	—0,62	—1,10	—0,38	0,09
27. Трубчевский	1,25	0,37	1,36	2,23
28. Кромский	—1,13	—0,75	—1,18	0,15
29. Карачевский	0,17	0,18	—1,13	0,99
30. Болховский	—0,68	—0,86	—0,65	0,49
Рязанская губерния	—1,08	—0,67	—0,96	—0,90
31. Рязанский	—2,26	—0,83	—2,49	—1,07
32. Раненбургский	—0,76	0,89	—0,27	—1,05
33. Данковский	—0,44	—0,99	0,28	—0,85
34. Скопинский	—0,16	—0,04	0,15	—0,69
35. Зарайский	—1,74	—1,50	1,28	—2,25
36. Михайловский	—0,75	—0,59	—0,33	—1,78
37. Егорьевский	—2,45	—0,63	—3,79	—0,15
38. Пронский	-0,89	0,70	—0,76	—0,76
39. Касимовский	—1,63	—0,39	—2,34	—0,26
40. Спасский	—1,57	—0,86	—1,50	—1,33
41. Сапожковский	—0,45	—0,36	—0,53	0,68
42. Ряжский	—1,65	—1,57	—1,18	—1,17

* Дмитровский и Фатежский уезды Курской губернии и Елецкий уезд Орловской губернии не вошли в таблицу из-за отсутствия необходимых сведений.

Продолжение табл. 38

Уезды	Варианты			
	1	1	2	3
Тамбовская губерния	0,18	0,23	0,22	0,07
43. Борисоглебский	2,02	2,26	1,22	1,22
44. Козловский	—0,70	0,74	0,60	—0,88
45. Моршанский	—0,53	—1,97	0,37	—0,02
46. Темниковский	—1,05	—1,54	—0,80	1,87
47. Спасский	0,52	0,87	0,04	0,86
48. Шацкий	—1,10	—1,67	—0,65	0,49
49. Елатомский	—0,32	0,01	—0,78	1,69
50. Липецкий	0,54	0,88	0,40	—1,32
51. Усмановский	0,89	1,15	0,69	—0,96
52. Кирсановский	0,72	0,48	0,68	—0,24
53. Лебедянский	0,24	0,50	0,02	—0,22
54. Тамбовский	0,94	1,01	0,89	—1,70

для изучения процессов буржуазной дифференциации крестьянства.

Анализ средних характеристик крестьянского хозяйства в выделенных группах селений и волостей дает представление о хозяйственных различиях внутри общины, а также о размерах и основных тенденциях социально-экономического развития беднейшего и зажиточного крестьянства.

С помощью корреляционного анализа удалось выявить и измерить тесноту взаимосвязей отдельных элементов крестьянского хозяйства, раскрывающих характер его социально-экономического строя. На этой основе оказалось возможным установить, с одной стороны, то общее, что было присуще внутренней структуре хозяйства различных групп крестьянства: появление ее сбалансированности под воздействием законов рыночного производства, а с другой стороны, отметить те особенные черты, которые отличали строй хозяйства крестьян на противоположных полюсах деревни, прежде всего в области купли-продажи рабочей силы, рыночной специализации, арендных отношений и занятий «промыслами». Однако вследствие присутствия в каждой группе общин нескольких различных категорий крестьянских дворов данные отличия проявились не в чистом, а в «смазанном» виде, что в наибольшей мере затрудняет анализ внутреннего строя среднего крестьянства.

Использование факторного анализа позволило перейти от сотни корреляционных взаимосвязей к нескольким интегральным показателям и таким образом обнаружить скрытые причины, определяющие в конечном итоге общее и особенное в структуре основных социально-экономических типов крестьянских хозяйств. С помощью факторного анализа оказалось также возможным получить количественные оценки выделенных различий. Этой цели служат факторные веса, которые являются обобщенными характеристиками уровня социально-экономического развития уездов и

Приложение к главе 4

Таблица I

Корреляционная модель социально-экономического строя крестьянского хозяйства в группе волостей с максимальной выручкой от продажи сельскохозяйственной продукции (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
		На двор														
1	Землепользование (дес.)	×	97	26	5	—7	21	11	—6	—5	—6	1	3	7	20	—19
2	Удобная надельная земля (дес.)	98	×	8	4	—9	18	16	—12	—10	—7	—3	4	4	15	—13
3	Арендованная земля (дес.)	39	22	×	16	25	26	—20	18	17	6	9	—8	20	27	—27
4	Рабочий скот	47	43	39	×	70	39	31	—32	—32	31	—36	15	67	71	—2
5	Продуктивный скот	39	32	53	91	×	25	—4	—34	—36	31	—35	15	47	36	11
6	Батраки	47	43	44	76	73	×	40	—4	—12	43	9	18	40	53	—13
7	Усовершенствованные орудия	32	35	—7	59	39	62	×	36	—11	—30	—6	35	34	43	—8
8	Нанимающиеся в батраки	22	15	40	41	38	34	25	×	1	—9	30	—5	—35	—18	—36
9	Промышленники	41	34	48	66	62	61	39	63	×	—27	27	—44	—53	—49	—16
10	Все расходы (руб.)	43	39	37	89	86	77	56	51	69	×	2	67	65	46	33
11	Расходы на покупку хлеба (руб.)	25	20	25	26	22	42	24	43	48	47	×	—15	—26	—21	—9
12	Расходы на покупку скота (руб.)	41	39	25	80	75	67	58	41	54	90	34	×	60	41	48
13	Доходы от сельского хозяйства (руб.)	44	41	37	92	85	75	59	31	53	90	29	89	×	86	28
14	Доходы от продажи хлеба (руб.)	46	43	31	87	73	73	65	26	40	78	22	77	93	×	—13
15	Доходы от продажи скота (руб.)	25	22	26	63	70	52	27	26	51	75	31	78	71	47	×
		На душу														

Таблица II

Корреляционная модель социально-экономического строя крестьянского хозяйства в группе волостей с минимальной выручкой от продажи сельскохозяйственной продукции (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
		На двор														
1	Землепользование (дес.)	×	84	11	58	59	58	13	27	44	12	13	63	64	58	61
2	Удобная надельная земля (дес.)	92	×	4	48	64	56	13	21	39	8	15	64	61	57	59
3	Арендованная земля (дес.)	9	—5	×	43	25	14	—14	25	13	11	6	34	28	36	18
4	Рабочий скот	63	53	40	×	80	57	3	42	55	21	15	69	63	55	65
5	Продуктивный скот	74	70	24	76	×	70	5	38	65	17	15	76	78	63	79
6	Батраки	76	69	6	50	65	×	15	41	62	34	59	73	51	39	59
7	Усовершенствованные орудия	5	12	—11	9	12	16	×	5	—25	—10	—16	36	25	20	41
8	Нанимающиеся в батраки	51	42	36	57	62	52	14	×	50	50	21	39	20	19	39
9	Промышленники	74	61	14	58	67	66	—11	68	×	44	55	43	34	18	44
10	Все расходы (руб.)	33	25	10	27	26	45	—3	49	50	×	38	9	8	1	18
11	Расходы на покупку хлеба (руб.)	44	29	4	13	9	52	—11	28	61	40	×	28	—5	—13	4
12	Расходы на покупку скота (руб.)	75	72	25	67	79	72	39	63	61	26	29	×	69	60	83
13	Доходы от сельского хозяйства (руб.)	83	75	6	54	69	59	14	25	45	16	18	62	×	81	84
14	Доходы от продажи хлеба (руб.)	82	79	17	66	82	70	20	49	60	28	18	80	80	×	64
15	Доходы от продажи скота (руб.)	79	73	14	65	81	62	41	56	59	29	18	87	80	79	×
		На душу														

общин. Принципиальная однотипность четырех выделенных факторов в полярных группах селений еще раз подтверждает, что функционирование практически всех категорий крестьянских дворов подчинялось единым объективным экономическим закономерностям. В то же время довольно значительные различия в наборе признаков, определявших содержание 4 факторов в группе беднейших и зажиточных общин, отражают существование нескольких социально-экономических форм организации крестьянского хозяйства. Результаты традиционных методов, а также корреляционного и факторного моделирования крестьянского хозяйства практически совпадают, что служит доказательством адекватности созданных математических моделей его внутренней структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

[1] См. подробнее: Никитин Н. П. Исторический обзор опытов разделения Европейской России на хозяйственные районы // Народное хозяйство. 1920. № 13—14; Книпович Б. Н. К методологии районирования. М., 1921; Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России периода капитализма 1860—1914 гг. М., 1951 и др.

[2] См.: Брук Б. Л. Производственные районы Воронежской губернии. Воронеж, 1921; Воробьев К. К методологии сельскохозяйственного районирования // Вестник статистики. 1924. Кн. XVIII; Коржов Н. И. Вопросы дробного районирования в работах по экономическому районированию дореволюционной России // Известия Воронежского педагогического института. 1969. Т. 87 и др.

[3] См.: Кауфман А. А. К вопросу о районировании дробного масштаба. Пг., 1915.

[4] См.: Румянцев П. П. О применении экономической группировки для оценочных выводов // Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге 20—30 декабря 1901 г. Спб., 1902.

[5] См.: Челинцев А. Н. К методологии сельскохозяйственного микрорайонирования М., 1928.

[6] См.: Фортунатов Л. Ф. К статистике распределения хозяйственного достатка среди крестьян // Русская мысль. 1894. Кн. 9; Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России: (Очерки по экономии сельского хозяйства). М., 1899; В. В. [Воронцов В. П.] Очерки крестьянского хозяйства. Спб., 1911 и др.

[7] Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков // История СССР. 1979. № 1; они же. Структура и уровень развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков // История СССР. 1981. № 1 и др.; Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

[8] См.: Разумов Л. В. О методике анализа земско-статистических описаний крестьянских хозяйств: (По материалам Зубцовского уезда Тверской губернии) // Вопросы истории СССР. М., 1972; Литвак К. Б. Опыт количественного анализа пообщинных сводок земских подворных переписей начала XX в. // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; Киселев И. Н., Разумов Л. В. Социально-экономическая структура крестьянства Ярославской губернии конца XIX — начала XX в. // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984; Моисеенко Т. Л. Опыт корреляционного моделирования внутреннего строя крестьянского хозяйства на основе территориальных сводок земской статистики. Там же и др.

[9] См.: Жуковская В. М., Кузина И. М. Типологическое изучение сельского хозяйства США и Канады с использованием методов многофакторного анализа // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1971; Нутенко Л. Я. Математические методы членения территориально-хозяйственной системы. М., 1971; Литвак К. Б. Вопросы методики изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства по данным земских переписей // Применение количественных методов в исследованиях по аграрной истории СССР. М., 1984 и др.

[10] См.: Ковальченко И. Д. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX в. // История СССР. 1962. № 1. С. 82, 87—88; Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX веков: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972.

[11] См.: Гришин Г. Т. Экономика Воронежской губернии и ее анализ в трудах В. И. Ленина. Воронеж, 1971. С. 48, 97, 156, 165, 172.

[12] См.: Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1973. Земцов Л. И. Землевладение и землепользование государственных крестьян Центрально-Черноземного района: (Конец 60-х — середина 80-х годов XIX века) // Научные труды Курского государственного педагогического института. 1978. Т. 188.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 96.

[14] См.: Тутыхин Б. А. Центрально-Черноземная область. М., 1929. С. 112—113. См. также: Першин П. Н. Земельное устройство дореволюционной деревни. Воронеж, 1928.

[15] См.: Данилов В. П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971; Анфимов А. М., Зырянов П. Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861—1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4.

[16] См. подробнее: Анфимов А. М. Налоги и платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901—1912 гг.) // ЕАИВЕ, 1962. Минск, 1964; он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904. М., 1984. Гл. 2.

[17] См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в.: (Опыт количественного анализа). М., 1974. С. 364—365.

[18] См. подробнее: Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Спб., 1897. Т. I; Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, гл. 2.

[19] См.: Урусов А. П. Коневодство в ЦЧО // Материалы по районированию ЦЧО. 1925. Вып. II.

[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 120.

[21] См. подробнее: Моисеенко Т. Л. Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XIX века // История СССР. 1979. № 4.

[22] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. Гл. 23—24; Афанасьев Л. А. Аграрное перенаселение. М., 1963; Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983 и др.

[23] О характеристике «промыслов» как низших неразвитых форм капитализма см. подробнее: Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность пореформенной России: (60—80-е гг. XIX в.). М., 1966; он же. Экономический строй крестьянского надельного хозяйства России в пореформенное время // ВИ. 1971. № 11. Соловьева Е. И. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в. Новосибирск, 1975; Фирстов И. И. К вопросу о содержании понятия кустарных промыслов // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978 и др.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 382.

[25] См.: Ковальченко И. Д. Аренда земли бывшими помещичьими крестьянами в начале 80-х гг. XIX в. // Из истории и общественной жизни России. М., 1976. С. 55—56; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России: (1850-е — 1880-е годы). М., 1978. С. 140—142 и др.

Глава 5

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1917 г.

Основными направлениями в изучении социально-экономического строя крестьянского хозяйства являются исследования процесса развития капитализма в производственно-экономической сфере крестьянского хозяйства, а также социальных отношений и прежде всего развитие отношений найма, различные направления и социально-экономические следствия этого процесса.

В этой главе раскрываются информативные возможности, пути и методы использования погубернских сводных данных, содержащихся в публикации итогов поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г. для исследования социально-экономического строя крестьянского хозяйства Европейской России и процесса развития капитализма в крестьянском хозяйстве.

§ 1. Общая характеристика погубернских данных переписи 1917 г. о крестьянском хозяйстве

Публикация погубернских итогов сельскохозяйственной переписи 1917 г. содержит богатый набор сведений, касающихся социально-демографической характеристики крестьянского хозяйства. Прежде всего такой комплекс данных, характеризующий трудовые ресурсы крестьянского хозяйства, может служить основой для регионального изучения этой области крестьянского хозяйства (таблица 39).

В структуре трудовых ресурсов крестьянского хозяйства различных регионов Европейской России — существенного компонента развития производительных сил — особенно заметны различия в половозрастном составе крестьянского населения. Эти различия не могли не оказать влияния на экономический потенциал крестьянского хозяйства и были тесно связаны с социальными процессами его развития. Так, весьма существенной характеристикой структуры трудовых ресурсов крестьянского хозяйства являлась доля трудоспособного населения. Наиболее высоким с этой точки зрения был потенциал крестьянского хозяйства Нечерноземного региона, большую часть (62,4%) всего крестьянского и значительную часть (49,8%) наличного крестьянского населения которого составляло трудоспособное население. На реальный потенциал крестьянских трудовых ресурсов оказывало влияние и соотношение мужского и женского населения. Так, существенный урон трудовым ресурсам крестьянского хозяйства наносила всеобщая воинская повинность. Особенно значительной была доля ушедших в армию (44,5%) в Средне-Черноземном регионе, где преобладала и доля мужского населения. Степной и Нечерноземный регионы незначительно уступали Средне-Черноземному по доле ушедших в армию. Здесь же была наибольшей и доля отсутствующего населения к наличному (19,6%). Данные о соотношении мужского и женского труда в крестьянском хозяйстве, бесспорно, свидетельствуют и о социальных процессах, протекавших в крестьянском хозяйстве. Ленинская методология изучения этого компонента трудовых ресурсов крестьянского хозяйства включает указание о том, что «чем больше развивается капитализм в земледелии, тем больше он усиливает женский труд, т. е. *ухудшает* условия жизни трудящихся масс»[1]. Это указание об изучении процесса развития капиталистических отношений, в том числе на основе анализа масштаба эксплуатации женского труда в крестьянском хозяйстве, требует исследования процесса в динамике, то есть диктует необходимость привлечения сравнительных данных о

Таблица 39

Региональная характеристика наличных трудовых ресурсов в Европейской России по данным переписи 1917 г.*

Номер признака	Признаки	Нечерноземье	Средне-Черноземный регион	Степной регион
1	Всего крестьян и наемных обоего пола	24 435 726	29 000 189	10 868 963
2	Доля трудоспособного населения, %:			
	во всем населении	62,4	51,8	53,6
	во всем наличном населении	49,8	44,6	47,51
3	Ушедшие в армию в мужском населении, %	43	44,5	43,7
4	Доля отсутствующих, % к населению:			
	ко всему населению	14,9	14,1	11,4
	к наличному населению	18,7	19,6	12,8
5	Доля работников-мужчин, %:			
	в трудоспособном населении	48,5	57,8	50,2
	в мужском населении	49,4	51,7	47,1
	На двор			
6	Мужское население	2,9	3,1	3,2
	Работники-мужчины	1,45	1,6	1,48
7	Женское население	3,1	3,1	3,08
	Работницы-женщины	1,54	1,52	1,48

* В Нечерноземный регион входят: Владимирская, Костромская, Ярославская, Московская, Тверская, Новгородская, Вологодская, Петроградская, Смоленская, Калужская, Черниговская, Могилевская, Волынская, Вятская, Пермская, Уфимская губернии. В Средне-Черноземный регион входят: Рязанская, Тульская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Воронежская, Саратовская, Харьковская, Полтавская, Киевская губернии. В Степной регион входят: Донская, Самарская, Оренбургская, Астраханская губернии.

структуре трудовых ресурсов крестьянского хозяйства. Вместе с тем В. И. Ленин рассматривал этот компонент трудовых ресурсов крестьянского хозяйства на фоне общей социальной типологии крестьянского хозяйства. Так, он подчеркивал, что «в пролетарских хозяйствах, т. е. таких, «хозяева» которых живут главным образом наемным трудом (батраки, поденщики и вообще наемные рабочие с крохотным кусочком земли), *женский труд преобладает над мужским,* иногда в громадных размерах», тогда как в крестьянских хозяйствах мужской и женский труд имеет одинаковое распространение, а в капиталистических хозяйствах мужской труд преобладает над женским. В. И. Ленин подчеркивал, что «... именно в мелком производстве эксплуатация женского труда достигает особенно больших размеров. Наоборот, крупное пользуется преимущественно мужским трудом, хотя не догоняет в этом отношения промышленности» [2].

Таким образом, мы не можем на основе данных о соотношении мужского и женского труда в крестьянском хозяйстве отдельных регионов России дать однозначную прямую оценку социального типа этого хозяйства. Социально-демографические данные, содержащиеся в переписи 1917 г., характеризуют и такую сферу развития крестьянского хозяйства, как развитие отхода, «земледельческие промыслы» на региональном уровне, связь этого явления с аграрным перенаселением. В качестве характеристики аграрного перенаселения может быть принят показатель числа десятин посева на работника. Заметим, что, как подчеркивается в историографии, размеры, аграрного перенаселения трудно поддаются определению. Исследователи пользуются расчетом, сделанным «Комиссией Центра», отражающим перенасыщенность деревни рабочей силой; они принимают по Европейской России показатель потребности в рабочих руках: 1 работник на приблизительно 4,5 десятины посева при всей условности такого показателя [3]. Перепись 1917 г. свидетельствует о том, что наибольшего развития промыслы получили в Нечерноземном Центре (таблица 40).

Таблица 40

Развитие отхода по регионам Европейской России по данным переписи 1917 г.

Номер признака	Признаки	Нечерноземье	Средне-Черноземный регион	Степной регион
1	Доля промысловиков в трудоспособном населении, %	17,8	11,9	11,4
2	Доля хозяйств с промыслами, %	40,8	21,9	22,8
3	Доля отсутствующих в населении, %	18,7	19,6	12,8
4	Площадь посева на работника (дес.)	1,3	1,4	2,4

В этом же регионе «аграрное перенаселение» обусловило масштаб «отхода» крестьянства; выталкивало из деревни избыточную рабочую силу. Вместе с тем влияние «отхода на промыслы» на трудовые ресурсы крестьянского хозяйства не было одинаковым для всех регионов. Наибольшая численность отсутствовавшего населения отмечена в Средне-Черноземном регионе, где на трудовые ресурсы крестьянского хозяйства наиболее значительное воздействие оказал «уход мужского населения в армию».

Вместе с тем нужно опять-таки отметить ограниченные возможности интерпретации данных о промысловых занятиях крестьянского населения, содержащихся в переписи 1917 г. в социальном аспекте, ибо данные о промыслах не позволяют нам выделить два основных типа «промысловиков», знаменующие: превращение крестьянства в сельскую буржуазию (владение торгово-промышленным заведением) и превращение крестьянства в сельский пролетариат (продажа рабочей силы, земледельческие промыслы) [4].

Наконец, социально-демографические данные, содержащиеся в переписи 1917 г., освещают такой компонент структуры трудовых ресурсов крестьянского хозяйства, как наемная рабочая сила. Анализ численности и масштабов использования наемной рабочей силы в крестьянском хозяйстве трех регионов Европейской России показывает (таблица 41), что наибольший удельный вес найм имел в Степном регионе, вдвое опережая Нечерноземный и втрое Средне-Черноземный регионы (как по доле наемных рабочих в трудоспособном населении, так и по доле хозяйств с наймом).

Таблица 41

Региональная характеристика доли наемного труда в трудовых ресурсах крестьянского хозяйства по данным переписи 1917 г.

Номер признака	Признаки		Нечерноземье	Средне-Черноземный регион	Степной регион
1	Наемные рабочие в трудоспособном населении	число	151 281	87 688	125 075
		доля, %	1,2	0,8	2,4
2	Хозяйства с наймом	число	102 014	60 060	80 090
		доля, %	2,5	1,4	5,3
3	Хозяйство без своих работников	число	468 718	426 437	149 370
		доля, %	11,5	9,2	8,6
4	Доля работоспособного населения в наличном населении	%	62,4	51,83	53,6

В переписи 1917 г. данные о наемных рабочих неполные, так как здесь не фиксировали поденщиков; следовательно, в этом источнике существует общий недоучет масштаба найма в различных группах крестьянских хозяйств. Как известно, В. И. Ленин отмечал особенности в контингенте наемной рабочей силы, используемой в крестьянском хозяйстве различных групп, указывая, что «в низших группах число хозяйств, нанимающих поденщиков, всегда превышает, и во много раз, число хозяйств, нанима-

ющих батраков. Наоборот, в высших группах число хозяйств, нанимающих батраков, оказывается иногда даже большим, чем число хозяйств, нанимающих поденщиков» [5].

Следовательно, данные о найме, содержащиеся в переписи, неодинаково представительно характеризуют его. Наиболее искаженно сведения о развитии найма отражены в хозяйствах беднейших групп и отдельных регионов, для которых особенно характерен процесс пролетаризации крестьянского хозяйства. Эту особенность источника следует учитывать при региональной характеристике развития найма в крестьянском хозяйстве. Чтобы восполнить неполноту сведений о наемных работниках, следует привлечь к анализу данные, характеризующие отношение некоторых групп крестьянских хозяйств отдельных губерний по такому показателю, как (доля беспосевных и безземельных хозяйств и доля хозяйств с купчей землей), которые в какой-то степени представляют два полярно противоположных типа крестьянства, о которых писал В. И. Ленин. В. И. Ленин указывал, что для сельского пролетариата характерно забрасывание земли и продажа рабочей силы, а для сельской буржуазии — покупка земли, аренда в значительных размерах... улучшение хозяйства, наем батраков и поденщиков, присоединение к земледелию торгово-промышленных предприятий [6]. Нам удалось выявить погубернские различия в соотношении различных групп крестьянских хозяйств (таблица 42). Эти данные в какой-то степени можно рассматривать как характеристики особенностей процесса расслоения крестьянства в различных регионах (таблица 43).

Таблица 42

Погубернские различия удельного веса различных групп крестьянских хозяйств

Номер губернии	Губерния	Доля хозяйств, %		
		без земли	без посева	с купчей землей
1	Астраханская	33,5	59,7	3,4
2	Витебская	4,0	7,9	77,2
3	Владимирская	6,2	15,9	29,7
4	Вологодская	3,0	7,6	21,1
5	Волынская	12,9	26,2	25,8
6	Воронежская	7,5	19,9	24,1
7	Вятская	3,6	3,2	3,6
8	Донская	21,0	22,3	13,9
9	Екатеринославская	32,7	41,3	16,3
10	Казанская	5,8	7,6	9,6
11	Калужская	7,1	9,2	3,4
12	Киевская	7,6	12,4	18,2
13	Костромская	11,9	17,2	38,4
14	Курская	4,2	7,7	21,4
15	Могилевская	7,8	10,4	46,5
16	Московская	17,8	22,7	21,6
17	Нижегородская	11,9	17,0	26,2
18	Новгородская	9,8	13,6	43,8
19	Олонецкая	5,0	6,7	2,4
20	Оренбургская	23,0	24,8	11,8
21	Орловская	5,2	2,8	29,2
22	Пензенская	4,4	7,8	23,9
23	Пермская	15,6	22,7	4,8
24	Петроградская	11,2	24,0	35,7
25	Полтавская	7,5	12,6	24,1
26	Рязанская	7,0	10,6	30,0
27	Самарская	17,8	18,5	11,0
28	Саратовская	11,4	21,2	21,7
29	Симбирская	9,8	13,3	29,3
30	Смоленская	9,4	7,6	26,6
31	Тамбовская	8,1	13,3	24,1
32	Тверская	6,2	14,3	26,6
33	Тульская	4,2	7,4	34,6
34	Уфимская	14,7	14,6	20,9
35	Харьковская	9,8	23,0	21,6
36	Черниговская	4,4	5,2	37,3
37	Ярославская	8,2	13,6	40,3

Производственно-экономическая сфера организации крестьянского хозяйства представлена в материалах публикации погубернских итогов переписи 1917 г. показателями, прежде всего характеризующими общие размеры, структуру крестьянских земельных угодий, посевов, обеспеченность скотом, инвентарем, усовершенствованными орудиями и рабочей силой. Таким образом, основной чертой их анализа может быть выявление удельного веса, сравнительного участия крестьянского хозяйства различных губерний и районов Европейской России в сельскохозяйственном производстве. Итоги анализа этих показателей [7] свидетельствуют, что в определяющих отраслях сельского хозяйства — земледелии и скотоводстве — ведущим было крестьянское хозяйство. На долю помещиков в 34 губерниях Европейской России в среднем приходилось 7,7% всех посевов и 3,5% продуктивного скота. Общий производственно-технический уровень крестьянского хозяйства в целом был выше, чем в помещичьем хозяйстве, которое оказывало сковывающее воздействие на крестьянское хозяйство (см. таблицу 38). Так, обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим скотом была повсеместно значительно выше, чем в помещичьем хозяйстве. В среднем по Европейской России на 100 десятин посева крестьяне имели рабочего скота почти вдвое больше, чем помещики. Кроме Средне-Волжского района, плугами, основными орудиями вспашки, помещичье хозяйство также повсюду было обеспечено значительно хуже крестьянского хозяйства. Сущест-

Таблица 43

Региональные особенности расслоения крестьянства

Регион	Доля хозяйств, %	
	без земли	с купчей землей
Нечерноземье	9,4	24,5
Средне-Черноземный	7,5	26
Степной	23,8	10

венные преимущества в сельскохозяйственных машинах и усовершенствованных орудиях в помещичьих хозяйствах перед крестьянскими хозяйствами были лишь в Нечерноземном и Средне-Волжском районах. В Украинском районе обеспеченность крестьянского хозяйства машинами была даже несколько выше, чем у помещиков. Несколько лучшая обеспеченность помещичьего хозяйства машинами и усовершенствованными орудиями (чем в хозяйстве крестьянском) при значительно худшей обеспеченности рабочим скотом и орудиями вспашки не создавала здесь существенного преимущества в общей производственно-технической оснащенности (таблица 44).

Итак, общий производственно-технический уровень крестьянского хозяйства, по данным переписи 1917 г., был выше в целом,

Таблица 44

Уровень помещичьего и крестьянского хозяйства в Европейской России в 1917 г. (на 100 десятин посева)*

Район	Рабочий скот		Плуги		Усовершенствованные орудия		Наемные рабочие		Продуктивный скот	
	помещиков	крестьян	помещиков	крестьян	помещиков	крестьян	помещиков	крестьян	помещиков	крестьян
Центрально-Промышленный	33,9	42,8	17,6	29,0	16,0	1,7	57,0	1,9	28,0	74,8
Центрально-Нечерноземный	27,3	39,3	16,1	24,8	11,6	4,0	24,7	1,5	13,7	62,3
Северо-Западный	27,0	50,8	13,4	19,8	17,0	5,5	29,8	2,0	30,5	106,3
Волжско-Вятский	20,7	28,5	8,9	10,5	8,9	1,7	23,0	1,3	4,1	50,6
Центрально-Черноземный	16,3	31,2	6,3	9,4	5,5	4,4	12,2	0,6	4,3	44,3
Средне-Волжский	15,4	32,0	9,2	4,7	9,5	1,5	15,4	0,2	2,4	33,4
Украинский	16,4	32,6	6,1	16,1	8,2	8,4	11,9	1,4	4,1	39,1
Южно-Степной	19,4	24,0	6,2	8,7	6,1	9,4	8,9	0,8	5,9	25,5
Южно-Уральский	19,5	50,0	5,1	8,0	5,5	5,1	9,7	1,2	4,2	48,8
По 34 губерниям Европейской России	18,1	35,0	6,8	13,1	5,6	4,2	14,4	1,1	6,6	55,8

* Данные по Северному и Восточно-Белорусскому районам не включены из-за их неполноты.

чем помещичьего хозяйства. Вместе с тем, как свидетельствуют источники, в помещичьем хозяйстве более широкое применение получил наемный труд. Однако данные, неполно характеризующие масштаб применения наемного труда в помещичьем и крестьянском хозяйствах (ибо учитывали лишь сроковых наемных рабочих), не могут быть основой для выводов об уровне развития капиталистических отношений в этих типах хозяйств.

Итак, анализ непосредственных сводных данных переписи 1917 г. дает основания для изучения скорее условий и уровня развития крестьянского хозяйства, чем для исследования процесса

развития капитализма в крестьянском хозяйстве, превращения его в товарное, товарно-капиталистическое. Углубленное изучение в советской историографии ленинской методологии развития капитализма в крестьянском хозяйстве России привело к выявлению и обоснованию возможности познания этого процесса в производственно-экономической сфере крестьянского хозяйства на основе совершенствования методики обработки и анализа массовых сводных данных. Вместе с тем следует констатировать, что возможности их использования для изучения социальной организации крестьянского хозяйства, развития в нем капиталистических отношений, процесса «превращения рабочей силы в товар», отношений найма ограниченны. Вот почему при использовании данных переписи 1917 г. для изучения социально-экономической организации крестьянского хозяйства особое значение приобретают вопросы совершенствования методики.

§ 2. Корреляционные модели внутреннего строя крестьянского хозяйства

При анализе корреляционных взаимосвязей показателей обеспеченности основными производственными компонентами крестьянского хозяйства в расчете на двор и на душу крестьянского населения прежде всего обнаруживается наличие сбалансированности производственно-экономического строя. О такой сбалансированности свидетельствуют в целом высокие показатели взаимосвязи между названными компонентами производственно-экономического строя. Тесно взаимосвязаны характеристики крестьянского хозяйства — обеспеченность (на двор и на душу) наемной рабочей силой, тягловым и продуктивным скотом, плугами и усовершенствованным инвентарем (средняя теснота взаимосвязи соответственно 0,49 и 0,56). Размер посева (масштаб земледельческого производства) также имеет тесную взаимосвязь со всеми производственными характеристиками крестьянского хозяйства (средний коэффициент корреляции $r=0{,}57$ — с показателями на двор и 0,49 — на душу). Несколько слабее взаимосвязи обеспеченности хозяйства плугами с остальными компонентами производственной базы крестьянского хозяйства. Что касается средней обеспеченности удобной землей — размера хозяйства в целом, то, очевидно, этот показатель в наименьшей степени коррелирует с показателями производственной базы хозяйства, то есть не определяет характера производственно-экономического строя крестьянского хозяйства (таблица 45).

Об общей сбалансированности производственно-экономического строя крестьянского хозяйства свидетельствуют и итоги корреляционного анализа показателей в расчете на десятину пашни и посева (таблица 46).

По итогам корреляционного анализа следует отметить прежде всего более высокий уровень взаимосвязи показателей в расчете на десятину пашни (исключение составляют показатели вза-

имосвязи обеспеченности усовершенствованными орудиями и машинами с другими компонентами производственной базы), что, очевидно, является следствием способа измерения обеспеченности крестьянского хозяйства. В данном случае более «чистое» измерение уровня обеспеченности собственно земледельческого производства крестьянского хозяйства трудовыми ресурсами, скотом (в том числе тягловой силой) и инвентарем (орудиями вспашки

Таблица 45

Корреляционные модели производственно-экономического строя крестьянского хозяйства Европейской России, по данным переписи 1917 г. (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели*	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Пашни	×	76	46	78	54	10	62	40
2	Посевы	79	×	43	73	24	22	84	08
3	Наемные рабочие	54	47	×	56	44	40	57	30
4	Рабочий скот	80	79	63	×	51	35	69	50
5	Продуктивный скот	59	35	52	55	×	08	08	60
6	Плуги	17	31	46	43	21	×	37	05
7	Усовершенствованные орудия	65	84	63	74	18	43	×	04
8	Удобная земля	42	11	40	47	58	02	09	×

* В верхней наддиагональной части таблицы коэффициенты корреляции показателей даны в расчете на душу, а в нижней части ее — на двор.

Таблица 46

Корреляционные модели производственно-экономического строя крестьянского хозяйства, по данным переписи 1917 г.* (коэффициенты корреляции 0, . . .)

Номер показателя	Показатели*	1	2	3	4	5	6
1	Работники	×	76	97	96	88	12
2	Наемные рабочие	55	×	71	69	78	32
3	Рабочий скот	71	50	×	96	87	22
4	Продуктивный скот	74	50	78	×	85	04
5	Плуги	58	53	46	38	×	21
6	Усовершенствованный инвентарь	—50	06	—20	—48	—07	×

* В верхней наддиагональной части таблицы коэффициенты корреляции показателей рассчитаны на десятину пашни, а в нижней — на десятину посева.

прежде всего) дает особенно значительные результаты. В целом они позволяют сделать заключение о тесной сбалансированности компонентов производственно-экономического строя крестьянского хозяйства, то есть подчиненности его общим закономерностям товарно-капиталистического развития.

При общей характеристике уровня производственно-экономи-

ческого развития крестьянского и помещичьего хозяйств следует особо отметить, что именно по технической оснащенности крестьянское хозяйство в отдельных районах весьма значительно отставало от помещичьего, то есть обеспеченность крестьянского земледельческого производства усовершенствованными орудиями и сельскохозяйственными машинами была неадекватной (непропорциональной развитию остальных компонентов его производственной базы). Характерно, что изменение обеспеченности десятины посева усовершенствованными орудиями имеет обратную связь с изменением масштаба используемых трудовых ресурсов (всего работников) —0,50. Эти результаты естественно интерпретировать таким образом, что рост технической оснащенности земледельческого производства крестьянского хозяйства сопровождался уменьшением объема трудовых ресурсов. В данных показателях своеобразно отразился процесс рационализации и интенсификации земледельческого производства в крестьянском хозяйстве.

Другим показателем обратной взаимосвязи обеспеченности десятины посева усовершенствованными орудиями является коэффициент его корреляционной связи с обеспеченностью продуктивным скотом десятины посева крестьянского хозяйства (—0,48). Это свидетельствует о том, что увеличение поголовья продуктивного стада и рост технической оснащенности земледельческого производства были проявлениями общего процесса специализации крестьянского хозяйства в сфере либо животноводства, либо земледелия. Ориентация хозяйства на ту или иную специализацию определяла различный характер изменений обеспеченности продуктивным скотом и соответственно усовершенствованными орудиями и сельскохозяйственными машинами. Такой вывод опять-таки подтверждается и региональными сведениями об удельном весе крестьянского хозяйства по обеспеченности продуктивным скотом и усовершенствованными орудиями (см. таблицу 46).

Итак, корреляционный анализ убеждает в том, что по своему характеру производственно-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России накануне Великой Октябрьской революции был товарно-капиталистическим.

Как эта тенденция подчиненности товарно-капиталистическому рынку проявлялась на региональном уровне, можно представить на основе итогов корреляционного анализа поуездных данных переписи 1917 г. Для примера рассмотрим итоги корреляционного анализа данных о крестьянском хозяйстве по Центрально-Промышленному региону, куда вошли сведения о 36 уездах Московской, Владимирской и Ярославской губерний, а также по Степному Югу (включает 33 уезда Донской, Екатеринославской, Самарской и Саратовской губерний). В целом на региональном уровне также проявляется общая тенденция сбалансированности производственно-экономического строя крестьянского хозяйства. Однако в степени этой сбалансированности по отдельным регионам можно наблюдать некоторые различия (таблица 47).

Так, об общей сбалансированности производственно-экономи-

ческого строя в крестьянском хозяйстве свидетельствует средний коэффициент корреляции, вычисленный по сумме показателей связи таких компонентов, как обеспеченность крестьянского хозяйства наемной рабочей силой, тягловым и продуктивным скотом, плугами и усовершенствованным инвентарем (в расчете на душу). В сопоставлении с показателем средней сбалансированности (0,41) указанных компонентов крестьянского хозяйства гу-

Таблица 47

Корреляционные модели производственно-экономического строя крестьянского хозяйства Центрально-Промышленного и Южно-Степного региона

Номер показателя	Показатели в расчете на душу	Центрально-Промышленный регион				
		1	2	3	4	5
1	Наемные	×	0,38	0,24	0,29	0,01
2	Рабочий скот	0,58	×	0,77	0,61	0,47
3	Продуктивный скот	0,32	0,86	×	0,39	0,36
4	Плуги	0,47	0,76	0,62	×	0,54
5	Усовершенствованные орудия	0,73	0,67	0,34	0,71	×

Юг Степной

берний Европейской России в целом видно, что по показателю средней сбалансированности производственно-экономического строя крестьянское хозяйство Центрально-Промышленного района находилось на среднем уровне (0,41). Крестьянское хозяйство Степного Юга имело более высокую, чем в среднем по губерниям Европейской России, сбалансированность производственно-экономического строя (0,55).

Таким образом, корреляционный анализ данных переписи 1917 г. позволяет не только определить общую тенденцию производственной организации крестьянского хозяйства, но и выявить региональные отличия в степени подчиненности рынку его производственного процесса, развития общей тенденции товарно-капиталистической организации производственно-экономического строя в крестьянском хозяйстве.

Развитие капитализма в крестьянском хозяйстве воздействовало на его социально-экономическую организацию, что прежде всего связано с использованием наемного труда, процессом «превращения рабочей силы в товар». Исследование этого процесса, отраженного в массовых данных переписи 1917 г., можно вести на основе моделирования социально-экономической организации крестьянского хозяйства, анализа взаимосвязей его отдельных компонентов с показателями, характеризующими различные области применения наемного труда в крестьянском хозяйстве.

Результаты корреляционного анализа различных производственно-экономических и социально-экономических характеристик крестьянского хозяйства, содержащихся в переписи 1917 г., дают весьма обширную информацию об участии наемного труда в соци-

ально-экономической организации крестьянского хозяйства Европейской России накануне Великой Октябрьской революции.

Значения коэффициентов корреляции между показателями, характеризующими различные сферы применения найма в крестьянском хозяйстве, удельный вес беспосевных и безземельных хозяйств, то есть хозяйств пролетарского типа, отражают такое явление в крестьянском хозяйстве, как создание «контингента» наемной рабочей силы вследствие пролетаризации крестьянства, выделение из его среды сельского пролетариата, забрасывающего землю и продававшего свою рабочую силу (таблица 48).

Полученные данные показывают, что «*необходимым условием существования зажиточного крестьянства является образование*

Таблица 48

Показатели корреляционной взаимосвязи характеристик применения наемного труда и доли пролетарских хозяйств

Номер признака	Признаки	Коэффициенты корреляции 0, ...				
1	Доля хозяйств с наймом	×				
2	Доля наемных у крестьян	86	×			
3	Наемные на двор	86	99	×		
4	Доля хозяйств без земли	61	76	72	×	
5	Доля хозяйств без посева	51	61	56	89	×

контингента батраков и поденщиков»[8]. В целом увеличение удельного веса контингента наемных работников в структуре трудовых ресурсов крестьянского хозяйства вело к росту доли крестьянских хозяйств, использующих наемную рабочую силу для ведения своего хозяйства на буржуазной основе.

Процесс пролетаризации крестьянства можно проследить по взаимосвязям доли хозяйств без скота с долей хозяйств без земли, без посева (0,52; 0,69). Обезземеливание крестьянства сопровождалось и ухудшением обеспеченности крестьянского хозяйства тягловым скотом. Этот процесс проявлялся и во взаимосвязях между такими показателями, как обеспеченность крестьянского хозяйства землей (на двор и на душу) и долей хозяйств без рабочего скота (—0,56 и —0,51), то есть ухудшение обеспеченности крестьянского хозяйства землей вело к увеличению доли хозяйств без рабочего скота, что в конечном счете приводило к снижению самостоятельной производственной функции крестьян, оскудению хозяйства (снижению обеспеченности продуктивным скотом и трудовыми ресурсами: показатели связи доли хозяйств без рабочего скота с названными компонентами производственного потенциала крестьянского хозяйства —0,51 и —0,45). Ухудшение в обеспеченности крестьянского хозяйства трудовыми ресурсами при увеличении доли хозяйств пролетарского типа проявляется во взаимосвязях доли ушедших в армию с долей хозяйств без земли и без посева (0,52; 0,45).

Эти следствия особенностей характера расслоения крестьянства присущи тем губерниям, где «крестьянство» превращается гораздо быстрее в сельский пролетариат, выделяя едва заметные группы сельских буржуа»[9].

Существенную часть анализа процесса развития наемного труда составляет выявление места крестьянского хозяйства и его влияния на общий масштаб применения наемного труда в сельском хозяйстве Европейской России. Увеличение доли наемных рабочих тесно связано с ростом доли крестьянских хозяйств с наймом, долей наемных работников в трудовых ресурсах крестьянского хозяйства, средней обеспеченностью двора наемными рабочими, то есть с развитием капитализма в крестьянском хозяйстве. Этот процесс связан и с использованием наемного труда в помещичьем хозяйстве (таблица 49).

Развитие капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве проявлялось в тесной связи развития наемного труда с

Таблица 49

Взаимосвязь применения наемного труда в сельском хозяйстве (доли наемных рабочих к работникам обоего пола)

Номер признака	Признаки	Коэффициенты корреляции 0, ...
1	Доля наличных крестьянских хозяйств с наймом	61
2	Доля наемных у крестьян	52
3	Наемные у крестьян на двор	54
4	Рабочий скот на двор	48
5	Плуг на двор	56
6	Усовершенствованные орудия на двор	54
7	Доля крестьянского рабочего скота	—55
8	Частновладельческие хозяйства без рабочего скота	—53
9	У частных владельцев наемных на хозяйство с наймом	66
10	На имение рабочего скота	57
11	Доля частных владельцев в посевах	51

процессом разложения крестьянства, которое, по словам В. И. Ленина, выражалось в том, что низшие группы крестьянства создавали контингент безлошадных и бесскотных дворов[10], то есть резервную армию наемных рабочих.

Этот процесс заметен во взаимосвязях доли наемных рабочих с долей крестьянского рабочего скота. Чем ниже в губернии была в среднем доля крестьянского рабочего скота, тем больший масштаб имело распространение наемного труда.

Снижение доли крестьянского рабочего скота, увеличение доли безлошадных и бесскотных дворов неминуемо приводили к росту наемного труда в крестьянском хозяйстве. Вместе с тем этот процесс не мог не оказать влияния и на помещиков, ибо был стимулом обзаведения их хозяйства собственным тяглом, перестройки организации сельскохозяйственного производства на собственной базе с применением наемной рабочей силы.

Общий процесс развития найма в сельском хозяйстве был тесно связан с развитием найма и в крестьянском и в помещичьем хозяйствах. Наши наблюдения подтверждают вывод В. И. Ленина, что развитие аграрных отношений в России шло капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянском, вне и внутри «общины»[11].

Развитие найма в сельском хозяйстве связано и с буржуазным характером производственно-экономического строя крестьянского хозяйства, проявившегося в тесной сбалансированности его основных компонентов (см. коэффициенты корреляции с 3, 4, 5, 6 признаками в таблице 49).

Особого внимания заслуживают показатели взаимосвязи доли наемных работников у крестьян с характеристиками частновладельческого хозяйства. Развитие капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве (большая доля в земледельческом производстве, развитие найма, обеспеченность рабочим скотом) естественно способствовало росту общего масштаба развития найма в сельском хозяйстве (см. коэффициенты корреляции с 9, 10, 11 признаками в таблице 49). Вместе с тем в губерниях с большей долей помещичьих хозяйств, не имеющих рабочего скота (то есть являющихся оплотом отработочной системы), меньший размах имело применение наемного труда. Здесь нужно отметить, что тормозящее воздействие помещичье хозяйство оказывало и на развитие найма в самом крестьянском хозяйстве. В губерниях с большей долей помещичьих хозяйств без скота и без рабочего скота меньшей была доля крестьянских хозяйств с наймом и доля наемных в трудовых ресурсах крестьянских хозяйств (коэффициенты корреляции соответственно —0,52; —0,48 и —0,38; —0,38 в таблице 50).

Таблица 50

Взаимосвязи помещичьего и крестьянского хозяйств

Номер показателя	Показатели	1	2	3	4	5
1	Доля помещичьих хозяйств без скота	×				
2	Доля помещичьих хозяйств без рабочего скота	0,91	×			
3	Доля крестьянских хозяйств с наймом	—0,52	—0,48	×		
4	Доля наемных у крестьян	—0,38	—0,38	0,86	×	
5	Доля помещичьих хозяйств с наймом	0,09	0,13	—0,56	0,40	×

В то же время развитие найма в помещичьем хозяйстве, увеличение доли помещичьих хозяйств с наймом сопровождались уменьшением доли крестьянских хозяйств с наймом (—0,56).

Наконец, взаимодействие помещичьего и крестьянского хозяйств отражено во взаимосвязях развития найма в крестьянском хозяйстве с общим уровнем развития крестьянского хозяйства и удельным весом помещичьего хозяйства в земледельческом про-

изводстве. Анализ взаимосвязи помещичьего и крестьянского хозяйств можно проследить по нескольким показателям.

Доля крестьянских хозяйств с наймом
Доля крестьян в посевах 0,59.
Крестьянского рабочего скота на душу 0,62.
Удобной земли в крестьянском хозяйстве на душу 0,63.
Доля крестьян в наемных рабочих 0,57.
Доля частновладельческого хозяйства в посевах — 0,51.

Итоги корреляционного анализа показывают, что развитие найма больше в крестьянском хозяйстве тех губерний, где более высокий уровень развития крестьянского хозяйства и меньший удельный вес помещичьего хозяйства в земледельческом производстве. И наоборот, там, где большее влияние в земледельческом производстве имело помещичье хозяйство, оно оказывало тормозящее воздействие на развитие социальных процессов в крестьянском хозяйстве, прежде всего на развитие найма.

Очевидно, это есть проявление региональных различий «двух путей» буржуазной аграрной эволюции. Там, где во главе буржуазной аграрной эволюций стояло помещичье хозяйство, оно угнетало развитие крестьянского хозяйства. И наоборот, преобладание «американского» варианта буржуазной аграрной эволюции сопровождалось большей пассивностью помещичьего хозяйства к перестройке его социально-экономической организации. Наши наблюдения подтверждают известное ленинское положение о том, что помещичье хозяйство в целом экономически реакционно[12].

§ 3. Факторный анализ данных переписи 1917 г. о крестьянском хозяйстве

Одним из основных направлений изучения крестьянского хозяйства является выяснение обобщенных факторов-причин, определяющих особенности функционирования социально-экономического строя крестьянского хозяйства. Применение методов факторного анализа к погубернским данным переписи 1917 г. о крестьянском хозяйстве позволяет получить обобщенные характеристики социально-экономической организации крестьянского хозяйства, выявить на губернском уровне региональные особенности социально-экономического строя крестьянского хозяйства. Кроме того, появляется возможность на основе обобщенной и сжатой характеристики наиболее существенных сторон развития крестьянского хозяйства провести типологию губерний, то есть выделить группы губерний, развитие крестьянского хозяйства в которых отличалось бы общими чертами. К ним относятся формы, уровень интенсивности протекавших в крестьянском хозяйстве губерний Европейской России экономических и социальных процессов, которые были присущи определенному типу развития крестьянского хозяйства.

При обработке материала методами факторного анализа существенное значение имеют отбор признаков, их исторический смысл, а также уровень измерения. Для исследования факторов, определяющих социально-экономический строй крестьянского хозяйства, было отобрано 35 признаков, характеризующих не только производственно-экономический потенциал (доля крестьян губерний в посевах, обеспеченности скотом, инвентарем, рабочей силой, структура земельных угодий и развитие промысловых занятий), но и социальное развитие крестьянского хозяйства (доля крестьянских хозяйств пролетарского и полупролетарского типа, в том числе доля хозяйств без скота (в %), без земли и без посева).

Признаки, характеризующие социально-экономический строй крестьянского хозяйства
1. Доля ушедших в армии (% к трудоспособному мужскому населению).
2. Наемные хозяйства без работников (% ко всем хозяйствам).
3. Наличные хозяйства без скота (% ко всем хозяйствам).
4. Наличные хозяйства без рабочего скота (% ко всем хозяйствам).
5. Все хозяйства с промыслами (% ко всем хозяйствам).
6. Занято промыслами (% к работоспособному населению).
7. Наличные хозяйства с наймом (% ко всем хозяйствам).
8. Наемные у крестьян (% к работникам обоего пола).
9. На душу населения удобной земли.
10. На душу населения пашни.
11. На душу населения посева.
12. На душу населения работников.
13. На душу населения наемных.
14. На душу населения рабочего скота.
15. На душу населения продуктивного скота.
16. На душу населения плугов.
17. На душу населения усовершенствованного инвентаря.
18. На десятину посева работников.
19. На десятину посева наемных.
20. На десятину посева рабочего скота.
21. На десятину посева продуктивного скота.
22. На десятину посева плугов.
23. На десятину посева усовершенствованного инвентаря.
24. Наличие хозяйства без земли (% ко всем хозяйствам).
25. Доля хозяйств без посева.
26. Доля хозяйств с купчей землей.
27. Доля крестьян в общем объеме обеспеченности посевов.
28. Доля крестьян по обеспеченности рабочим скотом.
29. Доля крестьян по обеспеченности продуктивным скотом.
30. Доля крестьян по обеспеченности плугами.
31. Доля крестьян по обеспеченности усовершенствованными орудиями.
32. Доля крестьян с наемными рабочими.
33. У крестьян в удобной земле доля пашни.
34. У крестьян в удобной земле доля сенокоса.
35. У крестьян в удобной земле доля леса.

Применение факторного анализа (метода главных компонент) позволило выделить 4 фактора, объясняющих более 70% дисперсии признаков.

I фактор (27,5%). Размеры и технический уровень земледелия
+0,288. Посев на душу.
+0,271. Усовершенствованного инвентаря на душу.
+0,235. Пашни на душу.

+0,234. Усовершенствованного инвентаря на десятину посева.

II фактор (20,68%). Степень распространения наемного труда

+0,267. Наемных на душу.

+0,258. Наемных на десятину посева.

+0,301. Наемных, % к работникам.

+0,259. Доля хозяйств с наймом, %.

0,291. Доля наемных рабочих, занятых в крестьянском хозяйстве.

0,246. На душу удобной земли.

0,232. Доля крестьянских хозяйств без земли.

III фактор (12,3%). Степень пролетаризации крестьянского хозяйства

0,327. Доля крестьянских хозяйств без рабочего скота.

0,296. Доля крестьянских хозяйств без всякого скота.

0,220. Обеспеченность плугами на десятину посева.

0,220. Доля крестьянских хозяйств без посева.

0,213. Доля крестьянских хозяйств без работников.

0,259. Занято промыслами, % к работникам обоего пола.

0,215. Доля хозяйств с промыслами.

IV фактор (9,28%). Степень обуржуазивания крестьянского хозяйства

0,354. Наличные хозяйства с купчей землей.

0,292. Обеспеченность плугами на душу.

0,354. Обеспеченность плугами на десятину посева.

Выделенные на основе формальных критериев факторы (по степени объясненной ими дисперсии) по своему содержанию являются обобщенными показателями наиболее существенных сторон развития крестьянского хозяйства дореволюционной России. Они характеризуют и его производственно-экономический (I фактор) и социальный уровни развития (II—IV факторы). Очевидно, что наиболее общая и масштабная оценка экономического и социального развития крестьянского хозяйства заложена в I и II факторах. Два других фактора (III и IV) являются как бы конкретизацией социальных процессов, прежде всего воздействия капиталистических закономерностей на развитие крестьянского хозяйства, проявлением которого можно считать развитие найма, процесс социальной дифференциации крестьянских хозяйств. Различия в формах протекания процесса социального расслоения крестьянства разных губерний, преобладание в одних губерниях тенденций пролетаризации крестьянства, а в других губерниях проявление процесса обуржуазивания и зафиксированы соответственно III и IV факторами. В этой связи дополнительные сведения дает анализ IV фактора, в состав которого входят наряду с перечисленными признаками, имеющими положительные факторные нагрузки, показатели с отрицательными нагрузками: доля хозяйств без посева (—0,304), без рабочего скота (—0,272), без всякого скота (—0,304). Эти данные представляют дополнительные основания для содержательной интерпретации III и IV факторов как характеристик пространственного размежевания ведущих тенденций, направлений социальной дифференциации крестьянства в различных губерниях.

Итак, на данном этапе осмысления итогов факторного анализа, примененного к материалам переписи 1917 г., нами получены обобщенные емкие характеристики крестьянского хозяйства, вобравшие большую часть (более 20) отобранных признаков, которые определяли характер и особенности функционирования крестьянского хозяйства России накануне Октябрьской революции. Значительное сокращение числа показателей практически не сопровождается потерей информации, социально значимой для последующего анализа развития крестьянского хозяйства на основе выделенных обобщенных характеристик-факторов.

Следующим этапом изучения крестьянского хозяйства на основе полученных итогов факторного анализа является определение региональных особенностей развития крестьянского хозяйства губерний Европейской России (по размерам и техническому уровню развития земледелия, степени распространения наемного тру-

Таблица 51

Характеристика социально-экономического строя крестьянского хозяйства губерний Европейской России по уровню развития земледелия (I), степени развития найма (II), пролетаризации и обуржуазивания крестьянского хозяйства (III, IV)

Номер	Губерния	Факторные веса			
		I	II	III	IV
1	Астраханская	3,66	6,37	1,16	3,18
2	Витебская	—2,31	—1,82	—0,86	6,45
3	Владимирская	—1,97	—0,46	0,61	—0,65
4	Вологодская	—2,67	1,06	—2,22	—0,30
5	Волынская	—0,74	—1,05	0,87	—1,73
6	Воронежская	1,14	—2,55	0,66	—0,61
7	Вятская	1,74	—0,88	—3,85	—0,98
8	Донская	7,94	3,62	—0,30	2,35
9	Екатеринославская	5,44	1,59	5,55	—0,98
10	Казанская	1,45	—2,52	—0,87	—1,27
11	Калужская	—1,76	—0,23	—1,11	—0,18
12	Киевская	—1,04	—3,30	3,28	0,41
13	Костромская	—2,43	2,20	0,15	—0,90
14	Курская	0,85	—3,57	—0,90	0,79
15	Могилевская	—1,63	0,91	—1,12	2,11
16	Московская	—6,62	3,29	5,48	—0,87
17	Нижегородская	—1,68	—1,87	1,13	—2,31
18	Новгородская	—4,29	1,83	—1,50	0,37
19	Олонецкая	—6,10	1,60	—4,60	—2,60
20	Оренбургская	4,30	5,16	—3,14	0,40
21	Орловская	0,55	—2,91	—0,27	0,75
22	Пензенская	0,59	—4,00	—0,64	—1,28
23	Пермская	0,71	1,65	—1,06	—1,81
24	Петроградская	—2,96	2,53	2,25	0,14
25	Полтавская	1,31	—1,53	1,89	1,04
26	Рязанская	—0,62	—2,49	—0,25	—1,10
27	Самарская	4,99	0,67	1,44	0,07
28	Саратовская	3,79	—0,84	—0,16	—0,26
29	Симбирская	0,85	—3,44	—0,77	—1,37
30	Смоленская	—0,34	3,10	0,10	3,34
31	Тамбовская	0,89	—4,28	—0,15	—1,32
32	Тверская	—3,05	2,80	0,32	1,30
33	Тульская	0,59	—2,64	0,04	1,37
34	Уфимская	1,74	1,99	—1,63	—0,40
35	Харьковская	2,57	—2,03	2,29	0,54
36	Черниговская	—1,57	0,35	0,77	2,52
37	Ярославская	—3,03	1,68	0,31	0,16

да и форм социального расслоения крестьянства). Основой такого изучения были факторные веса — количественные характеристики развития выделенных показателей в крестьянском хозяйстве губерний (таблица 51).

На основе исследования и сопоставления факторных весов наиболее существенных сторон развития крестьянского хозяйства возможно провести группировку губерний по степени развития

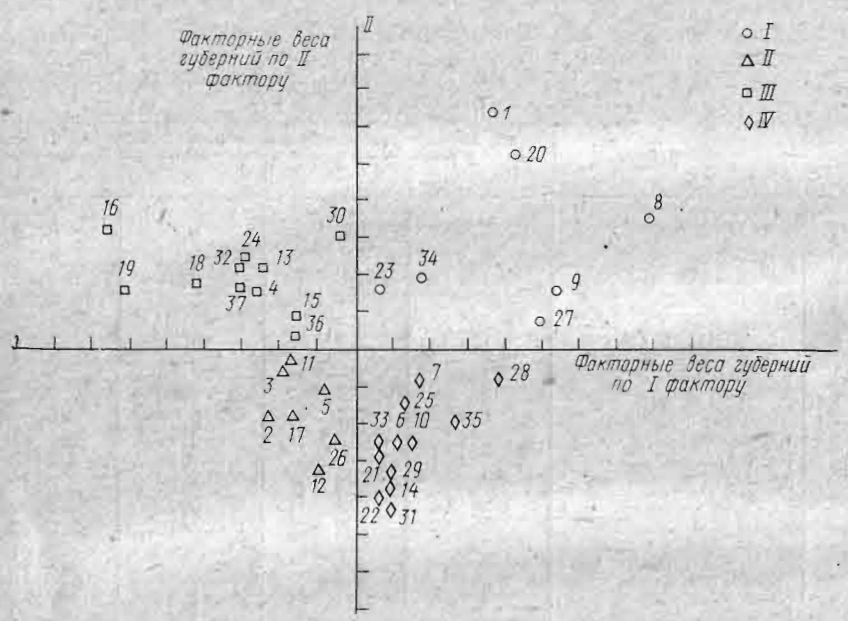

Рис. 2. Губернии «полярного» типа с (I) высоким (1 — Астраханская, 8 — Донская, 9 — Екатеринославская, 20 — Оренбургская, 23 — Пермская, 27 — Самарская, 34 — Уфимская) и (II) с низким (2 — Витебская, 3 — Владимирская, 5 — Волынская, 11 — Калужская, 12 — Киевская, 17 — Нижегородская, 26 — Рязанская) уровнем развития крестьянского хозяйства.
Губернии «смешанного» нечерноземного (4 — Вологодская, 13 — Костромская, 15 — Могилевская, 16 — Московская, 18 — Новгородская, 19 — Олонецкая, 24 — Петроградская, 30 — Смоленская, 32 — Тверская, 36 — Черниговская, 37 — Ярославская) и черноземного (6 — Воронежская, 7 — Вятская, 10 — Казанская, 14 — Курская, 21 — Орловская, 22 — Пензенская, 25 — Полтавская, 28 — Саратовская, 29 — Симбирская, 31 — Тамбовская, 33 — Тульская, 35 — Харьковская) подтипов

каждой характеристики крестьянского хозяйства. Наиболее интересна, на наш взгляд, типология губерний Европейской России с учетом размеров и технического уровня земледелия в крестьянском хозяйстве (то есть производственно-экономического потенциала крестьянского хозяйства), а также масштаба применения в нем наемного труда (то есть характера и уровня развития социально-производственных отношений). Такого рода типологию можно представить графически (рис. 2). Точками обозначено, ка-

кое место занимают 37 губерний в пространстве двух факторов на основе их факторных весов по I и II факторам. В итоге получается наглядная картина того, как «распадаются» губернии на 4 группы в соответствии с различиями в производственно-экономическом уровне, а также по интенсивности социальных процессов, протекавших в крестьянском хозяйстве.

Две группы губерний назовем группами «полярных» типов развития крестьянского хозяйства. Это группы соответственно «высокого» и «низкого» уровня развития крестьянского хозяйства. В первой группе (высокого уровня развития крестьянского хозяйства) губернии имеют положительные значения факторных весов и по I (размеры и технический уровень развития земледелия) и по II (степень развития найма) факторам, то есть характеризуются развитием выше среднего по обоим факторам. В среднем по этой группе индекс суммарных факторных весов по I и II факторам составляет 7,11 и соответственно по каждому из факторов 4,11 и 3,0. Во второй группе губернии имеют отрицательные факторные веса (то есть уровень их развития ниже среднего) и по I и по II факторам. Индекс (средняя сумма факторных весов по I, II факторам) —3,4 и соответственно по каждому фактору —1,45 и —1,6 (таблица 52).

Третью и четвертую группы губерний назовем губерниями «смешанных типов» развития крестьянского хозяйства. Так, для

Таблица 52

Губернии «полярных» типов

Номер	Губернии с высоким уровнем развития крестьянского хозяйства	Факторные веса		Суммарный индекс по 2 факторам
		по I фактору	по II фактору	
1	Астраханская	3,66	6,37	10,03
2	Донская	7,94	3,62	11,56
3	Екатеринославская	5,44	1,59	7,03
4	Оренбургская	4,30	5,16	9,46
5	Пермская	0,71	1,65	2,36
6	Самарская	4,99	0,67	5,66
7	Уфимская	1,74	1,99	3,73
	Среднее по группе	4,11	3,0	7,1
	Губернии с низким уровнем развития			
1	Витебская	—2,31	—1,82	—6,44
2	Владимирская	—1,97	—0,46	—2,43
3	Волынская	—0,74	—1,05	—1,79
4	Калужская	—1,76	—0,23	—1,99
5	Киевская	—1,04	—3,30	—4,34
6	Нижегородская	—1,68	—1,87	—3,55
7	Рязанская	—0,62	—2,49	—3,11
	Среднее по группе	—1,45	—1,60	—3,4

третьей группы губерний, куда входят в основном губернии нечерноземные, характерно развитие социальных показателей выше среднего уровня (положительные факторные веса по II фактору — развитие найма; в среднем по группе индекс равен 1,94), хотя он и значительно ниже, чем для группы с высоким уровнем развития крестьянского хозяйства. В то же время третья группа губерний отличается низким уровнем развития земледельческого произ-

Таблица 53

Губернии «смешанных» типов

Номер	Губернии нечерноземного подтипа	Факторные веса		Суммарный индекс по 2 факторам
		по I фактору	по II фактору	
1	Вологодская	—2,67	1,06	—1,61
2	Костромская	—2,43	2,20	—0,23
3	Могилевская	—1,63	0,91	—0,72
4	Московская	—6,62	3,29	—3,33
5	Новгородская	—4,29	1,83	—2,46
6	Олонецкая	—6,10	1,60	—4,50
7	Петроградская	—2,96	2,53	—0,43
8	Смоленская	—0,34	3,10	2,76
9	Тверская	—3,05	2,80	—0,25
10	Черниговская	—1,57	0,35	—1,22
11	Ярославская	—3,03	1,68	—1,45
	Среднее значение факторного веса по группе	—3,15	1,94	—1,92
	Губернии черноземного подтипа			
1	Воронежская	1,14	—2,55	—1,41
2	Вятская	1,74	—0,88	0,86
3	Казанская	1,45	—2,52	—1,07
4	Курская	0,85	—3,57	—2,72
5	Орловская	0,55	—2,91	—2,36
6	Пензенская	0,59	—4,00	—3,41
7	Полтавская	1,31	—1,53	—0,22
8	Саратовская	3,79	—0,84	2,95
9	Симбирская	0,85	—3,44	—2,59
10	Тамбовская	0,89	—4,28	—3,39
11	Тульская	0,59	—2,64	—2,05
12	Харьковская	2,57	—2,03	0,54
	Среднее по группе	1,36	—2,6	—1,24

водства в крестьянском хозяйстве (индекс группы по этому фактору —3,15); все губернии этой группы имеют отрицательные факторные веса по I фактору (таблица 53).

Четвертая группа, куда входят черноземные губернии, наоборот, отличается развитием земледелия в крестьянском хозяйстве выше среднего уровня. Все губернии имеют положительные факторные веса по I фактору, а в среднем индекс группы равен 1,36.

Такой показатель значительно ниже индекса развития земледельческого производства в группе с высоким уровнем развития крестьянского хозяйства. Однако он качественно выше оценки этого показателя в группе губерний с низким уровнем развития крестьянского хозяйства. Вместе с тем по социальным показателям губернии четвертой группы имеют отрицательные факторные веса, то есть отличаются низким уровнем развития, даже ниже, чем в губерниях группы «полярного» типа с «низким уровнем развития крестьянского хозяйства». Так, для черноземных губерний смешанного типа индекс социального развития хозяйства в среднем составляет —2,6. Однако обе группы губерний смешанного типа имеют индексы средних значений факторных весов по I,II факторам отрицательные и близкие по величине, соответственно для группы губерний «черноземных» —1,24, а для группы губерний «нечерноземных» — 1,92. Близкие индексы средних значений факторных весов являются формальным основанием, чтобы отнести третью и четвертую группы к одному «смешанному» типу развития крестьянского хозяйства, который является как бы «промежуточным», «переходным» между выделенными «полярными» типами развития крестьянского хозяйства.

Охарактеризуем выделенные типы и группы губерний по особенностям развития в них крестьянского хозяйства. Полученные данные интересно сравнить с общими итогами аграрной и социальной типологии губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.

Первая группа губерний отличается высоким уровнем развития крестьянского хозяйства: она представлена прежде всего губерниями степного типа аграрной структуры: Астраханской, Донской, Екатеринославской, Оренбургской, Самарской, то есть губерниями высокого уровня аграрного развития вообще. Аграрные отношения этих губерний определяло крестьянское хозяйство. Лишь Пермская и Уфимская губернии относятся к другому региону и типу (помещичье-крестьянскому).

Если ядро группы высокого уровня развития крестьянского хозяйства составляют губернии «крестьянского» типа аграрного развития, то для другой группы губерний («полярного» типа) определяющим, на наш взгляд, является наличие трех (из четырех по публикации погубернских итогов переписи 1917 г.) губерний («западного») помещичьего типа низкого уровня аграрного развития. Ко второй группе относятся Витебская, Волынская и Киевская губернии. Именно тормозящее воздействие помещичьего хозяйства определяло угнетенное состояние социальных процессов, низкий уровень производственного развития крестьянского хозяйства губерний второй группы, неоднородной и по территориальной принадлежности, и по природно-географическим характеристикам (кроме Витебской, Волынской и Киевской во вторую группу вошли Владимирская, Нижегородская, Калужская и Рязанская губернии). Производственный и социальный уровень развития крестьянского хозяйства этих губерний можно определить

Таблица 54

Размеры и технический уровень развития земледелия в крестьянском хозяйстве губерний полярных типов

Номер	Губернии с высоким уровнем развития крестьянского хозяйства	Удобная земля	Пашня	Посев	Поголовье рабочего скота	Продуктивный скот	Обеспеченность плугами	Усовершенствованные орудия труда	Доля крестьян	
		на 100 душ обоего пола							в посевах	в усовершенствованном орудии
1	Астраханская	248	161	87	26	77	3,2	3,0	97	96
2	Донская	208	195	177	44	44	16,0	16,0	94	97
3	Екатеринославская	92	91	95	22	20	11,0	12,0	86	92
4	Оренбургская	489	202	122	47	51	11,0	7,0	98	98
5	Пермская	311	91	68	26	34	1,7	4,0	96	88
6	Самарская	205	158	128	34	37	10,3	9,7	95	96
7	Уфимская	284	158	58	29	35	6,0	4,5	96	97
	В среднем по группе	262,4	150,8	105	36,2	42,6	85	8,0	94,6	94,9
	Губернии с низким уровнем развития									
1	Витебская	173	88	62	19	49	16	1,2	73	51
2	Владимирская	176	92	47	13	23	9	3,8	98	88
3	Волынская	94	65	50	26	31	10	1,9	96	88
4	Калужская	162	100	54	21	30	5,3	1,3	94	83
5	Киевская	69	61	46	17	21	7,1	1,4	69	69
6	Нижегородская	141	90	63	14	22	5,1	0,7	96	86
7	Рязанская	120	82	55	16	25	2,4	2,0	93	85
	В среднем по группе	133,6	82,6	53,9	18	28,7	6,8	1,7	88,4	78,6

Таблица 55

Степень распространения наемного труда

Номер	Губернии с высоким уровнем развития	Общая доля наемных рабочих, %	Крестьяне	Работники	Наемные работники	Доля крестьян в наемных работниках, %	Крестьянские хозяйства, %					
			% наемных на 100 душ				с наймом	без скота	без рабочего скота	без земли	без посева	с купчей землей
1	Астраханская	3,1	3,1	54	1,7	99	3,1	26,0	41,8	33,5	59,7	3,3
2	Донская	5,0	3,2	54	1,7	65	3,2	14,0	26,7	21,0	22,3	13,9
3	Екатеринославская	3,4	2,3	53	1,2	80	2,3	26,0	51,6	32,7	41,3	11,8
4	Оренбургская	3,0	2,5	54	1,3	84	2,5	11,5	20,4	23,0	24,8	11,8
5	Пермская	1,9	1,6	55	0,9	65	1,6	14,3	26,5	15,6	22,7	4,8
6	Самарская	2,4	1,7	54	0,9	70	1,7	14,7	27,9	17,8	18,5	11,0
7	Уфимская	2,1	1,5	53	0,8	76	1,5	11,4	22,0	14,7	14,6	20,9
	В среднем по группе	2,99	2,27	53,9	1,21	77	2,27	16,8	30,99	22,6	29,1	18,9
	Губернии с низким уровнем развития											
1	Витебская	3,7	0,6	59	0,3	15	0,6	5,0	16,4	4,0	7,9	77,2
2	Владимирская	1,2	0,7	58	0,4	60	0,7	15,0	41,7	6,2	15,9	29,7
3	Волынская	1,9	0,3	58	0,1	65	0,3	36,0	40,9	12,9	26,2	25,8
4	Калужская	1,7	0,8	62	0,5	45	0,8	8,7	19,2	7,1	9,2	3,4
5	Киевская	3,1	0,9	57	0,5	28	0,9	19,9	55,4	7,6	12,4	18,2
6	Нижегородская	1,1	0,5	58	0,3	46	0,5	19,0	48,5	11,9	17,0	26,2
7	Рязанская	1,7	0,6	58,4	0,4	38	0,6	14,0	39,7	7,0	10,6	30,0
	В среднем по группе	2,06	0,63	58,4	0,36	42,4	0,63	16,8	37,4	8,1	14,2	30,1

на основе сравнительного анализа производственно-экономических и социальных характеристик крестьянского хозяйства первой и второй групп губерний, представляющих полярные типы развития крестьянского хозяйства (таблицы 54 и 55).

Так, масштабы земледельческого производства в крестьянском хозяйстве в губерниях высокого уровня развития вдвое превышают аналогичные показатели крестьянского хозяйства губерний низкого уровня развития (например, размеры удобной земли, пашни, посева на душу); в губерниях первой группы значительно выше и удельный вес крестьянского хозяйства в земледельческом производстве (доля в посевах крестьянского хозяйства по группам соответственно 94,6 и 88,4%). Весьма существенны и различия в производственно-техническом потенциале крестьянского хозяйства. Так, в группе губерний с высоким уровнем развития крестьянского хозяйства значительно выше обеспеченность тягловым и продуктивным скотом, плугами. Особенно заметны различия в оснащенности крестьянского хозяйства усовершенствованными орудиями. Крестьянское хозяйство губерний высокого уровня развития почти в 5 раз превосходит по этому показателю крестьянское хозяйство губерний низкого уровня развития, а доля его в усовершенствованных орудиях составит 940,9% по сравнению со средней оснащенностью орудиями по группе губерний с низким уровнем развития крестьянского хозяйства, где этот показатель составляет 78,6%.

Весьма значителен контраст в интенсивности и формах развития социальных процессов в крестьянском хозяйстве губерний, представляющих его «полярные» типы. Развитие найма в сельскохозяйственном производстве первой и второй групп губерний достигло приблизительно одного уровня с небольшим преимуществом губерний первой группы (2,99 и 2,06 наемных рабочих в среднем по обеим группам). Однако резко различаются показатели доли наемных рабочих в крестьянском хозяйстве и удельного веса наемной рабочей силы, использующейся в крестьянском хозяйстве в общем показателе применения наемного труда в сельском хозяйстве губерний. Интенсивность развития найма в крестьянском хозяйстве значительно выше в первой группе губерний. Более чем в 3 раза выше здесь показатели числа наемных на 100 работников обоего пола, доли хозяйств с наймом и др.

Необходимо отметить и различия в формах протекания социальных процессов в крестьянском хозяйстве губерний «полярных» типов развития крестьянского хозяйства. Так, развитие найма в крестьянском хозяйстве группы губерний высокого уровня развития привело к образованию значительной доли безземельных и беспосевных хозяйств (соответственно 22,6 и 29,1%) и хозяйств без рабочего скота (30,99%). Все эти процессы свидетельствуют о пролетаризации крестьянства в губерниях первой группы при относительно меньшей доли зажиточных хозяйств (доля хозяйств с купчей землей в среднем по группе составляет 18,9%). Для группы губерний низкого уровня развития характерна иная кар-

тина состояния крестьянского хозяйства, развития в нем социальных процессов. Так, в губерниях второй группы (см. таблицу 55) значительно ниже доля крестьянских хозяйств пролетарского и полупролетарского типов — без земли и посева (соответственно 8,1 и 14,2%). Вместе с тем здесь больше, чем в первой группе, доля крестьянских хозяйств без рабочего скота (37,4%). Таким образом, тормозящее воздействие помещичьего хозяйства здесь проявлялось, на наш взгляд, в том, что преобладала отработочная система как переходная к собственно капиталистической. Такие отработки приводили к замене крестьянского тягла и инвентаря помещичьим, но не лишали крестьянина полностью средств производства: у него оставался клочок земли. Особенности социальной дифференциации крестьянства во второй группе губерний проявились и в выделении значительного слоя зажиточного крестьянства, показателем чего можно считать долю хозяйств с купчей землей, составляющую 30,1%.

Для раскрытия особенностей темпов и форм развития социальных процессов в крестьянском хозяйстве губерний Европейской России может быть привлечен дополнительный материал — значения факторных весов губерний по III и IV фактору.

Характеризуя особенности развития крестьянского хозяйства в группах губерний «смешанного» типа, мы также прибегнем к сравнительному анализу показателей размеров и технического уровня развития, степени и форм развития найма в крестьянском хозяйстве губерний, входящих в две группы этого типа (таблицы 56, 57). По составу входящих в каждую группу губерний крестьянское хозяйство можно характеризовать как смешанное (по нечерноземному и соответственно черноземному типам).

Сравнительный анализ показателей, характеризующий размеры и технический уровень земледелия в крестьянском хозяйстве нечерноземных и черноземных губерний смешанного типа, не дает однозначной оценки. Так, крестьянское хозяйство черноземного подтипа (см. таблицу 56) превосходило крестьянское хозяйство нечерноземного подтипа по размерам земледельческого производства (пашни, посева на 100 душ обоего пола 91,3 и 80,6 десятины, а также 76,8 и 48,5 десятины в нечерноземной группе). Вместе с тем удельный вес крестьянского хозяйства в земледельческом производстве был выше в группе губерний нечерноземного подтипа. Что касается производственно-технической оснащенности, то крестьянское хозяйство нечерноземного подтипа уступало лишь в обеспеченности усовершенствованными орудиями, которая была в среднем вдвое выше в крестьянском хозяйстве черноземных губерний; по обеспеченности тягловым, продуктивным скотом и плугами крестьянское хозяйство нечерноземных губерний опережало крестьянское хозяйство черноземных губерний. Отметим, что по уровню обеспеченности плугами крестьянское хозяйство нечерноземных губерний приблизилось к уровню группы губерний высокого развития. Однако в целом по всем другим, за единичными исключениями, показателями размеров и техническо-

Таблица 56

Размеры и технический уровень развития земледелия в крестьянском хозяйстве губерний «смешанных» типов

Номер	Губернии «нечерноземного» подтипа	Удобная пашня	Пашня	Посев	Рабочий скот	Продуктивный скот	Плуги	Усовершенствованные орудия	Доля крестьян в	
		на 100 душ обоего пола							посевах	усовершенствованных орудиях, %
1	Вологодская	204	91	43	19	49	6,4	16,2	99,3	96,3
2	Костромская	237	90	48	16	31	6,1	0,7	99,4	91,4
3	Могилевская	173	89	62	25	42	8,6	2,2	89,5	88,2
4	Московская	81	36	26	14	22	10,0	0,6	93,1	67,8
5	Новгородская	348	70	44	20	40	8,9	1,2	96,5	83,9
6	Олонецкая	394	54	34	20	41	0,9	0,1	98,9	1,9
7	Петроградская	230	67	40	16	33	8,7	20,0	92,2	88,4
8	Смоленская	204	91	66	24	36	20,0	4,8	96,0	88
9	Тверская	235	76	49	19	32	1,2	1,5	96,9	90,2
10	Черниговская	130	90	67	25	32	14,3	1,7	91,4	85,4
11	Ярославская	204	91	65	21	33	8,6	2,2	95,1	87,1
	В среднем по группе	221,8	76,8	48,5	19,9	35,5	8,5	1,7	95,3	79,0
	Губернии «черноземного» подтипа									
1	Воронежская	117	85	83	20	26	6,3	3,3	89,1	84,0
2	Вятская	197	63	102	21	37	2,1	4,7	99,7	99,6
3	Казанская	125	99	72	19	27	6,3	3,3	97,1	84,0
4	Курская	104	83	74	21	25	8,5	4,0	88,5	88,8
5	Орловская	114	88	74	20	28	6,7	2,4	88	82,4
6	Пензенская	113	86	78	16	24	3,4	1,1	92,5	77,4
7	Полтавская	97	76	75	19	23	9,3	5,0	82,6	85,1
8	Саратовская	173	130	109	24	31	8,6	9,1	93,2	95,1
9	Симбирская	132	108	79	17	25	4,4	1,2	95,5	84,0
10	Тамбовская	112	91	69	16	23	2,7	2,1	88,2	80,9
11	Тульская	122	97	82	21	29	8,0	3,9	87,1	88,2
12	Харьковская	94	90	70	22	20	9,5	7,0	86,1	90,6
	В среднем по группе	125	91,3	80,6	19,7	26,5	6,3	3,9	90,6	86,3

Таблица 57

Степень распространения наемного труда в крестьянском хозяйстве губерний «смешанных» типов

Номер	Губернии «нечерноземного» типа	Наемные в сельскохозяйственном производстве, %	Наемные у крестьян, %	Работники (на 100 душ)	Наемные (на 100 душ)	Доля крестьян в наемных, %	Крестьянские хозяйства, %					
							с наймом	без скота	без рабочего скота	без земли	без посева	с купчей
1	Вологодская	1,1	0,9	59	0,5	82	2,3	8,8	25,5	3,0	7,6	21,1
2	Костромская	1,9	1,7	59	1,0	88	2,2	14,6	31,6	11,9	17,2	38,4
3	Могилевская	1,9	1,1	59	0,7	65	2,4	6,4	9,2	7,8	10,4	46,5
4	Московская	3,2	1,2	61	0,7	38	2,6	23,7	41,7	17,8	22,4	21,6
5	Новгородская	1,9	0,6	60	0,4	65	0,5	12,2	22,9	9,8	13,6	43,8
6	Олонецкая	1,0	0,8	60	0,5	81	1,9	9,0	22,4	5,0	6,7	2,4
7	Петроградская	3,0	1,4	59	0,8	47	2,9	18,7	34,4	11,2	24,0	35,7
8	Смоленская	1,9	2,2	59	11,3	65	2,2	15,8	14,9	9,4	7,6	26,6
9	Тверская	2,0	1,5	62	0,9	73	3,8	12,6	21,1	6,2	14,3	26,6
10	Черниговская	3,0	1,2	58	0,7	41	3,1	6,2	25,3	4,4	5,2	37,3
11	Ярославская	1,6	1,2	59	0,7	73	2,6	14,2	38,8	8,2	13,6	40,3
	В среднем	2,05	1,3	59,5	0,75	65,3	2,4	12,5	26,2	8,6	12,96	30,9
	Губернии «черноземного» типа											
1	Воронежская	2,3	0,7	56	0,5	31	1,4	20,4	38,0	7,5	19,9	24,1
2	Вятская	0,5	0,5	58	0,3	94	1,3	6,8	16,6	3,6	3,2	3,6
3	Казанская	2,3	0,7	55	0,5	31	1,4	16,0	38,0	5,8	7,6	9,6
4	Курская	2,5	0,4	56	0,2	17	0,9	10,0	27,7	4,2	7,7	21,4
5	Орловская	3,3	0,9	57	0,5	27	2,0	10,4	38,0	5,2	2,8	29,2
6	Пензенская	1,5	0,3	54	0,2	23	0,6	15,7	35,8	4,4	7,8	23,9
7	Полтавская	2,3	0,7	56	1,7	42	1,4	16,0	38,0	7,5	12,6	24,1
8	Саратовская	2,7	1,3	55	0,7	49	2,7	18,0	34,4	11,4	21,2	21,7
9	Симбирская	1,2	0,3	55	0,2	28	0,6	15,5	35,4	9,8	13,3	29,3
10	Тамбовская	1,6	0,2	55	0,1	15	0,6	18,9	38,1	8,1	13,3	24,1
11	Тульская	3,6	0,8	59	0,4	21	2,1	11,6	30,3	4,2	7,4	34,6
12	Харьковская	2,9	1,1	55	0,6	37	2,1	19,0	34,9	9,8	23,0	21,6
	В среднем	2,2	0,7	55,9	0,6	34,6	1,4	14,9	33,7	6,9	11,7	22,3

го уровня развития земледелия крестьянское хозяйство губерний «смешанного» типа значительно уступало группе губерний высокого уровня развития крестьянского хозяйства.

В целом различия в производственном потенциале развития крестьянского хозяйства в двух группах губерний можно характеризовать как различия между экстенсивными и интенсивными формами организации земледелия, в отличие от принципиального различия уровней развития в группах «полярных» типов.

Рассмотрим различия групп губерний «смешанного» типа на основе сравнительного анализа показателей социального развития крестьянского хозяйства. Так, совершенно очевидно, что по темпам и масштабам развития наемного труда преобладает крестьянское хозяйство нечерноземных губерний. Показатель масштаба применения наемного труда в крестьянском хозяйстве (доля крестьянских хозяйств с наймом) в группе нечерноземных губерний даже выше, чем в среднем по губерниям высокого уровня развития крестьянского хозяйства.

Не наблюдается различий степени и характера социальной дифференциации крестьянства в «смешанного» типа губерниях. Так, в обеих группах отмечены относительно большая доля хозяйств с купчей землей (условно верхней полярной социальной группы крестьянства) при значительно меньшем удельном весе низших (безземельных и беспосевных) групп. Заметим, что более резкие различия прослеживаются по удельному весу «полярных» групп крестьянских хозяйств в нечерноземных губерниях (30,9% — хозяйств с купчей землей и 8,6 и 12,96% соответственно без земли и без посева) по сравнению с черноземными губерниями, где процесс социальной дифференциации шел менее интенсивно (22,3% хозяйств с купчей землей и соответственно 6,9 и 11,7% хозяйств без земли и без посева). Для групп губерний «полярных» типов характерно наличие высокой доли хозяйств без рабочего скота, особенно значительна эта доля в черноземных губерниях, которая, как уже отмечалось, составляет 33,7% хозяйств. Значительная доля хозяйств без рабочего скота сближает группы губерний «смешанного» типа по форме протекания социальных процессов с «полярным» типом низкого уровня развития крестьянского хозяйства.

В заключение отметим, что применение факторного анализа к опубликованным погубернским итогам переписи 1917 г., на наш взгляд, весьма перспективно для изучения многих показателей крестьянского хозяйства. Так, оно позволило выявить обобщенные характеристики производственно-экономического и социального развития крестьянского хозяйства. Основные компоненты социальных процессов включают степень развития наемного труда, формы и интенсивность социального расслоения. На основе применения факторного анализа (только к губернским данным) стало возможным выявление типологии крестьянского хозяйства на губернском уровне с учетом его производственно-технической оснащенности, а также темпов и форм развития социальных процессов. Так, существенные различия в производственно-техническом уровне земледелия, а также в темпах интенсивности и формах развития социальных процессов прослеживаются в крестьянском хозяйстве губерний «полярных» типов, которые выделяются, на наш взгляд, лидирующим положением соответственно крестьянского (в группе высокого уровня развития) и помещичьего (в группе низкого уровня развития) хозяйства. В группе губерний, представляющих «смешанный» тип развития, крестьянское хозяйство в целом можно оценить как среднее между «полярными» типами. В то же время развитие его в нечерноземных и черноземных губерниях имело свои особенности. Так, в плане производственно-экономической характеристики оно различалось по формам организации и охарактеризовано как экстенсивное (в черноземных) и интенсивное (в нечерноземных губерниях). Темпы, уровень и интенсивность развития найма в крестьянском хозяйстве черноземных губерний были во многом аналогичны развитию этих процессов в крестьянском хозяйстве нечерноземных губерний.

Высказанные наблюдения и выводы представляют интерес в плане дальнейшего конкретно-исторического изучения особенностей развития крестьянского хозяйства специальных регионов России, его капиталистической эволюции, развития процесса классовой борьбы, в том числе сочетания двух социальных войн в российской деревне, вызревания социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 281.
[2] Там же. С. 282.
[3] См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881—1904. М., 1980. С. 23—24.
[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 376, 377.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 100.
[6] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 104—105.
[7] См.: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства России в эпоху капитализма. М., 1982. Гл. V.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 100.
[9] Там же. С. 105.
[10] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 101.
[11] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 227.
[12] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 405.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование массовых статистико-экономических материалов, позволяющих изучать социально-экономический строй крестьянского хозяйства России в эпоху капитализма, показывает, что круг этих источников значительно более широкий, чем представлялось прежде. Основой для такого изучения могут служить не только те данные земских и других обследований, которые включают группировки крестьянских дворов по их хозяйственной состоятельности, но и разного рода обобщенные пространственные (поселенные, волостные, уездные и губернские) сводки указанных данных, не содержащие похозяйственных группировок. Возможность для этих исследований открывается системным подходом и применением математико-статистических методов, позволяющих раскрывать производственно-экономическую и социально-экономическую структуру крестьянского хозяйства.

Системный подход и структурный анализ показывают степень подчиненности внутреннего строя крестьянского хозяйства закономерностям, присущим товарно-капиталистическому производству. При этом оказывается возможным выявление, с одной стороны, глубины развития капитализма в крестьянском хозяйстве, а с другой — сохранения во внутреннем строе крестьянского хозяйства докапиталистических отношений. Существенно, что и то и другое может быть показано в своих пространственных, временных, производственно-отраслевых, природно-географических и других вариациях, а также на разных уровнях системного анализа, начиная с рассмотрения внутреннего строя крестьянского хозяйства в отдельных селениях и волостях и кончая Европейской Россией в целом.

Преимуществом системно-структурного анализа является то, что он позволяет также использовать при выполнении производственно-экономического и социально-экономического строя крестьянского хозяйства сведения, содержащиеся в различных источниках. Особенно широким комплексное использование синхронных источников может быть при анализе структуры крестьянского хозяйства на уровне уездных и губернских данных. Системно-структурный анализ расширяет также возможности для сопоставления внутреннего строя крестьянского хозяйства в различных местностях и в разные периоды времени, ибо сравнения здесь могут быть вполне корректными и при неполном совпадении анализируемых показателей.

Проведенное исследование еще раз показало, что наибольший эффект от применения математических методов может быть получен при органическом их сочетании с традиционными методами обработки количественных данных и, что особенно важно, при глубоком сущностно-содержательном, теоретико-методологическом подходе к анализу изучаемых явлений и процессов. В противном случае никакие самые совершенные количественные методы не дадут сами по себе верного результата.

Методы обработки и анализа основных статистических источников, содержащих разнообразную информацию о внутреннем строе крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма могут быть применены при изучении внутреннего строя крестьянского хозяйства и других регионов страны и при оперировании с количественными показателями, извлеченными из иных типов и видов источников. Впрочем, многие из таких источников близки или аналогичны по своему характеру земским подворным описаниям крестьянского хозяйства Европейской России, ибо ориентировались на данные описания, да и проводились нередко с участием земских статистиков. К числу таких источников относятся публикации и первичные материалы обследований и описаний крестьянского хозяйства Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока.

Имеющийся круг источников как непосредственно о крестьянском хозяйстве, так и о других сторонах аграрного развития России в эпоху капитализма, а также уже апробированные методы их математической обработки и анализа позволяют развернуть систематическое и скоординированное исследование производственно-экономического и социально-экономического строя крестьянского хозяйства во всех регионах страны. Применительно к Европейской России основными источниками для такого изучения являются материалы земских подворных описаний крестьянского хозяйства и сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Особое внимание здесь должно быть уделено обработке и анализу данных повторных земских описаний. Они позволяют применительно к одним и тем же территориальным единицам (селениям, волостям, уездам) выявить временные изменения во внутреннем строе крестьянского хозяйства, то есть рассмотреть буржуазную эволюцию этого строя. Тем самым степень развития капитализма в крестьянском хозяйстве будет раскрыта с учетом общего уровня буржуазного развития страны в целом и отдельных ее регионов.

В начале анализа соотношения товарно-капиталистических и патриархально-полуфеодальных черт в хозяйствах различных слоев крестьянства следует всесторонне изучить производственно-экономическую и социально-экономическую структуру хозяйства этих слоев по тем земско-статистическим и другим материалам, которые содержат группировки крестьянских дворов. Особую ценность здесь представляют первичные подворные данные земских описаний, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. и земельных банков. Они еще не вовлечены в широкий научный оборот, а именно они позволяют самим исследователям в соответст-

вии с решаемыми исследовательскими задачами выделять различные слои в среде крестьянства.

В целом имеющийся комплекс историко-статистических данных о крестьянском хозяйстве России эпохи капитализма и современные методы обработки и анализа количественных данных позволяют всесторонне и глубоко изучить внутренний строй этого хозяйства и тем самым раскрыть объективные предпосылки буржуазно-демократической и социалистической революций в деревне.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ — Вопросы истории
ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ЕАИВЕ — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
ИЗ — Исторические записки

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Итоги и задачи изучения крестьянского хозяйства России эпохи капитализма 3

Примечания к введению 12

Часть первая

Источники и методы изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства 17

Глава 1. *Статистические источники о крестьянском хозяйстве Европейской России периода капитализма* 17

§ 1. Материалы правительственной статистики о крестьянском хозяйстве 19

§ 2. Земско-статистические обследования крестьянского хозяйства 29

§ 3. Источниковедческие проблемы изучения массовых статистических данных по истории крестьянского хозяйства России конца XIX — начала XX в. 40

Примечания к главе 1 60

Глава 2. *Методы изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства России эпохи капитализма* 64

§ 1. Системный подход и моделирование при изучении аграрного строя России 64

§ 2. Математико-статистические методы анализа массовых данных 76

Примечания к главе 2 84

Часть вторая

Социально-экономический строй крестьянского хозяйства 87

Глава 3. *Методы анализа внутреннего строя хозяйства различных групп крестьян* 88

§ 1. Анализ социально-экономического строя хозяйства различных групп крестьян по первичным (подворным) данным 88

§ 2. Многомерная типизация крестьянских хозяйств . . . 112

§ 3. Анализ внутреннего строя хозяйства различных групп крестьян по сводным данным 122

Примечания к главе 3 139

Глава 4. *Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Центральной России по сводным данным земской статистики* 140

§ 1. Сравнительный анализ размеров и уровня крестьянских хозяйств в полярных группах уездов, волостей и общин 140

§ 2. Корреляционные и факторные модели внутреннего строя крестьянского хозяйства в полярных группах селений . 149

§ 3. Корреляционная и факторная модель крестьянского хозяйства Центрально-Черноземного региона по уездным данным 169

Примечания к главе 4 186

Глава 5. *Методы изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства Европейской России по данным переписи 1917 г.* . . . 188

§ 1. Общая характеристика погубернских данных переписи 1917 г. о крестьянском хозяйстве 188

§ 2. Корреляционные модели внутреннего строя крестьянского хозяйства 195

§ 3. Факторный анализ данных переписи 1917 г. о крестьянском хозяйстве 202

Примечания к главе 5 217

Заключение 218

Список сокращений 221

глазами не увидеть — мозгами не понять!

Иван Дмитриевич Ковальченко, Татьяна Леонидовна Моисеенко, Наталия Борисовна Селунская

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА: (ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*
Редактор *М. Л. Будниченко*
Художественный редактор *Е. Н. Демина*
Художник *Ю. И. Артюхов*
Технический редактор *Н. И. Смирнова*
Корректоры *М. И. Эльмус, С. Ф. Будаева*

ИБ № 2876 НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Сдано в набор 28.09.87. Подписано в печать 24.02.88.
Л-35588. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага типогр. № 3.
Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 16,91. Тираж 1500 экз.
Заказ 197. Цена 3 р. 50 к. Изд. № 4209

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы